М.Ю. РАГИНСКИЙ

Нюрнберг:

ПЕРЕД СУДОМ ИСТОРИИ

М.Ю. РАГИНСКИЙ

Нюрнберг: перед судом истории

ВОСПОМИНАНИЯ УЧАСТНИКА НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
1986

67.91
Р14

Рагинский М. Ю.

Р14 Нюрнберг: перед судом истории. Воспоминания участника Нюрнбергского процесса.— М.: Политиздат, 1986.— 207 с., ил.

Автор книги, профессор М. Ю. Рагинский, на основе личных впечатлений о подготовке и проведении Нюрнбергского процесса, на котором он выступал в качестве помощника Главного обвинителя от СССР, приводит многочисленные документы, рассказывает о деятельности Международного военного трибунала. В книге убедительно показана борьба народов за разоблачение и наказание нацистских военных преступников, осуждение агрессивных войн.

Нацистские преступники, зачинщики второй мировой войны, виновные в чудовищных злодеяниях, получили заслуженное возмездие.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Р $\frac{0802010100-163}{079(02)-86}$ 219—85

67.91+63.3(0)62
34М+9(М)72

ПОДГОТОВКА К СУДЕБНОМУ ПРОЦЕССУ НАД ГЛАВНЫМИ НАЦИСТСКИМИ ВОЕННЫМИ ПРЕСТУПНИКАМИ

В мае 1945 года отгремели последние залпы самой опустошительной войны в Европе. Длительная кровопролитнейшая борьба стран антигитлеровской коалиции, основная тяжесть которой легла на плечи советского народа и его Вооруженных Сил, увенчалась Победой. К этому знаменательному рубежу в истории человечества советские люди шли под предводительством своего испытанного вождя — ленинской партии. Шли сквозь огонь ожесточенных сражений, через невиданные трудности и лишения, отдавая все свои силы, саму жизнь во имя защиты Родины и социалистических завоеваний, разгрома фашистских захватчиков, освобождения оккупированных стран Европы от коричневой чумы.

...В конце мая меня вызвал Прокурор СССР Константин Петрович Горшенин и конфиденциально сообщил, что надо начать подготовку к судебному процессу над главными нацистскими военными преступниками и что все материалы будут концентрироваться у меня.

О чудовищных злодеяниях фашистов был собран у нас исключительно большой доказательственный материал. Впервые мы непосредственно столкнулись с их зверствами в тяжелые дни лета 1941 года, когда Красная Армия вынуждена была в ходе оборонительных боев отходить в глубь страны. Позднее, по мере освобождения от врага городов и населенных пунктов, выявлялись все новые преступления немецко-фашистских захватчиков. Повсюду оставляли они свой кровавый след, на всех оккупированных территориях Европы, но особенно зверствовали в нашей стране, где по прямым указаниям Гитлера и его подручных создавали «зону пустыни». Гитлеровский «новый порядок» означал массовое убийство мирного населения, безудержный грабеж, пытки, насилие, глумление над человеческим достоинством.

Впоследствии на Нюрнбергском процессе Главный обвинитель от США Роберт Джексон, обращаясь к Международному военному трибуналу, говорил: «Наше доказательство будет ужасающим, и вы скажете, что я лишил вас сна. Но именно эти действия заставили содрогнуться

весь мир и привели к тому, что каждый цивилизованный человек выступил против нацистской Германии... Вопли ее жертв были слышны на весь мир и приводили в содрогание все цивилизованное человечество. Я один из тех, кто в течение этой войны выслушивал подозрительно и скептически большинство рассказов о самых ужасных зверствах. Но доказательства, представленные здесь, будут столь ошеломляющими, что я беру на себя смелость предугадать, что ни одно из сказанных мною слов не будет опровергнуто; подсудимые будут отрицать только свою личную ответственность или то, что они знали об этих преступлениях».

О нацистских преступлениях мы, как я уже говорил, знали задолго до разгрома «третьего рейха». Указом Президиума Верховного Совета СССР 2 ноября 1942 года была учреждена Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. Комиссия произвела расследование и рассмотрела 54 тысячи актов о совершенных злодеяниях, свыше 250 тысяч протоколов опросов свидетелей-очевидцев и заявлений потерпевших, установила факт чудовищных зверств, совершенных гитлеровскими преступниками над мирными гражданами и военнопленными. На Украине и в Белоруссии, в Крыму и на Кавказе, в Карелии, Прибалтике, Молдавии гитлеровские орды оставляли после себя руины сел и городов, страшные могилы с трупами замученных женщин, детей, стариков.

Расследованиями, произведенными Чрезвычайной государственной комиссией, было неопровержимо доказано: зверства, грабеж, разрушения, бандитизм были тщательно разработанной, продуманной программой гитлеровского фашизма, что бесчисленные преступления агрессоров против мирных жителей нашей Родины представляли собой не изолированные действия отдельных частей вермахта, офицеров и солдат, а являлись системой, преднамеренно насаждаемой и всячески поощряемой преступным гитлеровским правительством. Стали, например, достоянием гласности приказ командующего 6-й армией фон Рейхенау (одобренный лично Гитлером) от 10 октября 1941 года, который требовал от солдат выполнить «историческую миссию», что означало полное уничтожение Советского государства и его Вооруженных Сил, а также содержание «Памятки немецкого солдата», излагавшей кровавую программу гитлеровцев:

«Помни и выполняй:

1. ...Нет нервов, сердца, жалости — ты сделан из немецкого железа...

2. ...Уничтожь в себе жалость и сострадание, убивай всякого русского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик...

3. ...Мы поставим на колени весь мир... Германец — абсолютный хозяин мира. Ты будешь решать судьбы Англии, России, Америки... уничтожай все живое, сопротивляющееся на твоем пути... Завтра перед тобой на коленях будет стоять весь мир».

Изданный от имени Гитлера приказ верховного командования от 14 января 1942 года предписывал: «Всякое снисхождение, человечность по отношению к военнопленному строго порицаются».

Советское правительство и его органы, подчеркивалось в заявлении Народного комиссариата иностранных дел СССР от 6 января 1942 года, ведут подробный учет всех преступлений гитлеровской армии, за которые негодующий советский народ справедливо требует и добьется возмездия. В докладе 6 ноября 1942 года на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся И. В. Сталин предупредил: «Пусть знают эти палачи, что им не уйти от ответственности за свои преступления и не миновать карающей руки замученных народов».

Одного того, что было выявлено при освобождении временно захваченных врагом советских территорий, было бы более чем достаточно, чтобы предъявить нацистским преступникам суровый счет. Еще до учреждения Международного военного трибунала были проведены судебные процессы в Харькове, Краснодаре, Смоленске и других городах, раскрывшие всему миру значительную часть чудовищных преступлений гитлеровцев. В подготовке некоторых из этих процессов принимал участие и автор этих строк. Напомню об одном — Харьковском. И не только потому, что он был первым: на этом процессе четко и авторитетно были решены правовые вопросы ответственности за исполнение преступных приказов и ответственности военнопленных за преступления, совершенные до пленения.

Расследование по делу о зверствах немецко-фашистских захватчиков в Харькове и Харьковской области велось следователем по важнейшим делам при Прокуроре Союза ССР К. А. Кавериным, обвинительное заключение утвердил 11 декабря 1943 года Прокурор СССР К. П. Горшенин,

дело рассматривалось Военным трибуналом 4-го Украинского фронта в открытом судебном заседании. Государственное обвинение поддерживал военный прокурор полковник юстиции Н. К. Дунаев, защитниками выступали известные адвокаты Н. В. Коммодов, С. К. Казначеев и Н. П. Белов. Суду были преданы офицер военной контрразведки капитан Лангхельд Вильгельм, унтерштурмфюрер СС Риц Ганс, чиновник тайной полевой полиции Харькова старший ефрейтор Рецлав Рейнхард и их пособник Буланов Михаил.

В период оккупации Харьковской области немецко-фашистскими захватчиками расстреляно, повешено, заживо сожжено и отравлено в «душегубках» (специально сконструированных закрытых машинах) десятки тысяч мирных, ни в чем не повинных советских граждан, в том числе женщин, стариков и детей. Подсудимые лично принимали активное участие во всех злодеяниях, а Лангхельд, Риц и Рецлав, кроме того, при допросах применяли всевозможные истязания и пытки.

За ходом процесса с пристальным вниманием следила печать союзных и нейтральных стран. Общественное мнение за рубежом с чувством удовлетворения встретило как факт предания суду преступников, так и приговор над ними. Английская газета «Дейли экспресс» писала, что возгласы одобрения, которыми присутствовавшие в зале встретили приговор трибунала, выражали мнение всего цивилизованного мира. Комментатор американской радиовещательной компании «Колумбия» сказал, что этот судебный процесс, «возможно, является важнейшим мероприятием на пути к обеспечению безопасности мира». Секретарь Национальной гильдии юристов США Д. Поппер отметил, что Харьковский процесс олицетворяет собой триумф международного права и справедливости и что он является первым конкретным осуществлением решений, принятых на Московской и Тегеранской конференциях. Председатель комиссии законодательных предположений палаты представителей США Сэбэт в связи с Харьковским процессом заявил: «Я весьма доволен, что Россия показала всему миру, что она справедливо судила обвиняемых. Все те, кто повинен в зверствах и жестокостях, должны наказываться без промедления».

...Итак, после разговора с К. П. Горшениным я начал готовиться к судебному процессу над главными нацистскими военными преступниками. Этим же занимались и другие работники Прокуратуры СССР. Изучались исто-

рия германского фашизма, материалы судебных процессов, которые проводились в нашей стране по мере освобождения населенных пунктов от оккупантов, ноты Народного комиссариата иностранных дел СССР, международно-правовые акты о наказании военных преступников, научные работы об уголовной ответственности гитлеровцев, проводились консультации с известными юристами-международниками, формулировалось обвинение Герингу, Гессу, Риббентропу, Кейтелю и другим главарям «третьего рейха».

Я изучал не только документы, но и соответствующую литературу, чтобы составить более полное представление о фашизме, нацистских бонзах, преступнике № 1 Адольфе Гитлере. Мне помогли, в частности, книга «Палачи Европы» и сборник «Портреты и памфлеты». (Со многими их авторами — И. Эренбургом, Д. Заславским, М. Гусом, художниками Кукрыниксы, Б. Ефимовым и другими я встречался впоследствии на процессе.) Конечно, публицистическое произведение не может и не должно заменить документа, но с точными, меткими характеристиками очень полезно было познакомиться. Например, об Эрихе Кохе — гитлеровском рейхскомиссаре на Украине, гаулейтере прусской организации нацистской партии — можно было прочесть: «Гитлеризм — это не просто разрушение. Приходили варвары, опустошали страну, убивали людей. Гитлеризм — это стремление разрушить не только материальные ценности, но и человеческую личность. Именно на распаде человеческой личности хотел построить и строил свою власть над миром гитлеризм... Превратить в рабочую скотину весь оставшийся в живых украинский народ, убить в нем все человеческое, оставив его только человекоподобным»,— вот в чем состояла задача Эриха Коха.

Так действовали рейхскомиссары, фюреры и лейтеры во всех попавших под власть гитлеровских палачей странах Европы. Это был общий план, единая программа германского фашизма.

С большим интересом читал памфлеты Ярослава Галана против Гитлера, Геббельса и других фашистских заправил. Мне было известно, что Ярослав Александрович в начале 1943 года работал в группе журналистов при Центральном Комитете Компартии Украины, затем на прифронтовой радиостанции «Дніпро», которая вела вещание для населения временно оккупированной фашистами территории Советской Украины. В Нюрнберге Ярослав Галан пробыл

с ноября 1945 до середины апреля 1946 года в качестве спецкора газеты «Радянська Україна», и я неоднократно с ним беседовал. Поражало его глубокое знание среды, которая породила фашизм и его главарей в Австрии и Германии, острые и меткие характеристики нацистских бонз. «Фашистская чума,— писал он в памфлете «Не играть с огнем»,— будет угрожать человечеству до тех пор, пока не будут ликвидированы очаги фашизма, все до последнего. Пока этого не будет, бациллы этой чумы будут размножаться в геометрической прогрессии... Лучший и единственный способ избежать пожара — своевременно обезвредить его поджигателей». Эти слова писателя актуально звучат и сегодня.

Подготовка к процессу заканчивалась. 8 августа 1945 года в Лондоне было подписано Соглашение между правительствами СССР, США, Великобритании и Франции о судебном преследовании и наказании главных военных преступников стран оси, об учреждении Международного военного трибунала. Следует отметить, что сама идея создания органов международной уголовной юстиции была ненова. После окончания первой мировой войны в Версальском мирном договоре речь шла об организации суда над кайзером Вильгельмом, были разработаны проекты Международного уголовного кодекса и Международного уголовного суда. Однако все эти проекты, как и соответствующие постановления Версальского договора, остались неосуществленными. Кайзеру дали возможность укрыться в Нидерландах, а о суде над ним всерьез и не помышляли.

Представители четырех союзных государств приступили к составлению обвинительного заключения, которое было подписано 6 октября 1945 года в Берлине Р. А. Руденко от имени СССР, Хартли Шоукроссом — от имени Великобритании, Робертом Х. Джексоном — от имени США и Франсуа де Ментоном — от имени Франции.

В Москве началось комплектование аппарата советской части Международного военного трибунала, подбор переводчиков, стенографов, машинисток. Были назначены судьи (член трибунала и его заместитель) и обвинители от СССР. В Нюрнберг выехали следственная группа и работники документальной части, которыми руководил заместитель Главного обвинителя от СССР полковник юстиции Ю. В. Покровский. Советские обвинители М. Ю. Рагинский и Л. Н. Смирнов готовили материалы для вступительной речи Главного обвинителя, оформляли документы, которые предназначались для использования на процессе.

До начала суда в Нюрнберге Международный военный трибунал провел ряд организационных заседаний в здании Контрольного совета по Германии в Берлине. На них был принят регламент работы трибунала, рассматривались вопросы о форме одежды судей [1], порядке их размещения в зале суда, об организации секретариата трибунала и переводов, о приглашении защитников, присяге для членов трибунала, работников секретариата и др. Председательствующим на судебном процессе в Нюрнберге был избран член трибунала от Великобритании, главный судья Англии (лорд-судья) Джеффри Лоренс.

На одном из организационных заседаний присутствовали и Главные обвинители. Председательствовал член трибунала от СССР генерал-майор юстиции И. Т. Никитченко. Все судьи поочередно приняли присягу, торжественно заявив, что будут выполнять свои обязанности честно, объективно и добросовестно. Главный обвинитель от СССР Р. А. Руденко передал суду русский текст обвинительного акта, а другие Главные обвинители — идентичные тексты на английском и французском языках, сообщив суду, что этот документ принят ими единодушно.

Закрывая заседание И. Т. Никитченко сделал заявление, в котором указывалось, что обвинительный акт рассматривает преступления «Германа Вильгельма Геринга, Рудольфа Гесса, Иоахима фон Риббентропа, Роберта Лея, Вильгельма Кейтеля, Эрнста Кальтенбруннера, Альфреда Розенберга, Ганса Франка, Вильгельма Фрика, Юлиуса Штрейхера, Вальтера Функа, Гельмара Шахта, Густава Круппа фон Болен унд Гальбах, Карла Деница, Эриха Редера, Бальдура фон Шираха, Фрица Заукеля, Альфреда Йодля, Мартина Бормана, Франца фон Папена, Артура Зейсс-Инкварта, Альберта Шпеера, Константина фон Нейрата и Ганса Фриче индивидуально и как членов любой из следующих групп или организаций, к которым они соответственно принадлежали, а именно: правительственный кабинет, руководящий состав национал-социалистской партии, охранные отряды германской национал-социалистской партии (СС), включая группу службы

[1] Члены трибунала от США, Великобритании и Франции высказались за то, чтобы судьи на судебных заседаниях были в мантиях, как это принято в их странах. Мнения разошлись. Было принято решение: каждый член трибунала будет в той форме одежды, какую он найдет для себя возможной. Члены трибунала от США, Великобритании и Франции были в черных мантиях, от СССР — в военной форме.— Здесь и далее примечания автора.

безопасности (СД), государственной тайной полиции (гестапо), штурмовые отряды — СА, генеральный штаб и верховное командование германскими вооруженными силами.

...Обвиняемые могут осуществлять свою защиту сами или же избрать себе защитника из числа адвокатов, имеющих право выполнять свои обязанности перед судом в своей собственной стране, или же через специального защитника, назначенного Военным трибуналом...

Международный военный трибунал назначает дату суда в Нюрнберге не позднее чем через 30 дней после вручения обвинительного заключения.

Обвинительный акт будет опубликован одновременно в Лондоне, Москве, Вашингтоне и Париже не раньше 20 часов по гринвичскому времени в четверг, 18 октября сего года».

В тот же день всем подсудимым были вручены под расписку [1] обвинительный акт, списки немецких защитников и регламент трибунала на немецком языке, всем им было разъяснено право на защиту. Через некоторое время было изготовлено такое извещение для подсудимых:

Международный военный трибунал

Извещение подсудимым

Для: (вставить 24 фамилии подсудимых)

Имейте в виду, что для правосудия и для обеспечения вам справедливого суда в комнате № 54 в здании суда в Нюрнберге создается центральный аппарат, к которому могут обращаться ваши адвокаты для получения сведений относительно списка доказательств и комментариев к этим доказательствам, приложенным к этому списку, в зависимости от известных установок или тех установок, которые будут приняты впоследствии.

Заметьте также, что, давая вашим адвокатам любые сведения, касающиеся доказательств, как было указано выше, обвинение оставляет за собой право представить суду доказательства любого характера, включая доказательства, перечисленные в вышеуказанном приложении, а также любые доказательства, направленные против вас, без дальнейшего уведомления.

(подписано) ______________

Нюрнберг, октябрь 1945 г.

---

[1] В качестве примера приводится расписка подсудимого Редера: «Я, Эрих Редер, получил сегодня, 18 октября 1945 г., в 18 час. 50 мин. по берлинскому времени, обвинительный акт Комитета главных обвини-

Обвинительный акт, в котором были суммированы доказательства персональной виновности каждого из 24 подсудимых, доказательства преступного характера деятельности созданных германским фашизмом организаций, был вручен и обвиняемым и их адвокатам. Вскоре число подсудимых убавилось. Получив обвинительный акт, 25 октября 1945 года покончил жизнь самоубийством Роберт Лей. Трибунал удовлетворил ходатайство об отложении дела в отношении Густава Круппа в связи с его болезнью. Круппа разбил паралич, а вскоре он умер.

20 ноября 1945 года начинался суд над главарями фашистской Германии. Накануне советские обвинители вылетели в Нюрнберг на специальном самолете. В нем кроме обвинителей были Прокурор СССР К. П. Горшенин, первый заместитель народного комиссара иностранных дел СССР А. Я. Вышинский. Остановка в Праге. На следующий день рано утром мы снова в самолете, однако из-за очень низкой облачности не смогли перелететь через Татры. Пришлось вернуться в Прагу, пересесть там на автомашины и двинуться через Судетскую область в Нюрнберг. Конечно, это заняло немало времени. Необходимо было и обеспечить наше сопровождение соответствующей охраной — в горах еще постреливали.

Итак, наш путь пролегал через Прагу. И это было символично: как известно, захват гитлеровцами Чехословакии был началом пути ко второй мировой войне, на территории Чехословакии закончилась война в Европе; наша дорога к осуществлению международного правосудия в Нюрнберге тоже лежала через Чехословакию...

ПОПЫТКИ РЕАКЦИИ СОРВАТЬ НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС

Поражение нацистской Германии было основным, но не последним этапом в той героической борьбе против гитлеровского фашизма, которую вели свободолюбивые народы. Для полного торжества правого дела было необходимо сурово покарать преступных руководителей преступного «третьего рейха», организаторов кровавых зах-

---

телей, разъяснение моих прав на защиту, список немецких защитников и Регламент трибунала на немецком языке. Вышеупомянутые документы были вручены мне офицером Красной Армии, действующим по распоряжению Международного военного трибунала, который разъяснил мне на немецком языке содержание документов и мое право на защиту».

ватнических войн, вдохновителей планов порабощения целых народов. Необходимо было со всей строгостью наказать изуверов, которые возвели в ранг государственной политики тягчайшие злодеяния против человечества, повлекшие неизмеримые страдания сотен миллионов людей, огромные бедствия и разрушения. Справедливое возмездие должно было стать грозным предупреждением тем, кто захотел бы пойти по стопам бесноватого фюрера — путем кровавых преступлений и войн.

Советский воин, водрузивший Знамя Победы над поверженным рейхстагом, позволил свершиться международному правосудию — Нюрнбергскому процессу над главными нацистскими военными преступниками. Первое судебное заседание состоялось 20 ноября 1945 года.

Наступил час расплаты. Илья Эренбург писал в своем репортаже из Нюрнберга: «Чувствуешь горячее дыхание истории. Повесят преступников: того требует совесть. Но осудят не только фашистов — осудят и фашизм. Осудят тех, кто его породил, и тех, кто хочет его воскресить,— его предтеч и его наследников».

Их было немало всюду, в Европе и Америке,— тех, кто помогал Гитлеру, Герингу и прочим перед преступной войной, во время войны и после нее. Потому-то преступники и надеялись уйти от возмездия. «Они,— писал Д. Заславский в «Правде»,— рассчитывали, что роковая петля обернется для них спасательным кругом».

В Нюрнберге судили главных военных преступников. При этом следует подчеркнуть, что далеко не все из этой своры предстали перед судом; большинство, пользуясь покровительством своих друзей и единомышленников из империалистического лагеря, остались безнаказанными.

Перед Нюрнбергским процессом и в ходе его реакционные круги Америки, Англии и некоторых других стран, херстовские газеты, отдельные «специалисты» международного права и социологи под разными предлогами вели кампанию, с тем чтобы не допустить наказания нацистских заговорщиков. Выгораживание военных преступников камуфлировалось множеством оговорок, показным негодованием по поводу зверств, которые уже нельзя было замолчать.

Американские реакционные социологи, например, пытались уверить общественность, что нацистские военные преступники являются попросту душевнобольными, и предлагали держать их не в тюрьмах, а в лечебницах и санаториях. Или советовали поступить с главарями «третьего

рейха» так же, как в прошлом государства-победители поступили с Наполеоном — сослать их на какой-либо остров, где они будут доживать свой век. Ссылались эти «благодетели» и на прецедент, о котором мы уже упоминали, а именно: кайзеру Вильгельму II дали возможность скрыться от суда немецкого народа, его приютило правительство Нидерландов, где он безбедно прожил почти четверть века и умер 4 июня 1941 года.

Выдвигалось и такое предложение: казнить главных военных преступников без суда, поскольку их вина бесспорно установлена и потому-де нет надобности в судебном процессе; к тому же собирание судебных доказательств потребует много времени и средств, поскольку преступления гитлеровцев совершались во многих странах.

Нелишне напомнить: еще в 1942 году госдепартамент США информировал своего посла в Москве о том, что имеются серьезные возражения против создания международного суда над главными военными преступниками, а английский посол в Москве пытался убедить советскую сторону в нецелесообразности создания международного трибунала. Однако, как сообщал посол Великобритании, глава Советского правительства не отказался ни в коей мере от идеи, что лидеры стран оси, виновные в военных преступлениях, должны быть судимы международным трибуналом. В октябре 1943 года состоялась конференция министров иностранных дел СССР, Великобритании и США. Во время конференции вновь повторились попытки убедить руководителей СССР отказаться от создания Международного военного трибунала, но успеха они не имели. Впоследствии в своих мемуарах Г. Трумэн вспоминал, что Уинстон Черчилль неоднократно пытался убедить И. В. Сталина в целесообразности казни без суда нацистских главарей, попавших в плен. А 4 октября 1944 года он заявил в палате общин: «Нет уверенности, что для таких преступников, как Гитлер, Геринг и Гиммлер, следует принять процедуру суда». Министр финансов США Г. Моргентау в меморандуме от 6 сентября 1944 года предлагал составить список немецких «архипреступников», чья очевидная виновность признана Объединенными Нациями и которые после взятия в плен и установления их личности должны быть немедленно расстреляны. За казнь без суда выступал государственный секретарь К. Хэлл.

22 января 1945 года военный министр, государственный секретарь и министр юстиции США представили президенту Ф. Рузвельту меморандум по вопросу о суде и наказа-

нии военных преступников. В нем содержался специальный раздел о трудностях, связанных с судебным преследованием, и, в частности, утверждалось: «...В тысячах случаев невозможно будет установить личность обвиняемых или привести их в причинную связь с отдельными преступными актами. Свидетели окажутся умершими, недоступными по другим причинам и разбросанными по разным местам. Собирание доказательств будет трудоемким и дорогостоящим, а технические проблемы, связанные с обнаружением и подготовкой доказательств для отдельных дел, будут пугающих размеров».

23 апреля 1945 года в ходе англо-американских переговоров заместитель министра иностранных дел Англии А. Кадоган от имени своего правительства вновь выступил против суда.

Истинные причины «внесудебного варианта» заключались в опасении западных держав, что на гласном процессе могут выявиться неприглядные стороны деятельности их дипломатии, пособничество Гитлеру в создании мощной военной машины и факты поощрения его к нападению на Советский Союз. Это во-первых. Во-вторых, процесс может объективно стать судом над самой капиталистической системой, породившей фашизм, а подготовка к войне неизбежно будет выглядеть как одна их важнейших задач, которую монополистический капитал ставит перед фашизмом. В одном из секретных меморандумов английского правительства прямо указывалось, что проведение публичного судебного процесса «может обратиться против союзников (США, Англии и Франции.— *Авт.*) и даст возможность подсудимым аргументировать событиями прошлого».

13 мая 1946 года, когда процесс в Нюрнберге вступал в свою завершающую стадию, американский Главный обвинитель Р. Джексон в секретной памятной записке на имя президента Г. Трумэна категорически высказался против дальнейших четырехсторонних судебных процессов на международном уровне, а в особенности против такого процесса над магнатами промышленного и финансового капитала. Весьма показательна содержащаяся в этой записке аргументация: публичная атака против частной промышленности — а в ходе процесса дело дойдет до нее — лишит промышленников желания в дальнейшем сотрудничать с американским правительством в вопросах вооружения, что связано с нашей обороной в будущем... Значительно проще сформулировал эту проблему военный

преступник Шахт, когда его допрашивали американские следователи по делу некоторых главарей военных концернов фашистской Германии. «Если вы хотите вынести приговор промышленникам, которые помогли вооружить Германию, вам придется осудить также и ваших собственных. Возьмите хотя бы заводы Опеля, которые ничего, кроме военной продукции, не выпускали! Они же были собственностью «Дженерал моторс»... Не можете вы осудить промышленников».

В общем, цель была одна — не допустить разоблачения всех виновников второй мировой войны, во что бы то ни стало оберечь их преступные деяния от гласного рассмотрения и осуждения. Именно это без обиняков и заявил американский полковник Винлокк, представлявший Пентагон на совещании, которое проводилось 27 июля 1943 года военным министерством и госдепартаментом США и на котором согласовывались принципы работы с немецкими военнопленными, принципы, обязательные для всех военных и гражданских чиновников. Винлокк так сформулировал эти принципы: «На нас возложена задача подготовить из немцев кадры, которые могли бы быть использованы для укрепления престижа Америки и проведения нашей политики в самой Германии после ее оккупации... Термин «фашист», «нацист» надо изгнать из нашего лексикона... В Германии и Европе мы, американцы, будем устанавливать порядок, а для этого нам нужны многочисленные и близкие нам по духу и убеждению кадры».

К этому откровенному высказыванию комментарии, как говорится, излишни.

Советский Союз неуклонно и настойчиво добивался, чтобы принятые декларации и международные соглашения, в том числе и о наказании всех военных преступников, свято соблюдались, так как нет большего поощрения преступлений, чем безнаказанность преступников. Действия главарей фашистской Германии были направлены против коренных жизненных интересов всех народов, и виновные должны предстать перед международным судом.

В связи с просьбой правительств Чехословакии, Польши, Югославии, Норвегии, Греции, Бельгии, Нидерландов, Люксембурга и Французского Национального комитета, подписавших «Декларацию о наказании за преступления, совершенные во время войны», Советское правительство выступило 14 октября 1942 года с заявлением, в котором, в частности, указывалось: «...Советское правительство

настоящим вновь заявляет во всеуслышание, со всей решительностью и непреклонностью, что преступное гитлеровское правительство и все его пособники должны понести и понесут заслуженное суровое наказание за злодеяния, совершенные ими против народов Советского Союза и против всех свободолюбивых народов... Советское правительство считает необходимым безотлагательное предание суду специального международного трибунала и наказание по всей строгости уголовного закона любого из главарей фашистской Германии, оказавшихся уже в процессе войны в руках властей государств, борющихся против гитлеровской Германии».

Грозным напоминанием нацистским преступникам о неотвратимости возмездия явилась Московская декларация 1943 года, получившая широкий отклик во всем мире. Правительства СССР, США и Великобритании предупреждали: «...немцы, которые принимали участие в массовых расстрелах итальянских офицеров, или в казнях французских, нидерландских, бельгийских и норвежских заложников, или критских крестьян, или же те, которые принимали участие в истреблении, которому был подвергнут народ Польши, или в истреблении населения на территориях Советского Союза, которые сейчас очищаются от врага,— должны знать, что они будут отправлены обратно в места их преступлений и будут судимы на месте народами, над которыми они совершали насилия. Пусть те, кто еще не обагрил своих рук невинной кровью, учтут это, чтобы не оказаться в числе виновных, ибо три союзных державы наверняка найдут их даже на краю света и передадут их в руки их обвинителей, с тем чтобы смогло совершиться правосудие».

Неотвратимое наказание военных преступников стало одной из целей справедливой войны, которую вели советский и другие свободолюбивые народы, одним из средств сохранения мира в будущем. В Декларации Советского Союза и Польской Республики (декабрь 1941 г.) особо отмечалось: «После победоносной войны и соответственного наказания гитлеровских преступников задачей союзных государств будет обеспечение прочного и справедливого мира».

Попытки международной реакции не допустить гласного судебного процесса над главарями нацистского рейха провалились. Народы, выигравшие великую битву с немецко-фашистскими захватчиками, выиграли и сражение за правосудие. Идея международного уголовного суда

впервые в истории воплотилась в жизнь организацией судебного процесса в Нюрнберге, в деятельности Международного военного трибунала, созданного соглашением от 8 августа 1945 года в Лондоне между правительствами СССР, США, Великобритании, Франции, к которому присоединились 19 других государств. Был принят Устав, в нем в качестве основного положения фиксировалось, что Международный военный трибунал учреждается для справедливого суда и наказания главных военных преступников стран оси.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА

В Декларации глав трех государств — СССР, США и Великобритании об ответственности гитлеровцев за совершенные зверства на оккупированных частях Советского Союза, Польши, Чехословакии, Югославии, Греции, Норвегии, Дании, Нидерландов, Бельгии, Люксембурга, Франции и Италии, опубликованной в Москве 2 ноября 1943 года, было указано, что вопрос о главных военных преступниках, преступления которых не связаны с определенным географическим местом, должен быть урегулирован совместным решением правительств союзников. В соответствии с этим указанием Декларации была создана в Лондоне международная комиссия для разработки вопроса об ответственности главных военных преступников. Комиссия состояла из представителей четырех государств: от США — член федерального Верховного суда Р. Х. Джексон, от СССР — заместитель председателя Верховного суда СССР И. Т. Никитченко и член-корреспондент Академии наук СССР профессор уголовного права А. Н. Трайнин, от Великобритании — генеральный прокурор Д. М. Файф, от Франции — член Кассационного суда Р. Фалько и профессор международного права Гро. Генеральный прокурор Великобритании являлся членом правительства, поэтому, когда вместо консервативного правительства пришло к власти правительство лейбористов, выбыл из комиссии председательствовавший в ней Файф, а его место занял лорд-канцлер, председатель палаты лордов Уильям Аллен Джоуитт.

Совещание представителей четырех держав продолжалось с 25 июня по 8 августа 1945 года. В решении всех вопросов ответственности гитлеровской клики участники

совещания были единодушны. Итогом их полуторамесячной работы явились два документа: Соглашение и в качестве его неотъемлемой части Устав Международного военного трибунала. По первоначальному, американскому, проекту все решения, связанные с судом и наказанием главных военных преступников, предполагалось отразить в одном документе. Однако организация международного трибунала явилась новой и такой сложной задачей, что встал вопрос о разработке специального Устава, определяющего порядок и принципы организации и деятельности трибунала, содержащего основы международного уголовного права и уголовного судопроизводства. Устав определил организацию, юрисдикцию и функции трибунала, который был облечен властью судить и наказывать лиц, совершивших или подготовивших преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности.

Германский фашизм, как государственный строй, представлял собой систему организованного бандитизма. В «третьем рейхе» действовала широкая сеть наделенных огромной властью организаций, участники которых осуществляли злодеяния, насилия, террор. Поэтому Устав также предусматривал, что при рассмотрении дела о любом отдельном члене той или иной группы или организации трибунал может (в связи с любым действием, за которое это лицо будет осуждено) признать, что группа или организация, членом которой подсудимый являлся, была преступной организацией.

В полном соответствии с Уставом прозвучит на процессе в речи Главного обвинителя от СССР, как и в речах некоторых наших западных коллег, обращение к трибуналу:

— Ваш приговор должен осудить всю преступную систему германского фашизма, ту сложную, широко разветвленную сеть партийных, правительственных, эсэсовских, военных организаций, которые непосредственно претворяли в жизнь злодейские предначертания главных заговорщиков.

На полях битв человечество уже вынесло свой приговор преступному германскому фашизму.

Разумеется, рассмотрение в суде дел о признании преступными организаций — явление необычное. Тем более важно отсеять всякие домыслы, которые реакционные круги распространяли во время процесса и после него. В Нюрнберге речь шла вовсе не об уголовной ответственности организаций. Речь шла о другом.

В связи с преступлениями подсудимых трибуналу надлежало рассмотреть вопрос о признании преступными следующие организации: СС (охранные отряды), СА (штурмовые отряды), гестапо, СД (служба безопасности), руководящий состав нацистской партии, правительство, генеральный штаб и верховное командование гитлеровской Германии. Трибунал был наделен правом признать преступный характер той или иной организации для того, чтобы обеспечить национальным судам новой Германии и других государств право привлекать отдельных лиц за принадлежность к таким организациям. Следовательно, принцип — уголовной ответственности подлежат конкретные физические лица — не был поколеблен. Вопрос о виновности отдельных лиц в принадлежности к преступным организациям, как и вопрос об ответственности за такую принадлежность, оставался в ведении национальных судов, которые и решали вопрос о наказании в соответствии с содеянным. Существовало лишь одно ограничение: преступность организации, признанной таковой трибуналом, не может быть оспорена или подвергнута пересмотру судами отдельных стран.

Соглашение от 8 августа 1945 года содержало специальную оговорку о том, что учреждение Международного военного трибунала ни в коей мере не умаляет, опубликованной на Московской конференции 1943 года «Декларации об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства», положений о передаче военных преступников (не подпадающих под категорию главных) в страны, где ими были совершены преступления, и не ограничивает права национальных или оккупационных судов, «которые уже созданы или будут созданы на любой союзной территории или в Германии для суда над военными преступниками».

Соглашение и Устав трибунала основываются на принципах и нормах международного права, давно установленных и подтвержденных Гаагской конференцией 1907 года, Женевской конвенцией 1929 года и рядом других конвенций и пактов. Устав трибунала облек в правовые нормы те международные принципы, которые в течение многих лет выдвигались в защиту мира, законности и справедливости в международных отношениях. В течение десятилетий заинтересованные в укреплении мира народы отстаивали идею о преступности агрессии, и это нашло официальное признание в ряде международно-правовых актов. В качестве примера можно сослаться на Женев-

ский протокол 1924 года «О мирном разрешении международных конфликтов» (подписан 48 государствами), который указывал, что агрессивная война является международным преступлением, или на пакт Бриана — Келлога 1928 года, осудивший обращение к войне как средству урегулирования международных споров.

Что касается СССР, то следует напомнить, что первым внешнеполитическим актом, принятым на следующий же день после победы Великого Октября, был ленинский Декрет о мире, провозгласивший принцип мирного сосуществования. С тех пор и по сей день наша страна неизменно твердо и целеустремленно борется за мир и безопасность народов всех континентов, в частности Европы, где были развязаны и первая и вторая мировые войны.

На апрельском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС было подчеркнуто: «Советский Союз еще и еще раз заявляет, что будет твердо следовать ленинским курсом мира и мирного сосуществования, который определяется нашим общественным строем, нашей моралью и мировоззрением. Мы выступаем за ровные, корректные... цивилизованные межгосударственные отношения, основанные на подлинном уважении норм международного права».

Устав трибунала определил, что «следующие действия или любые из них являются преступлениями, подлежащими юрисдикции трибунала и влекущими за собой индивидуальную ответственность:

(а) *преступления против мира,* а именно: планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны с нарушением международных договоров, соглашений или заверений, или участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из вышеуказанных действий;

(в) *военные преступления,* а именно: нарушение законов или обычаев войны. К этим нарушениям относятся убийства, истязания или увод в рабство или для других целей гражданского населения оккупированных территорий; убийства заложников; ограбление общественной или частной собственности; бессмысленные разрушения городов или деревень; разорение, не оправданное военной необходимостью, и другие преступления;

(с) *преступления против человечности,* а именно: убийства, истребление, порабощение, ссылка и другие жестокости, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны, или преследования по политическим, расовым или религиозным мотивам с целью

осуществления или в связи с любым преступлением, подлежащим юрисдикции трибунала, независимо от того, являлись ли эти действия нарушением внутреннего права страны, где они были совершены, или нет.

Руководители, организаторы, подстрекатели и пособники, участвовавшие в составлении или в осуществлении общего плана или заговора, направленного к совершению любых из вышеупомянутых преступлений, несут ответственность за все действия, совершенные любыми лицами с целью осуществления такого плана». Положения Устава представляли собой правовую основу для трибунала при рассмотрении дела. Так был решен вопрос о составе преступлений, за которые судили главных военных преступников.

Исключительно важное значение в борьбе с агрессорами и военными преступниками имеют нормы Устава, определившие, что должностное положение подсудимых в качестве глав государства или ответственных чиновников различных правительственных ведомств не должно рассматриваться как основание к освобождению от ответственности или смягчению наказания; тот факт, что подсудимый действовал по распоряжению правительства или по приказу начальника, может рассматриваться лишь как довод для смягчения наказания и только в том случае, если суд признает, что этого требуют интересы правосудия.

При решении вопроса о построении судебной процедуры в Международном военном трибунале авторам Устава пришлось преодолеть большие затруднения, которые вызывались не только новизной проблемы — это был первый в истории международный процесс, первый опыт создания международного уголовного суда, но еще в большей степени несхожестью систем судопроизводства — англо-американской, французской и советской. В конечном счете была разработана оригинальная судебная процедура, не совпадающая целиком ни с одной из указанных систем судопроизводства, но которая должна была соответствовать основной задаче процесса — справедливого и быстрого суда и наказания главных военных преступников. Поэтому Устав предусматривал, что трибунал не должен быть связан формальностями в использовании доказательств; трибунал допускает любые доказательства, которые, по его мнению, имеют доказательную силу; трибунал не будет требовать доказательств общеизвестных фактов и будет считать их доказанными. Трибунал также будет принимать без доказательств официальные правительственные доку-

менты и доклады Объединенных Наций, включая акты и документы комитетов, созданных в различных союзных странах для расследования военных преступлений, протоколы и приговоры военных или других трибуналов каждой из Объединенных Наций. Таким образом, согласно ст. 21 Устава, акты Чрезвычайной государственной комиссии Советского Союза имели на суде бесспорную доказательственную силу.

Представители СССР строго и неукоснительно соблюдали все без исключения нормы Устава и требовали того же от своих коллег. Те вначале так же строго придерживались положений Устава. Однако в более поздний период были случаи, когда трибунал принимал решения (большинством голосов западных судей) в отступление от положений Устава, а именно:

Устав не предусматривал допроса подсудимых в качестве свидетелей. Более того, ст. 24 Устава, трактующая о порядке судебного разбирательства, различала допрос свидетелей и допрос подсудимых. Однако трибунал допрашивал подсудимых в качестве свидетелей защиты, приводил к присяге, показания давались не со скамьи подсудимых, а со «свидетельского пульта». Воспользовавшись таким отступлением от Устава, защитники проводили сначала допрос вызванных ими свидетелей (в большинстве своем нацистов), а после их допроса обвинителями, допрашивали в качестве свидетелей подсудимых. Это давало подсудимому возможность ориентироваться не только в свидетельских показаниях, но и в материалах обвинителей, а также позволяло подсудимому соответственно «корректировать» показания допрошенных свидетелей;

вопреки Уставу трибунал не принял протокола допроса Паулюса, произведенного в Москве в январе 1946 года, и вызвал по ходатайству адвокатов в качестве свидетелей военных преступников, показания которых якобы могли опровергнуть акт расследования Чрезвычайной государственной комиссии о злодеяниях гитлеровцев в Катыни;

трибунал, ссылаясь на «высокое положение подсудимого», предоставил возможность Герингу не только давать объяснения по предъявленным ему обвинениям, но и делать пространные выводы и заключения, а это являлось явным нарушением процедуры, установленной Уставом, увеличивало без законного основания сроки судебного разбирательства, хотя необходимо было не только провозгласить принцип «быстрого суда», но и применять такой порядок судебного разбирательства, который сделал

бы этот принцип реальным и осуществимым. Правда, 20 ноября, в первый день начала процесса, когда Геринг попытался выступить с заявлением по поводу компетенции трибунала судить его и других подсудимых, председательствующий прервал Геринга и объявил: «Сейчас вы не имеете права обращаться к трибуналу иначе, чем через вашего защитника». Лорд-судья Лоренс при этом исходил из общего решения трибунала о том, что все ходатайства подсудимых должны передаваться через их адвокатов.

Устав содержал также следующие основные положения.

СССР, США, Англия и Франция назначают в Международный военный трибунал по одному члену суда и его заместителя. Заместители присутствуют в суде и замещают члена суда в случае его болезни или если он, по какой-либо другой причине, не в состоянии выполнять свои обязанности.

Судьи отводу не подлежат. Они могут быть отозваны и заменены лишь назначившими их правительствами, причем во время процесса судья может быть заменен только своим заместителем.

Для признания виновности и определения наказания необходимо большинство голосов не менее трех членов трибунала.

Такое же большинство голосов требовалось и при решении вопроса о председателе: «Члены трибунала до начала судебного процесса договариваются между собой о выборе одного из их числа председателем; председатель выполняет свои обязанности в течение этого судебного процесса или так, как будет решено голосами не менее трех членов трибунала. Устанавливается принцип очередности председательствования на последующих судебных процессах».

Следует обратить внимание на ст. 22 Устава, в которой сказано: «Первый процесс состоится в Нюрнберге, а последующие процессы состоятся в местах по определению трибунала». Таким образом, не подлежит никакому сомнению, что в августе 1945 года было подписано соглашение о проведении не одного, а ряда судебных процессов над главными военными преступниками стран оси.

Мы сослались на ст. 22 Устава, чтобы показать абсолютную несостоятельность позиции США, пытавшихся юридически «обосновать» отказ от других международных процессов, в частности международного процесса над представителями преступных германских монополий. Этот процесс не состоялся якобы потому, что он явился бы «дорогостоя-

щим судебным разбирательством». Более близким к истине был член Верховного суда Роберт Джексон, который в беседе с генеральным секретарем Национальной ассоциации американских адвокатов Д. Поппером заявил, что общественность «требует полного раскрытия связей между нацистскими промышленниками и некоторыми нашими собственными хозяевами картелей». Этого-то и опасались в Вашингтоне!

Весьма показательно в этом отношении письмо государственного секретаря США Д. Бирнса на имя американского обвинителя. По поводу процесса над верхушкой монополий Бирнс доверительно сообщал: «Соединенные Штаты не могут официально предстать в роли государства, не желающего организации такого процесса. Но если планы реализации этого процесса провалятся, то ли вследствие несогласия между отдельными тремя правительствами, то ли вследствие того, что одно или более из трех правительств не согласится на условия и требования, которые необходимы с точки зрения интересов США, то тем лучше».

В памятной записке президенту Соединенных Штатов Г. Трумэну от 7 октября 1946 года о Нюрнбергском процессе Джексон писал: «У США нет ни моральных, ни юридических обязательств предпринимать другой процесс такого рода... Я все время искренне и прямо считал и говорил на совещании, что США полагали бы достаточным один процесс главных военных преступников...» Р. Джексон пытался подвести «базу» под его утверждение. «Четырехсторонний, четырехъязыковый международный суд,— утверждал он,— неизбежно явится самым медленным и самым дорогим методом судопроизводства... Самый быстрый метод суда будет тот, при котором каждая из оккупационных властей взяла бы на себя ответственность за суд в пределах ее зоны над арестованными, содержащимися ею под стражей».

Над столь ревностными защитниками «морали» и «экономии финансов», каким старался представить себя Джексон, иронизировала даже американская печать. И конечно же причина тут была не в экономии средств. Международный трибунал, повторяем, был создан для проведения не одного, а ряда процессов, в том числе и над германскими военно-промышленными монополиями. Но уже первый суд в Нюрнберге показался международной реакции столь «опасным прецедентом», что империалистические круги США и Англии поспешили «свернуть» деятельность трибунала. В то время начала осуществляться агрес-

сивная «программа Трумэна», с резко антисоветской речью выступил в Фултоне Черчилль. Западные державы начали проводить новую политику в германском вопросе, попирая при этом Потсдамские соглашения. «Новый Нюрнберг» их никак не устраивал.

Английский лорд Хэнки опубликовал в 1950 году книгу, в которой говорилось о необходимости прекратить судебные процессы над военными преступниками, представляющие собою, по его словам, «исключительно опасные прецеденты для будущего. Чем скорее мы покончим с этими процессами,— писал Хэнки,— тем будет лучше».

На процессе главных военных преступников Джексон говорил в своей вступительной речи: «Это судебное разбирательство приобретает значение потому, что эти заключенные представляют... зловещие силы, которые будут таиться в мире еще долго после того, как тела этих людей превратятся в прах. Эти люди — живые символы расовой ненависти, террора и насилия, надменности и жестокости...»

Однако вскоре «зловещие силы», о которых говорил Джексон, при содействии реакционных правящих кругов США и Англии стали играть весьма заметную роль в Западной Германии. Уже во время Нюрнбергского процесса можно было наблюдать довольно любопытные вещи. В памятной записке на имя президента Трумэна Главный обвинитель от США писал: «Советский Союз высказывается за целый ряд процессов на международном уровне... Англичане делают очень много оговорок по вопросу о том, является ли такой шаг разумным, но чувствуют себя в некотором отношении обязанными помогать Франции, так как только при этом условии они могут побудить французов не включать Альфреда Круппа в число подсудимых по первому процессу...

Теперь нам предлагают провести на международном уровне второй процесс, на котором подсудимыми будут преимущественно, если не исключительно, промышленники и финансисты. Однако в результате процесса... может возникнуть впечатление, что этих людей преследуют только потому, что они промышленники. Подобного отклика на такой процесс следует ожидать тем более, если учесть, что мы будем вынуждены осуществлять нашу деятельность по обвинению вместе с советскими коммунистами и французскими левыми... К этому добавляется опасность того, что русский или француз может стать председателем суда... Я против дальнейших процессов такого рода и не могу рекомендовать их правительству США. С нашей,

американской, точки зрения, такой процесс против промышленников принесет очень мало пользы. Я опасаюсь, что растянутая на длительный период публичная атака против частной промышленности — а в ходе процессов дело дойдет до нее — лишит промышленников желания сотрудничать в дальнейшем с нашим правительством в сфере производства вооружений, которое должно проводиться в интересах нашей обороны в будущем...»

Эти откровенные суждения вряд ли нуждаются в комментариях.

Обращает на себя внимание и такое обстоятельство: Устав предусматривал право трибунала в дополнение к определенному им наказанию вынести постановление об отобрании у осужденного награбленного имущества. Такое имущество, как было неопровержимо доказано на процессе, имелось у Геринга, Риббентропа, Розенберга, Франка и некоторых других преступников, но трибунал этим своим правом не воспользовался.

Однако прекратить все судебные процессы над нацистскими военными преступниками, выпустить их из тюрем, куда они были посажены непосредственно после капитуляции гитлеровской Германии, было не так просто — слишком свежи были в памяти народов нацистские злодеяния, слишком велик был гнев людской. Народы не забыли деклараций союзных держав, в которых они торжественно провозгласили свою решимость найти даже на краю света всех нацистских военных преступников и передать их в руки правосудия, покарать всех виновных в чудовищных злодеяниях нацистского режима. И вот под давлением общественности, не видя другого выхода, правящие круги США решили провести в американских трибуналах серию отдельных процессов.

В этой связи следует отметить два весьма характерных факта. Факт первый: состав трибуналов, хотя они являлись трибуналами армии США, комплектовался, как правило, из юристов, которые не принимали непосредственного участия в войне против гитлеровской Германии и не сталкивались непосредственно с нацистскими преступлениями. Факт второй: сформированные таким образом трибуналы сразу же получили из Вашингтона директиву: «Принять как прецедент приговор, по которому был оправдан Шахт».

В Нюрнберге началась деятельность американских судов в соответствии с полученной директивой. А чтобы как-то замаскировать последнее обстоятельство, трибуналы

заседали в здании Дворца юстиции, там, где незадолго до того Международный военный трибунал судил заправил «третьего рейха». Дескать, колесо правосудия крутится, как и было обещано. Но что же получилось в действительности?

Американские трибуналы рассмотрели дела: группы нацистских медиков, которые осуществили варварские эксперименты на людях, участвовали в умерщвлении миллионов жертв в гитлеровских концлагерях; заместителя Геринга — фельдмаршала Мильха; группы руководящих работников нацистской юстиции, которые превратили юстицию и право в орудие фашистского террора и бесправия; главаря административно-хозяйственного управления СС (ВФХА) Освальда Поля, ведавшего всеми гитлеровскими концлагерями, и его ближайших подручных; магната промышленности Фридриха Флика; директоров химического концерна «ИГ Фарбениндустри»; о массовых казнях заложников; группы нацистских дипломатов и руководителей министерств и ведомств «третьего рейха»; группы руководящих гитлеровских генералов и некоторые другие.

По 12 делам было предъявлено обвинение 185 нацистским преступникам, а перед судом предстали 177. Трибуналы полностью оправдали 35 человек. В отношении руководителей монополий, генералов и дипломатов исключили наиболее тяжкое обвинение — участие в нацистском заговоре против мира и человечности. Из 142 осужденных на разные сроки тюремного заключения (большинство на незначительные) приговорены 98 человек, из которых девять сразу же были освобождены по зачету срока предварительного заключения. Конфискация имущества судом применена только по делу Круппа, но приговор не был исполнен, и все имущество американские власти вернули Круппу в полной сохранности. Закон предусматривал и такие меры наказания, как каторжные работы, штраф, лишение гражданских прав, но они ни по одному делу не были применены.

Вскоре американские власти в Германии начали кампанию помилования и пересмотра приговоров. Кроме того, они отработали и такую хитроумную систему: исполнение приговора затягивалось путем подачи различного рода жалоб и ходатайств на имя военных властей США в Германии. Затем апелляционные жалобы и ходатайства об аннулировании обвинения направлялись в Верховный суд США, военному министру и в другие инстанции Соеди-

ненных Штатов. А в итоге — сперва в порядке помилования смертная казнь заменялась пожизненным заключением, затем пожизненное заключение — заключением на определенный срок или «до пределов отбытого». А если речь шла об очень одиозной фигуре, то вместо снижения срока заключения «до предела отбытого» применялось освобождение «по болезни». Именно так и поступил 31 января 1951 года верховный комиссар США в Германии Джон Макклой с Францем Шлегельбергером, одним из главных обвиняемых по делу «судей», заменив ему пожизненное заключение освобождением «по состоянию здоровья»; с эсэсовским палачом Францем Эйреншмальцем — ближайшим подручным Освальда Поля, заменив ему смертную казнь девятью годами заключения. Через непродолжительное время почти все осужденные в Нюрнберге американскими военными трибуналами по 12 процессам были по настоянию властей ФРГ освобождены американцами. В этом немалую роль сыграли созданные в ФРГ легальные, полулегальные и строго законспирированные организации по оказанию помощи нацистским преступникам вроде ХИАГ, ОДЕССА, «Тайная помощь» и др.

Неофашистская организация «Тайная помощь», оказывавшая всемерную поддержку арестованным эсэсовцам, гестаповцам и прочим нацистским преступникам и помогавшая им скрыться от заслуженного возмездия в некоторых странах Латинской Америки, была создана в 1951 году в Эбенхаузене, в долине реки Изар, где в то время проживала учредительница этой организации Хелена Элизабет, принцесса фон Изенбург.

Связи фашиствующей принцессы простирались очень далеко, вплоть до американской военной администрации в Германии. Но нет ничего тайного, что в конце концов не становится явным. Общественность узнала о письмах, которыми обменялись принцесса фон Изенбург и супруга американского верховного комиссара Джона Макклоя. В одном из них было написано: прилагаю небольшой взнос для ваших подопечных. Хотелось бы, конечно, послать больше, но уверена, что и этот скромный дар будет вами использован. Чувствую, что между нами переброшен мостик... а то, что вы нас посетили, было для мистера Макклоя и для меня не только большой честью, но и великой радостью...

К сказанному стоит дополнить: «мостик», о котором говорится в письме г-жи Макклой, выражался в банковском чеке на довольно крупную сумму.

ТАКТИКА АДВОКАТОВ И СТРАТЕГИЯ ЗАПАДНЫХ ДЕРЖАВ

Наказание военных преступников не только юридическая, но и политическая проблема. Применение к ним заслуженной кары составляет необходимое звено в борьбе за мир.

Одним из источников, питавших злодеяния германских фашистов, была уверенность в своей безнаказанности. И в самом деле, до Нюрнбергского процесса виновникам агрессивных войн фактически удавалось избегать ответственности. Теперь обстоятельства оборачивались по-другому. И не случайно заокеанские магнаты — херсты, морганы, дюпоны и им подобные — с тревогой следили за подготовкой процесса в Нюрнберге. Ведь это они помогали политически ничтожным людям, обычным преступникам и шулерам превратиться в международных разбойников, несущих смерть и страдания целым народам. Люди, наученные горьким опытом, перенесшие неисчислимые бедствия во время второй мировой войны, не хотели больше мириться с «традицией» безответственности государственных деятелей, ставших на путь разбоя и бандитизма.

18 октября 1945 года одновременно в Лондоне, Москве, Вашингтоне и Париже было опубликовано обвинительное заключение. Мировая печать отмечала, что этот документ говорит от имени оскорбленной совести человечества, что это не акт мести, а торжество справедливости, что перед судом предстанут не только главари гитлеровской Германии, но и вся система фашизма и нацизма. Газеты отмечали при этом, что обвинительное заключение посвящает ряд страниц преступлениям главных нацистских преступников, совершенных в Германии против немецкого народа.

На скамье подсудимых оказалась почти вся фашистская верхушка, за исключением покончивших с собой Гитлера, Геббельса, Гиммлера, разбитого параличом Густава Круппа, удавившегося в тюремной камере Роберта Лея и скрывшегося Мартина Бормана. Последнего трибунал решил судить заочно. Тем не менее адвокат Бергольд попытался добиться того, чтобы рассмотрение дела о Бормане было отложено. Но эта попытка не увенчалась успехом, ходатайство было отклонено.

Особо следует сказать о Гиммлере. Он покончил самоубийством через два дня после его ареста англичанами.

К тому времени уже было известно, что эсэсовские главари не только запаслись фальшивыми документами, награбленными ценностями, но и специальными ампулами с цианистым калием. Гиммлер пробирался на запад в солдатской одежде, фальшивые документы и одна ампула с цианистым калием у него были при аресте отобраны, а о второй ампуле почему-то «забыли». По моему глубокому убеждению, Гиммлеру обдуманно дали возможность принять яд, так как появление его на процессе многим было крайне нежелательно. Во-первых, он мог рассказать о том, что влиятельные английские и американские круги старались сохранить в строгой тайне, например, о переговорах его подручных с американцами и англичанами о заключении сепаратного мира; во-вторых, защитникам нацистских главарей было бы затруднительно доказывать, что за все чудовищные зверства отвечает лишь один Гиммлер или, как впоследствии скажет на суде Кейтель, «это все свиньи эсэсовцы делали, а генералы и офицеры вермахта в этом не повинны».

Ссылка на то, что в зверствах виновен один лишь рейхсфюрер СС, была одной из тактических линий защитников нацистских преступников на процессе и после него. Еще один тезис, усердно эксплуатировавшийся адвокатами, сводился к утверждению, что агрессивные войны замышлял только Гитлер. С него, мол, и спрос, но фюрер мертв.

Таковы основные тактические установки, которых придерживались защитники в Нюрнберге.

О Гитлере и его последних днях будет сказано далее. Но здесь отметим, что самоубийство Гитлера было с удовлетворением встречено в правящих кругах Лондона и Вашингтона, опасавшихся излишних разоблачений на предстоящем судебном процессе. Впоследствии Черчилль в своих мемуарах откровенно писал: «Исход, избранный Гитлером, был гораздо более удобным для нас, чем тот, которого я опасался...» Не скрывал своей радости Уинстон Черчилль и по поводу несостоявшегося, как он выразился, «итальянского Нюрнберга». Муссолини, которого тоже ждала скамья подсудимых, был казнен, как известно, итальянскими партизанами в Милане.

Сообщники Гитлера разными путями попали в Нюрнбергскую тюрьму, расположенную рядом с Дворцом юстиции. Редер и Фриче, например, были пленены советскими солдатами, Шпеер и Геринг сдались американским военным властям.

«Второй человек» в гитлеровской Германии Герман Геринг незадолго до окончания войны пытался договориться с Англией и США о сепаратном мире. Договориться не удалось, и в ночь с 20 на 21 апреля 1945 года из замка Геринга «Каринхаль» потянулись грузовики с награбленными ценностями в горы, а 21 апреля и сам Геринг удрал из Берлина в Берхтесгаден. Борман передал от имени Гитлера по телеграфу эсэсовскому штабу в Берхтесгаден приказ об аресте Геринга и его штаба за государственную измену. Незадолго до самоубийства Гитлер назначил своим преемником Деница, а Геринга снял со всех постов, лишил наград и исключил из партии. Эсэсовцы не решились арестовать рейхсмаршала, а тем более расстрелять его как изменника. Воспользовавшись замешательством, Геринг сбежал, рассчитывая сдаться в плен американцам и уцелеть.

Когда к Шпееру в Фленсбург явились представители американских военных властей, он встретил их словами: «Я буду счастлив снабдить союзные державы всей необходимой информацией, которой я располагаю». А располагал он многими секретами «третьего рейха». Однако и Шпееру пришлось занять место на скамье подсудимых рядом со своими коллегами.

Адмирал Дениц, став по завещанию Гитлера 1 мая 1945 года рейхсканцлером и верховным главнокомандующим, сформировал 2—5 мая новое «имперское правительство» в Фленсбурге (земля Шлезвиг-Гольштейн) и отдал приказ о сопротивлении Советской Армии. Он пытался сохранить нацистский режим путем капитуляции перед западными державами и продолжения военных действий на советско-германском фронте.

Люде-Нейрат, бывший адъютант Деница, рассказывал о царившей в Фленсбурге обстановке: «Правительство и главный штаб вермахта сохранились здесь в неприкосновенности и не испытывали никаких затруднений. Всем офицерам, а также батальону охраны было оставлено оружие. И после вступления в силу акта о безоговорочной капитуляции, подписанного 9 мая, в первое время положение не изменилось».

Против сотрудничества западных держав с приспешниками Гитлера поднялась волна протеста в ряде стран. Большое значение имел протест советского военного командования. Все это привело к тому, что в Фленсбурге 23 мая 1945 года комиссия в составе английского генерала Форда, американского генерала Рукса и советского

представителя Трусова объявила Деницу, что получено распоряжение арестовать его и все возглавляемое им правительство. Через несколько дней так называемое правительство Деница в полном составе было доставлено в Нюрнбергскую тюрьму.

Как явствует из письма Черчилля Идену от 14 мая 1945 года, он собирался использовать Деница в своих целях. Преемнику фюрера было обещано смягчение приговора за совершенные им военные преступления. 5 июня 1945 года британский премьер, скорбя по поводу ареста Деница, писал Монтгомери: «Я не хочу, чтобы германских адмиралов и генералов, с которыми мы недавно договаривались, заставляли стоять с поднятыми руками».

Стремление Черчилля использовать фашистских недобитков против недавнего союзника по антигитлеровской коалиции — Советского Союза было более чем очевидным. Солидаризировались с ним и американские правители, хотя внешне вели себя более сдержанно. Как объяснил Трумэн в своих мемуарах, они «выжидали». Осторожное поведение американских властей объяснялось следующими причинами: нельзя было полностью игнорировать настроения народных масс, дружественно настроенных к Советскому Союзу; не было военного превосходства над СССР, «бэби» (атомная бомба.— *Авт.*) еще не появилась на свет; не была еще окончена война с Японией.

НЮРНБЕРГ, ДВОРЕЦ ЮСТИЦИИ: ВСЕ ГОТОВО К НАЧАЛУ ПРОЦЕССА

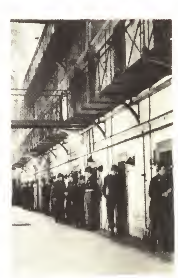
Как уже говорилось, 18 октября 1945 года в Берлине на организационном заседании Международного военного трибунала был принят обвинительный акт. 20 ноября 1945 года советские обвинители совместно со своими американскими, английскими и французскими коллегами вошли в зал Дворца юстиции в Нюрнберге, чтобы от имени народов, от имени миллионов невинных жертв германского фашизма и милитаризма предъявить подсудимым полный и справедливый счет.

Нюрнберг не без оснований был избран местом, где должен был осуществиться акт международного правосудия над главными нацистскими военными преступниками. Свыше 900 лет существует этот старинный баварский город, бывшая резиденция баварских королей. В течение многих столетий служил он символом захватнической

Подписание Соглашения об учреждении Международного военного трибунала. Слева направо: профессор А. Н. Трайнин, И. Т. Никитченко. Лондон, 8 августа 1945 года

Советские солдаты охраняют вход во Дворец юстиции

В коридоре Нюрнбергской тюрьмы

Судьи Международного военного трибунала

Общий вид зала суда

Выступает Главный обвинитель от СССР Р. А. Руденко

Выступает помощник Главного обвинителя от СССР
М. Ю. Рагинский

Представители прессы (в центре Илья Эренбург)

политики «Священной Римской империи». Его особо жаловал Фридрих Барбаросса, всю жизнь бредивший мировым господством. А кровавый маньяк и авантюрист Гитлер во всем старался подражать своему божку — Барбароссе. Фюрер тоже мечтал о завоевании всей планеты. После вступления германских войск в Париж в 1940 году он, позируя для снимка на фоне Эйфелевой башни, говорил своему придворному фотографу Генриху Гофману: «Снимай, Гофман,— затем снимешь меня в Букингемском дворце, а там дальше и перед небоскребами...»

В Нюрнберге гитлеровцы издали пресловутые расовые законы, названные потом «нюрнбергскими». «Мой любимый, верный город»,— напыщенно восклицал Гитлер. Здесь происходили сборища нацистского отребья — «партайтаги» («партийные съезды»), отрабатывалась быстрая концентрация значительных формирований вооруженных сил. В 1935 году на нюрнбергский съезд прибыли 464 специальных поезда и неисчислимое количество автомобилей, доставивших около 500 тысяч гитлеровцев и их «гостей» из других государств. В 1938 году на одном из плацов Нюрнберга собралось 120 тысяч, на другом — так называемом Цеппелиновом поле — 140 тысяч участников сборища и 100 тысяч зрителей. В Нюрнберге придворный архитектор Гитлера, военный преступник Шпеер соорудил колоссальный асфальтированный стадион и главную трибуну для фюрера, перед которой выстраивались плотными рядами десятки тысяч штурмовиков, эсэсовцев, юнцов из «гитлерюгенда» с бесчисленными знаменами, транспарантами, факелами — «элита расы господ», готовая двинуться в поход для завоевания мира.

Вот потому-то именно в Нюрнберге совершился суд народов над гитлеризмом, ставший как бы эпилогом второй мировой войны в Европе. Войны, закончившейся полным военным и морально-политическим разгромом фашизма — этого концентрированного выражения варварства и преступлений против человечества.

...Нюрнберг встретил нас пасмурной, по-настоящему осенней погодой. Решил побродить по городу. Ходил по многочисленным узким, без плана построенным улицам, взбирался на остатки бывшей резиденции баварских королей, переходил по мостам, перекинутым над рекой Пегниц. Впечатление было гнетущее. Нюрнберг лежал в развалинах. Среди груды щебня высились две ажурные башни. Это все, что осталось от знаменитой церкви святого Лоренца.

Мне приходилось разговаривать с жителями города. При одном воспоминании о бомбардировке они дрожали, как при приступе лихорадки, женщины начинали истерически плакать и невольно приходило на ум: их нисколько не волновало то, что фашистские стервятники превращали в руины Смоленск и Сталинград, Новгород и Минск, многие древние наши города, когда нацисты преднамеренно из тяжелых орудий прицельно стреляли по Эрмитажу или сбрасывали фугасные бомбы на здание Севастопольской панорамы и подожгли знаменитую картину русского художника Ф. А. Рубо «Оборона Севастополя». А вот когда Нюрнберг был обращен в руины, они стали понимать: война — страшное бедствие для всех людей планеты.

За несколько массированных налетов американская авиация превратила город, особенно его центральную часть — Альт-Нюрнберг, музей средневековья, в руины. Ратуша, замок, музей пыток, церковь Зебальда, знаменитый фонтан «Колодезь добродетели» — все достопримечательные памятники средневековья, чем по праву когда-то гордился Нюрнберг, были превращены в груды битых камней и металлического лома. Позднее вызванный в качестве свидетеля на судебное заседание Международного военного трибунала Фридрих Паулюс, проезжая по улицам Нюрнберга, с горечью сказал: «Вот иллюстрация к обещаниям Геринга, что ни одна бомба не упадет на Германию».

По какой же причине был разгромлен именно центр старого Нюрнберга? Лондонская «Дейли мейл» писала: «Старый, окруженный валом город был последней драгоценностью средневековья, сохранившейся до XX века. Но так как Гитлер наполнил его наиболее квалифицированными рабочими, трудившимися в наиболее важных отраслях его военной машины, Нюрнберг необходимо было подвергнуть нападению...» Если дело обстояло так, то почему же нужно было разрушить именно «жемчужину средневековья», оставив почти нетронутыми заводы на окраинах, в Фюрте и других пригородах Нюрнберга?

Американские летчики бомбили точно намеченные цели. Вокзал разбит, а стоящая рядом гостиница «Континенталь» пострадала очень мало от случайно попавшей в нее небольшой бомбы. Такая «выборочная» бомбежка носила системный характер. (Будучи во Франкфурте-на-Майне, мы видели такую же картину: военные заводы Круппа и других концернов остались почти нетронутыми, а расположенные рядом рабочие поселки превращены в руины.)

На широкой и прямой Фюртштрассе остался почти невредимым комплекс зданий, и среди них за каменной оградой — массивное четырехэтажное здание высшего земельного суда, известного под названием Дворца юстиции. Первый его этаж без окон представлял крытую галерею с овальными сводами, опирающуюся на короткие, круглые, тяжелые колонны. Выше — два этажа, оформленных гладким фасадом. А на четвертом этаже — в нишах — статуи каких-то деятелей германской империи. Каждый этаж опоясан коридором, вдоль которого тянутся сотни комнат для делегаций и служб.

На втором этаже Дворца — помещение, отведенное для советской делегации, а зал судебных заседаний — на третьем. В здании размещены две важные вспомогательные службы: комната, где были сосредоточены нацистские документы, и обширная библиотека.

Рядом с Дворцом юстиции — соединенное с ним переходом другое административное здание. А со двора перпендикулярно внутреннему фасаду, вплотную к Дворцу юстиции примыкал корпус Нюрнбергской каторжной тюрьмы. Американские корреспонденты, стремясь показать свою осведомленность, рассказывали, будто американское командование заранее наметило Нюрнберг местом пребывания международного трибунала, а потому из числа объектов бомбардировок при налетах на город было исключено то, что могло быть использовано для процесса, в том числе и Нюрнбергская каторжная тюрьма. Так это или не так, неизвестно, но действительно мрачное двухэтажное тюремное здание уцелело. Из него американцы провели специальный ход под землей в здание Дворца юстиции, что должно исключить возможность побегов при доставке подсудимых в зал судебных заседаний. Кроме основного корпуса, как и во всякой тюрьме, имелись служебные помещения для охраны и администрации, а также большой спортивный зал.

Главные военные преступники — Геринг, Гесс, Риббентроп, Кейтель и другие содержались на первом этаже основного корпуса. Это было длинное широкое помещение, по обеим сторонам которого камеры заключенных. Каждая из них предназначена для одного человека, со скупым дневным светом, небьющимися стеклами на окнах. В камере — койка, стул и столик. Ночью свет проникает через отверстие в двери. Очки на ночь отбираются. Пища подается в специальной посуде без ручек, без ножей, без вилок.

В углу каждой камеры унитаз. Общаться между собой заключенные не могли.

На втором этаже были расположены камеры, в которых содержались военные преступники Гудериан, Манштейн, Кессельринг, Шелленберг, Бах-Зелевски, Олендорф и другие. Они также ожидали суда, но на процессе главных военных преступников фигурировали в качестве свидетелей. У каждой камеры круглые сутки, посменно, стояли американские солдаты. Часовой сквозь «глазок» в двери должен был наблюдать, что делается в камере. Комендант трибунала и начальник тюрьмы — опытный тюремный чиновник США полковник Эндрюс.

Поскольку Нюрнберг находился в американской зоне оккупации, административные и хозяйственные функции, связанные с проведением процесса, осуществляла американская сторона.

Организационно и технически процесс был тщательно подготовлен. Здание Дворца юстиции было отремонтировано и соответствующим образом оборудовано для заседаний международного трибунала, синхронного перевода, работы судей, обвинителей, защитников, представителей прессы. Были приведены в порядок хранилища документальных и вещественных доказательств, другие вспомогательные помещения. Было продумано даже и то, чтобы с немецкого на английский переводил один переводчик, а с английского на немецкий — другой, чем достигалась более точная передача языковых особенностей устной речи и текста документов.

Главный американский обвинитель с полным основанием мог отметить в докладе президенту США: «Думаю, что извинительной будет моя похвальба, если я подчеркну, что гигантский процесс был организован и мы были готовы к представлению доказательств 20 ноября 1945 г., менее чем через семь месяцев после моего назначения и после капитуляции Германии». И далее он отмечал, что во время подготовки к процессу было собрано или проверено свыше 100 тысяч захваченных немецких документов и около 10 тысяч отобрано для более детального изучения; просмотрены миллионы футов пленки трофейных кинофильмов и свыше 100 тысяч футов (1 фут = 0,3048 м.— *Авт.*) доставлено в Нюрнберг. Часть фильмов была представлена в качестве доказательств. В Нюрнберг доставили личного фотографа Гитлера Гофмана и свыше 25 тысяч фотографий. Из них более 1800 подготовили к использованию в качестве доказательств.

Через два дня после моего приезда в Нюрнберг на заседании трибунала я услышал сообщение заместителя Главного обвинителя от США полковника Р. Стори о технологии захвата, сбора и обработки материалов, упоминаемых в докладе американскому президенту.

Во время продвижения американских войск в глубь германской территории, сообщал Стори, каждой армии и подчиненным ей организациям был придан специальный военный персонал, предназначенный для того, чтобы собирать и сохранять информационные материалы. Немцы оставили обширную документацию, которую находили в штабах и в правительственных зданиях, а на последней стадии войны — в соляных копях, тайниках, в земле, во многих других местах, которые гитлеровцы считали надежными. Например, личная корреспонденция и дневник Розенберга, включая его переписку по делам нацистской партии, были найдены за фальшивыми стенами одного из старых замков Восточной Баварии; архивы военно-воздушного флота и многие документы Геринга были найдены в Баварских Альпах, к началу процесса были отсортированы и изучены буквально сотни тонн различных документов.

Однако Стори сообщил далеко не все, о чем он мог бы рассказать. Он умолчал, например, о тех специальных подразделениях, которые вместе с американскими передовыми частями входили в занятые населенные пункты и охотились за немецкими патентами, технической документацией промышленных предприятий, архивами ученых и изобретателей и все найденное отправляли в США.

Во Дворце юстиции и около него была установлена многоступенчатая система охраны. Первую ступень на подходе к зданию составляли шуцманы, новые немецкие полицейские, одетые в темно-синюю форму. Наружную охрану Дворца поочередно несли воины СССР, США, Великобритании и Франции, а внутреннюю — американские солдаты. Обеспечением безопасности процесса и самого здания занимались американские специальные подразделения военной полиции (МП). На каске и рукаве мундира были изображены весы — символ правосудия. Солдаты в белых касках, перепоясанные белыми ремнями, с белыми кобурами, в белых гетрах и перчатках, с особыми наплечными знаками несли охрану в тюрьме, во Дворце юстиции, вокруг него. Многие из них владели немецким языком и прислушивались к разговорам подсудимых во время заседаний.

Среди американских солдат в Нюрнберге было немало канадцев, родители которых до революции эмигрировали из западных областей Украины. Многие сохранили язык отцов и интересовались жизнью в Советском Союзе. Мы ежедневно получали из Москвы все центральные газеты и в холле Дворца оставляли по 30—40 экземпляров. Газеты быстро исчезали. Как удалось узнать, некоторые солдаты посылали их домой: пусть почитают!

Вспоминается забавный эпизод. Идет наша переводчица на работу. У входа часовой в американской форме требует предъявить пропуск. Времени до начала судебного заседания осталось совсем мало, а она не может найти пропуск, нервничает, перебирает содержимое сумки, но безрезультатно. Часовой посмотрел на нее, махнул рукой и изрек: «О'кэй!» Переводчица продолжает искать. Тогда он оглянулся по сторонам, нет ли поблизости офицера, и говорит на украинском языке: Я сказав тобі: «О'кэй», чого ж ти дожидаєшь? Іди».

Кстати, о наших судебных переводчиках. Система синхронного перевода для них была в новинку, с микрофоном они работали впервые. Требовались огромное внимание, быстрая реакция, исключительная точность — ведь в судебном разбирательстве значение придается буквально каждому слову. Молодость помогла им вынести столь значительную нагрузку. Добрым словом хочется вспомнить Лизу Стенину, Инну Кулаковскую, Евгения Гофмана, Тамару Соловьеву, Татьяну Рузскую, Тамару Назарову, Машу Соболеву, Таню Ступникову, Нелли Топуридзе, Лену Войтову, Зою Буш, Нину Еселеву, Тамару Прут, Галину Цыганкову, Ольгу Свидовскую, Таню Гиляревскую, Сергея Дорофеева.

Особо теплые воспоминания сохранились у меня об Олеге Трояновском, который номинально числился переводчиком, а фактически являлся консультантом и оказывал большую помощь советской делегации благодаря превосходному знанию иностранных языков, большой эрудиции в области международных отношений, исключительному такту и личному обаянию.

Остались в памяти Галина Бобкова-Басова, Костя Цуринов, Елена Дмитриева, Нина Орлова. В течение всего процесса Дмитриева работала личным переводчиком Р. А. Руденко. Н. Орлова помогала И. Т. Никитченко и много сделала для установления хороших деловых отношений между советскими и английскими судьями. (Впоследствии Нина Владимировна Орлова стала крупным

специалистом семейного права.) Плодотворно трудились в секретариате советской делегации наши переводчики К. В. Цуринов — большой знаток испанской литературы, впоследствии профессор Московского университета и Г. Д. Бобкова-Басова. Она провела значительную работу по систематизации представленных доказательств.

Зал заседаний. Он явно недостаточен для суда, привлекшего внимание всего мира. Соорудили балкон для посетителей, но и это дало немного: зал вместе с балконом вмещал всего около 400 человек. Пришлось создать бюро по распределению мест, чтобы установить тут какой-то порядок.

В зале судебных заседаний все время горел искусственный свет, настолько яркий и утомительный, что приходилось часто надевать черные очки. Наглухо были закрыты тяжелыми портьерами окна, рассеянный свет скрытых светильников тонул в темной зелени мраморной отделки стен. Сюда не доходили звуки, солнечные лучи, дыхание ветра. Во весь пол — зеленоватый, заглушавший шаги ковер. Стены зала облицованы дубовой панелью. Одна из филенок облицовки отодвигалась в сторону и открывала вход в лифт.

На возвышении — длинный стол. За ним восседали те, кто должен был беспристрастно, точно и всесторонне оценить кровавые, страшные злодеяния подсудимых и их сообщников, те, кто от имени народов мира должен был вынести суровый, но справедливый приговор.

Судей восемь: четыре члена трибунала и четыре их заместителя. Шестеро — в черных мантиях, двое — в форме Советской Армии, со знаками различия, положенными по их воинскому званию: генерал-майор юстиции И. Т. Никитченко и подполковник юстиции А. Ф. Волчков. Они в мундирах, потому что на процессе выполняли свой воинский долг перед своим народом, который внес решающий вклад в разгром немецко-фашистских агрессоров, перед памятью десятков миллионов погибших, перед народами всех стран мира.

Представителям Советского Союза на Нюрнбергском процессе пришлось выдержать нелегкую борьбу за торжество правосудия не только с многочисленными защитниками подсудимых. Даже такие вопросы, как правила судебной процедуры, порядок представления доказательств, допрос того или иного свидетеля, не являлись на процессе лишь юридическими вопросами в узком смысле слова. Это была не обычная дискуссия юристов, а борьба между сторонниками мира и защитниками агрессии, между

поборниками демократии и адвокатами фашизма. Эта борьба шла и вне стен Дворца юстиции. О ней напомнил эпизод в самом начале процесса. В первые дни декабря вечером возле отеля «Континенталь», в котором находились некоторые советские писатели и журналисты, раздался выстрел. Пуля сразила советского воина-шофера, стоявшего возле своей машины. Фамилия его была Бубенко, и некоторые весьма охочие до сенсаций журналисты поспешили оповестить публику, что произошло покушение на главу советского обвинения Руденко...

Продолжим описание зала суда. Внизу перед судьями — секретари, стенографисты, которые менялись каждые 25 минут, чтобы к концу дня успеть расшифровать стенограмму и перевести ее на четыре языка. Напротив — в два ряда адвокаты в черных и лиловых мантиях, защитник Редера — в военно-морском мундире. Переводчики — за стеклянной перегородкой. Заложив руки за спину, неподвижно стояли американские МП. За барьером на двух длинных скамьях — те, кто организовал и совершил чудовищные злодеяния, пролил море крови: Геринг, Гесс, Риббентроп, Розенберг, Кальтенбруннер, Кейтель — всего 21 преступник. Меня, как и всех присутствовавших на процессе, поражало вопиющее несоответствие между ничтожностью подсудимых и тем колоссальным злом, которое они причинили человечеству. Подсудимые доставлялись из тюрьмы по подземному переходу, при помощи специально встроенного в стене лифта, они поднимались в зал судебного заседания в таком порядке: впереди солдат охраны с рукой на пистолете, за ним Геринг, снова солдат, за ним Гесс и так далее. Позади скамьи подсудимых — восемь солдат охраны. Американская контрразведка и служба безопасности считались с возможностью попыток освободить подсудимых или взорвать здание, чтобы помешать окончанию процесса и вынесению приговора. Вспоминаю, что американский майор Джек Тейх в этой связи говорил:

— Никогда в истории ни один суд не охранялся так тщательно, как этот. Сколько охранников я разместил около бесчисленных дверей, в коридорах и переходах, конечно, секрет. Но могу сказать, что многие сотни моих людей несут охрану.

При входе в зал, справа от возвышения, где находились судьи, параллельно друг другу стояли четыре длинных стола — места для обвинителей. За столами — кресла для почетных посетителей, а еще дальше, за барьером, места

для журналистов, писателей, художников. Советскую прессу представляли К. Федин, И. Эренбург, В. Вишневский, В. Иванов, Л. Леонов, С. Кирсанов, Б. Полевой, Б. Афанасьев, Кукрыниксы, Б. Ефимов, В. Саянов, П. Трояновский, Д. Заславский, Ю. Яновский, Я. Галан, В. Темин, Е. Халдей и другие. Особо хотелось бы вспомнить добрым словом выдающегося советского кинодокументалиста и режиссера Романа Кармена, с которым я подружился в Нюрнберге, и его боевых товарищей Бориса Макасеева, Виктора Штатланда, Сергея Семенова, создавших фильм «Суд народов». Когда впоследствии по просьбе Кармена я консультировал написанный им сценарий, то полностью не представлял себе, какой силы обличительный фильм выйдет на экраны. В отличие от многих своих зарубежных коллег в Нюрнберге Кармен никогда не гнался за сенсацией. Как всякий большой художник, он предпочитал этому кропотливый отбор впечатляющих, убедительных, разящих кадров...

Не могу не вспомнить здесь о большой плодотворной организаторской работе на процессе аккредитованного при Международном военном трибунале представителя советской прессы Михаила Аверкиевича Харламова. Он координировал работу советских корреспондентов в Нюрнберге. С благодарностью вспоминаю его советы, когда мне, как и другим членам советской делегации, приходилось решать сложные тактические вопросы.

В центре зала — две невысокие трибуны: одна для обвинителей и адвокатов, другая, расположенная напротив первой, для свидетелей. В соответствии с процедурой англосаксонского судопроизводства, свидетели и подсудимые давали показания, сидя на стуле, а обвинители и защитники задавали вопросы и выступали стоя.

По углам зала и в специальных (непробиваемых) застекленных нишах разместились фотокорреспонденты и кинооператоры. Почти у всех присутствующих в зале — радионаушники. На подлокотнике каждого кресла — миниатюрный переключатель, снабженный пятью цифрами. Поставив переключатель на соответствующий номер, можно было слушать выступавших синхронно на одном из четырех официальных языков трибунала или же — номер пятый — непосредственно говорящего.

Все произносимое в зале стенографировалось не только на каждом из официальных языков, в соответствии с вариантом, переданным переводчиком, но также и на языке оригинала. Помимо этого фрагменты процесса записыва-

лись на магнитную ленту, снимались на кинопленку. Одновременно с записями на ленту делались записи на диски, что исключало возможность монтажа магнитной звукозаписи.

Таким образом, сделано было все, чтобы зафиксировать ход исторического процесса в форме бесспорного, неопровержимого документа.

Состоялось 403 судебных заседания, на которых подсудимые, за исключением Гесса и Фрика, дали показания, было допрошено 113 свидетелей, рассмотрено 143 письменных показания и свыше 5 тысяч документальных доказательств. Кроме того, по делу преступных организаций уполномоченные трибунала (советским представителем был Игорь Владимирович Разумов) допросили 101 свидетеля защиты, рассмотрели 1809 письменных свидетельских показаний и 6 отчетов, резюмировавших содержание 196 тысяч других письменных показаний.

Во время процесса было изготовлено свыше 30 тысяч заверенных фотокопий документов и вышло свыше 50 миллионов страниц печатного материала. Русский текст стенограммы процесса, включая приговор трибунала, составил 39 томов, или 20 228 страниц. Израсходовано около 200 тонн бумаги, 27 тысяч метров звуковой кинопленки и 7 тысяч фотопластинок.

В распоряжении участников процесса имелась библиотека (она занимала три комнаты), в которой были собраны многочисленные официальные издания гитлеровского правительства, различных министерств и ведомств, печатные издания фашистских главарей, комплекты «Фелькишер беобахтер» и иных нацистских газет и журналов, многие тысячи метров кинопленки. Библиотекой могли пользоваться члены делегаций, адвокаты и их помощники, а также гости.

Наряду с библиотекой во Дворце юстиции располагалось хранилище немецких документов, захваченных американскими войсками. Здесь были архивы штаба оперативного руководства верховного главнокомандования вооруженных сил, захваченные во Фленсбурге и Фешенгайме, архивы министерства иностранных дел, найденные в Марбурге, личные архивы Розенберга, 38 томов дневников палача польского народа Франка, переписка банкира Курта фон Шредера с Гиммлером, обнаруженная в подвалах государственного банка в Кёльне, и т. п.

Как выяснилось, по мере приближения неизбежного краха рейха нацисты постарались заблаговременно вывезти

в западную часть Германии многочисленные служебные и личные архивы. Они-то и попали в руки американцев. Так что американские следователи имели возможность начать свою работу значительно раньше, чем советские, и приступили к допросам военных преступников еще до соглашения четырех держав об образовании международного трибунала.

Советская делегация проделала громадную работу по подготовке к судебному процессу. Необходимо было привести в нужный порядок огромное количество материалов и документов Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. Требовалось также подготовить для использования на процессе трофейные документы, захваченные советскими войсками.

В Нюрнберг была направлена небольшая группа работников прокуратуры для отбора в американском документальном центре материалов, которые могли быть использованы советскими обвинителями, а также для предварительного допроса обвиняемых и свидетелей. Эти работники просмотрели значительное число документов, из которых было отобрано несколько сот (в том числе план «Барбаросса», «Зеленая папка» Геринга), причем важнейшие из них были переведены на русский язык полностью, а на большую часть составлены подробные аннотации.

В свою очередь и американские обвинители обращались к нам с просьбами об ознакомлении с имеющимися в нашем распоряжении трофейными документами. Вот одна из них, изложенная в письме от 7 февраля 1946 года Главным обвинителем от США (публикуется впервые):

«Дорогой генерал Руденко!

Я имел удовольствие узнать из Вашей вступительной речи, что в Вашем распоряжении находится меморандум Мартина Бормана, который был найден в германском министерстве иностранных дел советскими войсками.

Я боялся, что эти документы потерялись.

Будучи в Потсдаме, я узнал, что в числе трофеев имеется большое количество документов, представляющих существенное значение для американского обвинения, и еще в Лондоне я спрашивал генерала Никитченко о том, можно ли найти их местонахождение.

Я надеюсь, что Вы дадите возможность кому-либо из моего аппарата просмотреть эти документы, чтобы нам можно было определить, в какой степени они могут быть использованы нами, поскольку среди них были документы,

относящиеся к преступным намерениям Гитлера в отношении США; таким документам придается особое значение народом моей страны.

С наилучшими пожеланиями искренне Ваш Р. Джексон».

При Главном обвинителе от СССР для предварительного допроса обвиняемых и свидетелей, а также для надлежащего оформления доказательств, представляемых трибуналу, были организованы документальная и следственная части. Документальной руководил помощник Главного обвинителя Д. С. Карев, а следственную часть, в которую входили С. Я. Розенблит, Н. А. Орлов и С. К. Пирадов, возглавлял государственный советник юстиции 3-го класса Г. Н. Александров. Научным консультантом советской части Международного военного трибунала являлся член-корреспондент Академии наук СССР, профессор уголовного права А. Н. Трайнин.

Работники нашей следственной части присутствовали на многих допросах, производившихся американскими следователями, и это оказалось полезным в дальнейшем. Предварительные допросы давали возможность ориентироваться в позиции обвиняемых, в способах, которые они изберут, чтобы избежать ответственности или смягчить свою вину.

Большинство обвиняемых пыталось создать впечатление, будто бы они ничего не решали, ни о чем не были осведомлены, ни за что не несли ответственности. Все, по их словам, решал Гитлер, все исходило от него и во всем был виновен только он.

Отрицали порой очевидные факты. Так, заместитель Йодля генерал Вальтер Варлимонт при допросе его советским следователем дал подробные показания о подготовке агрессии против Советского Союза и активном участии в разработке планов нападения Йодля и Кейтеля. Варлимонт рассказал о совещании офицеров штаба, которое Йодль провел в Рейхенхалле и во время которого сообщил, что Гитлер уже осенью 1940 года намеревался начать войну против СССР, но из-за неподготовленности в оккупированной Польше дорог, связи и аэродромов решил перенести срок нападения на весну 1941 года. В связи с этим 9 августа 1940 года был издан специальный приказ под кодовым названием «Ауфбау-Ост». Однако Йодль на допросе категорически заявил, что об этом приказе он ничего не знает. Когда же в свою очередь Кейтеля на допросе спросили, что ему известно о совещании в Рейхенхалле, он

ответил: «Мне ничего не известно об этом совещании. Я впервые о нем услышал, уже будучи в заключении».

Так же нагло лгали Йодль и Кейтель на суде.

Первые месяцы после поимки военные преступники жили довольно вольготно: они содержались под стражей в отелях, свободно общались не только друг с другом, но и со своими знакомыми, давали интервью, позировали фотографам. Они рассчитывали на скорое освобождение даже после того, как их перевели в Нюрнбергскую тюрьму, где с ними обращались уже как со всеми арестантами. Особенно радужные надежды питал Дениц, которому обещал свое покровительство сам Уинстон Черчилль. Поэтому при допросе его 6 ноября 1945 года советским следователем он вел себя вызывающе. О планах нападения на Советский Союз он якобы не знал и, конечно, в их разработке никакого участия не принимал; весной 1941 года ему стало известно в общих чертах о существовании такого плана, но от кого, он не помнит и т. д. Словом, разыгрывал «незнайку». А когда Деница ознакомили с инструкцией германского верховного главнокомандования об управлении оккупированными областями и некоторыми другими приказами, обрекавшими на голод и смерть сотни тысяч советских людей, преемник Гитлера развязно заявил: «Я не желаю об этом говорить». А ведь преступный адмирал непосредственно участвовал в блокаде Ленинграда, где голод стал наемным убийцей гитлеровцев.

Ближайший советник Гитлера Вальтер Функ притворялся при допросе простачком: «Майн кампф» не читал; в нацистскую партию вступил «скорее с позиции политико-экономической, нежели с идеологической». Будучи министром экономики в гитлеровском правительстве, он, оказывается, не имел никакого отношения к вопросам использования рабочей силы...

Так же вызывающе вел себя и гросс-адмирал Редер, который на допросе, в частности, утверждал, что главнокомандующий военно-морскими силами вообще будто бы не имел отношения к подготовке мероприятий по плану «Барбаросса». Допрошенный по этому поводу Йодль уличил Редера во лжи и показал, что Редер получил приказ от 18 декабря 1940 года о подготовке мероприятий по плану «Барбаросса» и представил свои предложения об операциях на море.

Всячески изворачивался, желая спасти свою шкуру, кровавый палач Кальтенбруннер, шеф главного имперского управления безопасности (РСХА). Когда ему предложили

точно назвать должность, которую он занимал, преступник ответил: «Наименование моей должности было неправильным. Это является источником постоянных недоразумений при всех моих допросах. Меня называют шефом главного имперского управления безопасности, а это неправильно, я никогда им не был. Правильное наименование моей должности — начальник внутригерманской разведывательной службы».

Ложь — плохой помощник. Преступники были разоблачены и наказаны по приговору трибунала. Присутствовавший на процессе поэт Семен Кирсанов, делясь со мною своими впечатлениями, был прав, когда говорил: «Все они — гитлеры, только с другими кличками. Они все до одного отвечают за каждый замысел и за каждое преступление Гитлера...»

Характеризуя моральный облик сподвижников Гитлера, Мариан Подковиньский в своей книге «В окружении Гитлера» писал, что продажность и коррупция, сексуальная извращенность, наркомания и иные аморальные действия гитлеровских функционеров были в порядке вещей и не подлежали никакому наказанию. На все эти мерзости «своих людей» бесноватый фюрер смотрел сквозь пальцы. Когда критиковали разнузданный образ жизни Геббельса или закоренелого алкоголика Лея, Гитлер отчитывал «доносчиков».

СУДЬИ И ОБВИНИТЕЛИ

Кому государства — учредители трибунала доверили столь большое и ответственное дело, как осуществление правосудия над главными немецкими военными преступниками? О них уже говорилось ранее, но не лишним будет, думается, напомнить их имена еще раз. Членами Международного военного трибунала являлись: от СССР — заместитель председателя Верховного Суда СССР генерал-майор юстиции Иона Тимофеевич Никитченко; от США — член Верховного федерального суда, бывший министр юстиции США Фрэнсис Биддл; от Великобритании — лорд-судья Англии Джеффри Лоренс; от Франции — профессор уголовного права Анри Доннедье де Вабр. Председательствующим на процессе был избран Джеффри Лоренс.

Заместители членов трибунала: от СССР — ответственный работник Народного комиссариата юстиции СССР подполковник юстиции Александр Федорович Волчков; от

США — судья из штата Северная Каролина Джон Дж. Паркер; от Англии — адвокат королевской скамьи Норман Биркетт; от Франции — член кассационного суда советник Робер Фалько.

Лоренс вел заседания умело и многое сделал, чтобы судебный процесс протекал в соответствии с Уставом и Регламентом трибунала. Открывая 20 ноября 1945 года первое судебное заседание, он заявил: «Процесс, который должен теперь начаться, является единственным в своем роде в истории мировой юриспруденции, и он имеет величайшее общественное значение для миллионов людей на всем земном шаре. По этой причине на всяком, кто принимает какое-либо участие в этом процессе, лежит огромная ответственность, и он должен честно и добросовестно выполнять свои обязанности без какого-либо попустительства, сообразно со священными принципами закона и правосудия.

Четыре подписавшие Соглашение стороны возбудили судебное преследование, и теперь на всех, кто участвует в процессе, лежит обязанность позаботиться о том, чтобы он ни в каком отношении не уклонялся от тех принципов и традиций, которые придают правосудию авторитет и поднимают его на то место, которое оно должно занимать в делах всех цивилизованных государств».

И, надо сказать, трибунал выполнил свой долг. Был разоблачен и осужден не только нацизм, но и агрессия, как таковая, расовая ненависть и человеконенавистничество. Но иногда судейская зоркость подменялась усиленными поисками показного «беспристрастия», что выразилось в удовлетворении незаконных ходатайств защитников нацистских преступников, в необоснованном оправдании Шахта, Папена и Фриче. А иногда в угоду политике Англии и США судьи, представлявшие в трибунале эти государства, пренебрегали торжественным обещанием, данным ими в присяге: выполнять свои обязанности честно, объективно и добросовестно. Такое убеждение у меня сложилось на основе следующих фактов.

17 декабря 1945 года трибуналу была представлена папка документов, обнаруженная английскими войсками в подвале рейхсбанка в Кёльне. Из документов и показаний допрошенного банкира Курта фон Шредера бесспорно устанавливалось, что германские монополии (начиная с 1935 г.) выделяли специальные фонды — миллион марок в год — для финансирования «особых» заданий Гиммлера. В Кёльнском банке фон Штейна и фон Шредера был

открыт засекреченный фонд «С», на который регулярно поступали деньги от всех крупных монополий для строительства концентрационных лагерей и газовых камер, для создания человекоистребительной индустрии. Среди финансовых покровителей Гиммлера, судя по найденным в подвале банка спискам, значились Флик и Шахт, Бютефиш из «И. Г. Фарбениндустри» и Рейнгард, председатель наблюдательного совета «Гапаг», граф фон Бисмарк, занимавший крупный административный пост, и Кранефус, представлявший интересы концерна «Брабаг»... Словом, почти все «тузы» германской промышленности были обозначены в списке друзей Гиммлера.

И тут мое внимание привлекли реплики, которыми обменялись американский обвинитель и председательствующий Лоренс.

Обвинитель. Господа судьи, я был намерен процитировать имена тех, кто вносил деньги, однако делать этого не буду, если это неугодно трибуналу.

Председатель. Я не думаю, что это ускорит процесс. А вы?

Обвинитель. Хорошо, сэр.

...По ходатайству защитника Геринга — адвоката О. Штамера был вызван в качестве свидетеля шведский делец Биргер Далерус, через которого нацисты, в том числе Гитлер, Геринг и Риббентроп, вели переговоры с представителями реакционных влиятельных кругов Англии. Вызов Далеруса и характер заданных ему вопросов не оставляли сомнений, что этот допрос преследовал определенную цель: скрыть истинный смысл закулисных переговоров, которые велись в 1939—1940 годах и заключались фактически в провокационном натравливании гитлеровской Германии на Советский Союз.

И снова последовало вмешательство Лоренса, на первый взгляд безобидное.

Штамер. Кто были эти люди? Назовите их фамилии.

Далерус. Можно ли для сокращения времени передать список фамилий трибуналу?

Лоренс. По-моему, их фамилии не имеют большого значения, если они являлись представителями деловых кругов, не правда ли?

Далерус понял, что от него требуют, и его дальнейшие показания помогли закрепить вымысел, что переговоры велись только с представителями деловых кругов. Помог тут и английский обвинитель. Передаю дословно по собственному дневнику его разговор с Лоренсом.

Файф. Я как представитель английского правительства очень заинтересован в том, чтобы в этом вопросе не осталось никаких тайн, и поэтому почтительно прошу, чтобы Вы, милорд, разрешили мне попросить господина Далеруса назвать фамилии английских промышленников.

Лоренс. Конечно, если Вы этого желаете.

Файф. Г-н Далерус, не назовете ли нам имена тех джентельменов, которых встретили в поместье вашей жены в Шлезвиг-Гольштейне?

Далерус. Должен ли я зачитать эти фамилии или передать Вам их список?

Файф. Зачитайте, пожалуйста.

Надо ли говорить, что в списке Далеруса значились только промышленники, и никто более?

...Когда 25 февраля 1946 года английский обвинитель представлял доказательства о наличии нацистского заговора против мира и человечности и утверждал, что возникновение этого заговора относится к 1921 году, то есть ко времени возникновения нацистской партии, Фрэнсис Биддл своими многочисленными вопросами стремился, чтобы обвинитель занял в этом вопросе иную позицию, чем та, которая изложена в обвинительном заключении, помогая, по сути дела, адвокату Хорну выгородить Риббентропа.

...В числе доказательств, представленных советскими обвинителями, были многочисленные акты Чрезвычайной государственной комиссии СССР по расследованию нацистских преступлений, акты аналогичных комиссий Югославии, Польши, Чехословакии. Защитники главных военных преступников под всякими предлогами пытались обойти ст. 21 Устава, установившей, что такие официальные правительственные документы трибунал должен был принимать без доказательств. Со стороны защиты это был один из приемов затянуть процесс — тенденция, особенно четко проявившаяся после антисоветской речи Черчилля в Фултоне.

Фрэнсис Биддл 6 апреля 1946 года на организационном заседании трибунала не только поддержал незаконные домогательства защитника Геринга о вызове подобранных им свидетелей, которые якобы могли опровергнуть акт советской Комиссии, но и пустился в пространные рассуждения, превратно толкуя ст. 21 Устава в пользу нацистских преступников.

Конечно, не может быть суда над совестью и убеждениями судей. Но их убеждения должны обязательно по-

коиться на законе, а в приведенных случаях они не соответствовали Уставу трибунала, то есть закону.

Каждое из четырех государств на основании Устава трибунала назначило своего Главного обвинителя.

Главными обвинителями на Нюрнбергском процессе являлись: от СССР — Прокурор Украинской ССР (впоследствии Генеральный прокурор СССР) Роман Андреевич Руденко; от США — член Верховного федерального суда Роберт Х. Джексон; от Великобритании — генеральный прокурор (генерал-атторней) Хартли Шоукросс; от Франции — министр юстиции Франсуа де Ментон, а с января 1946 года его сменил Огюст Шампетье де Риб.

Все Главные обвинители были равноправны и самостоятельны, свою работу они строили на принципах делового сотрудничества. Перед трибуналом Главные обвинители должны были выступать согласованно. Поэтому для координации их действий был учрежден Комитет по расследованию дел и обвинению главных военных преступников.

Ст. 14 Устава предусматривала, что Главные обвинители будут действовать в качестве Комитета для согласования плана индивидуальной работы каждого из Главных обвинителей и их штата; окончательного определения лиц, подлежащих суду трибунала; утверждения обвинительного акта; передачи обвинительного акта и прилагаемых документов в трибунал; представления трибуналу на утверждение проекта регламента его работы.

Комитет выделял из своего состава председателя в соответствии с принципом очередности, решения принимались большинством голосов. Однако при разделении голосов по вопросу об определении круга лиц, подлежащих суду, или объема обвинения принималось предложение той стороны, которая предложила предать обвиняемого суду или предъявить ему определенные обвинения.

Такие вопросы, как очередность выступлений Главных обвинителей, их заместителей и помощников, порядок произнесения вступительных и заключительных речей, порядок допроса свидетелей и подсудимых, представления доказательств, заключения по ходатайствам подсудимых и их защитников и т. п., решались коллегиально, и таким образом обеспечивалась согласованная линия обвинения по основным вопросам. А в тех случаях, когда коллегиальность не требовалась, Главные обвинители действовали «индивидуально и в сотрудничестве друг с другом».

И действительно, на суде Главные обвинители так же, как и в ходе подготовки к процессу, действовали по основ-

ным вопросам единодушно. Наиболее важные и принципиальные вопросы предварительно обсуждались на заседаниях Комитета обвинителей. Приведу такой пример. Однажды генерал Руденко обратил внимание коллег на статью в газете «Ди Нойе цайтунг» об интервью защитника Геринга. В статье сообщалось, что во время этого интервью защитник передал в прессу письменные ответы Геринга на письменные вопросы представителя «Ассошиэйтед Пресс». Руденко отметил также, что подобная статья и в той же газете сообщала о письменном интервью Гесса. Советский представитель предложил внести протест в трибунал на открытом заседании против такого рода интервью и просить суд запретить защите давать их. Это предложение после непродолжительного обсуждения было принято. По представлению Комитета обвинителей трибунал обсудил вопрос и принял решение, осуждающее действия защитника Геринга — адвоката Штамера.

Интервью Штамера преследовало далеко идущие цели: оно пропагандировало нацизм; содержало утверждение, что вооружение Германии проводилось не для агрессивных войн; ориентировало свидетелей, вызываемых в трибунал; вселяло сомнение в правомерности подбора членов трибунала — надо было-де ввести в его состав представителей нейтральных и побежденных государств.

Весьма показательно, что многие тезисы интервью затем перекочевали в адвокатские жалобы. «Судьи назначены теми государствами,— писали, например, в своем обращении к трибуналу адвокаты,— которые представляют лишь одну из воюющих сторон. Эта воюющая сторона создала юридическую организацию и нормы уголовного закона и в то же время является прокурором и судьей». Поэтому если уж судить, мол, то надлежало бы организовать суд по крайней мере из представителей нейтральных стран.

Достойную отповедь этим беспочвенным притязаниям дал профессор А. Н. Трайнин. Всегда и всюду, писал он, закон о суде, как и все законы, издается государством, и в то же государство, а не соседнее назначает прокурора и определяет порядок назначения или избрания судей. В международной организации эти функции, естественно, выполняются несколькими государствами. Никакого «разделения труда», при котором одно или несколько суверенных государств определяют порядок суда, а другие государства по этому порядку судят, нет и быть не может. Далее профессор убедительно доказал, что предложение пригласить во имя справедливости в качестве судей

нейтральные страны, так сказать, обратиться к внешнему займу — занять честных судей у нейтралов, потому что среди миллионов граждан СССР и США, Англии и Франции нет достаточно заслуживающих доверия судей,— звучит нелепо и цинично.

Комитет обвинителей принимал меры к пресечению попыток подсудимых и их защитников затянуть процесс. Одним из их тактических приемов были ходатайства о вызове множества свидетелей. По инициативе Главного обвинителя от СССР Комитет обвинителей обратился к трибуналу со специальным меморандумом, в котором указал, что «подсудимые и их защитники используют в ущерб делу предусмотренные Уставом права подсудимых и заявляют многочисленные ходатайства о вызове свидетелей, которые по существу дела ничего показать не могут, а вызов их приведет лишь к неоправданной задержке процесса». Так, подсудимый Заукель ходатайствовал о вызове 55 свидетелей, в том числе Гильдебрандта, который мог дать показания о полномочиях Заукеля по набору и распределению иностранных рабочих, хотя по этому вопросу в распоряжении трибунала имелись многочисленные бесспорные доказательства. Подсудимый Йодль возбудил ходатайство о вызове в качестве свидетеля своей жены, которая могла подтвердить лишь то, что он якобы возражал Геббельсу против применения крайних мер по отношению к евреям и т. п. Обвинение просило пересмотреть состоявшееся решение о вызове свидетелей защиты, и трибунал удовлетворил его ходатайство.

Главные обвинители выступали на процессе с речами — вступительными и заключительными, допрашивали подсудимых, наиболее важных свидетелей, участвовали в решении всех существенных процедурных вопросов.

Кроме Главных обвинителей на процессе поддерживали обвинение (представляли доказательства, допрашивали свидетелей и подсудимых) заместители и помощники Главных обвинителей. Они по уполномочию Главных обвинителей давали заключения об относимости того или иного доказательства, по отдельным ходатайствам защитников подсудимых, некоторым текущим процедурным вопросам.

Надо отметить, что советские обвинители представляли доказательства не только по преступлениям, совершенным против СССР, но и против Чехословакии, Польши, Югославии, Греции. Кроме того, советский обвинитель Л. Н. Смирнов представлял доказательства о преднамерен-

ном убийстве 50 пленных офицеров британского воздушного флота, бежавших в марте 1944 года из лагеря в Сагане,— их расстреляли после поимки по прямому приказу Гитлера.

Выступления советских обвинителей имели не только юридическое, но и большое политическое значение. Полковник Ю. В. Покровский выступал по разделам «Преступления против мира» (агрессия против Чехословакии, Польши и Югославии) и «Преступное попрание законов и обычаев войны в обращении с военнопленными»; государственный советник юстиции 3-го класса (генерал-майор) Н. Д. Зоря [1] — по разделам «Агрессия против СССР» и «Принудительный труд и насильственный угон в немецкое рабство»; государственный советник юстиции 2-го класса (генерал-лейтенант) М. Ю. Рагинский — по разделам «Разрушение и разграбление культурных и научных ценностей» и «Разрушение сел и городов». Старший советник юстиции (полковник) Л. Н. Смирнов — по разделам «Преступления против мирного населения» и «Преступления против человечности». Государственный советник юстиции 2-го класса (генерал-лейтенант) Л. Р. Шейнин — по разделу «Разграбление и расхищение государственной, частной и общественной собственности».

Приведу для иллюстрации политической значимости выступлений советских представителей небольшие фрагменты из их речей.

Ю. В. Покровский. Национал-социализм невозможно представить без войны... Наиболее эффективным средством достижения внешнеполитических целей гитлеровские заговорщики считали войну и только войну... Германия была превращена ими в военный лагерь, в постоянную угрозу для соседних государств. В первую очередь фашистские заговорщики имели в виду Восток.

...Ни одна из войн, развязанных гитлеровцами, не подпадает под понятие оборонительной войны. Во всех случаях германские фашисты действовали как агрессоры... Гитлеризм и агрессивная война — это одно и то же. Ответственность за агрессивные войны, за гибель миллионов людей, за зверства, за уничтожение культурных и материальных ценностей ложится всей тяжестью на всех главных военных преступников, сидящих на скамье подсудимых.

[1] Трагически погиб 23 мая 1946 года при чистке личного оружия.

Н. Д. Зоря. Фашизм с его планами завоевания мирового господства, с его отрицанием права, морали, жалости и человечности предусматривал порабощение мирного населения временно захваченных территорий, угон миллионов людей в фашистскую Германию и использование в принудительном порядке их рабочей силы. Фашизм и рабство — понятия неотделимые друг от друга...

...Среди множества преступных войн, которые вел германский фашизм в своих грабительских целях против свободолюбивых народов, нападение на Союз Советских Социалистических Республик занимает особое место. Можно с уверенностью сказать, что захватническая война против Советского Союза являлась ключевым вопросом всего фашистского заговора против мира...

К счастью для всех свободолюбивых народов, Союз Советских Социалистических Республик, советский народ и его Красная Армия полностью опрокинули все человеконенавистнические планы фашистских захватчиков. Красная Армия не только выстояла и остановила фашистскую агрессию, но вместе с союзными армиями привела гитлеровскую Германию к полной катастрофе, а фашистских военных преступников — на скамью подсудимых.

М. Ю. Рагинский. Всюду, где побывали немецко-фашистские захватчики, они несли смерть и разрушение. В огне пожарищ гибли ценнейшие машины, созданные человеческим гением, взрывались фабричные и жилые здания, дававшие работу и приют миллионам людей. Гибли и сами люди, особенно старики, женщины и дети, оставшиеся без крова, лишенные средств к существованию... На обширном пространстве от Белого до Черного и Эгейского морей, на территориях, временно захваченных гитлеровскими войсками, намеренно и планомерно превращены в руины многолюдные и цветущие русские, белорусские, украинские, польские, югославские, греческие и чехословацкие города и села.

...Среди многочисленных и тягчайших военных преступлений гитлеровских заговорщиков особое место занимают преступления против культуры. В этих преступлениях сказались вся мерзость и вандализм германского фашизма. Культуру разума и человечности гитлеровские заговорщики рассматривали как препятствие к выполнению своих чудовищных замыслов против человечества. И они устраняли это препятствие со свойственной им жестокостью... Мечтали вернуть Европу ко временам господства гуннов и тевтонов...

Заимствовав из тьмы веков свои человеконенавистнические теории, современные гунны превзошли самые мрачные страницы истории своей жестокостью и вандализмом.

Дерзновенно посягая на будущее человечества, они топтали лучшее наследие его прошлого.

Не имея ни идеалов, ни веры, они кощунственно разрушали храмы и реликвии.

В невиданном единоборстве культуры и мракобесия, цивилизации и варварства победителями вышли культура и цивилизация.

Л. Р. Шейнин. Заговорщики причинили огромный материальный ущерб народам оккупированных территорий, обрекая на голод и страдания эти народы и используя результат своей преступной деятельности для личной наживы и обогащения как себя, так и своих приверженцев... Планируя, подготавливая и развязывая агрессивные войны против миролюбивых народов, заговорщики преследовали цели разбойничьего ограбления этих народов и в дальнейшем осуществляли эти преступные цели столь же преступными и разбойничьими методами... Подсудимые преднамеренно и сознательно нарушали ст. 50 Гаагских правил 1907 г., законы и обычаи войны, общие принципы уголовного права, принятые уголовными законами всех цивилизованных наций, а также национальное право тех стран, в которых эти преступления были совершены.

Л. Н. Смирнов. Они глумились над совестью и достоинством человека. Но к совести мира взывали те, кого разрывали на куски, те, чьи тела сжигали в печах крематориев и пепел развевали по ветру. Мы не можем теперь назвать даже многие из мест захоронений миллионов злодейски умерщвленных невинных людей. Но на сырых стенах газовых камер, на местах расстрелов, в фортах смерти, на каменных плитах тюрем и казематов мы до сих пор можем различить полные глубокой душевной боли, взывающие к возмездию краткие записи обреченных на смерть людей. И пусть помнят живые эти запечатленные на камне голоса жертв немецко-фашистского террора, взывавших перед смертью к совести мира, о справедливости и о возмездии...

Преступления немецко-фашистских захватчиков вытекали из человеконенавистнической сущности фашизма, его стремления к мировому господству путем разбойничьего захвата целых государств на Западе и на Востоке, порабощения и массового истребления людей. Эти преступления были претворением в жизнь каннибальских теорий германского фашизма... С появлением немецко-фашист-

ских воинских частей и водружением свастики на зданиях официальных учреждений жители оккупированных районов стран Европы как бы становились по ту сторону жизни. Безжалостная машина фашизма хотела заставить их отрешиться от всего того, что в результате тысячелетий развития стало неотъемлемой частью понятия человечности...

Я знаю, что... миллионы граждан моей Родины и вместе с ними миллионы честных людей во всех странах мира ждут скорого и справедливого приговора суда.

В соответствии с принятым на заседании Комитета обвинителей решением советские обвинители допрашивали в суде 15 подсудимых из 19.

Главный обвинитель от СССР Р. А. Руденко допросил подсудимых: Геринга, Риббентропа, Кейтеля, Розенберга и Фриче; его заместитель Ю. В. Покровский — Йодля, Деница и Редера; помощник Главного обвинителя М. Ю. Рагинский — Функа, Шпеера и Нейрата; помощник Главного обвинителя Л. Н. Смирнов — Кальтенбруннера и Франка; руководитель следственной части Г. Н. Александров — Шираха и Заукеля.

Между советскими обвинителями были распределены и допросы свидетелей. Честь допроса первого советского свидетеля президента Академии наук Армянской ССР, директора Государственного Эрмитажа И. А. Орбели была оказана мне.

Сразу же возник вопрос, какую присягу свидетель будет принимать. Как мы ни старались убедить западных судей, что любая присяга не гарантирует достоверность показаний свидетелей и поэтому она в советских судах не применяется, не помогло. Наши коллеги сочувственно улыбались, один из них даже сказал мне: «Мы это отлично понимаем, в американских судах свидетель клянется говорить правду, целует крест или Библию и врет как «сивый мерин» (кажется, так у вас, русских, говорят?), но присяга — нерушимая традиция, так у нас принято, и мы не можем отступить». К тому же 21 ноября 1945 года, на второй день процесса, трибунал по поводу присяги свидетелей принял постановление, в котором указывалось: «Каждый свидетель перед тем, как предстать перед трибуналом для дачи показаний, должен быть приведен к своей национальной присяге в той форме, которая существует в его стране. В случае возражения, базирующегося на религиозных принципах, он может дать клятву в форме, приемлемой для трибунала».

Пришлось нам коллективно выработать нашу советскую присягу. Вот ее текст: «Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вызванный в качестве свидетеля по настоящему делу, торжественно обещаю и клянусь перед лицом Высокого Суда говорить только правду обо всем, что мне известно по делу, и ничего не прибавить и не утаить».

Все граждане СССР, дававшие свидетельские показания, произносили это торжественное обещание. Единственное исключение составил свидетель протоиерей Николай Ломакин, который на предложение Лоренса дать клятву по форме, установленной для советских свидетелей, отказался и заявил, что принял присягу при возложении на него духовного сана и считает для себя невозможным приносить присягу перед судом. Трибунал согласился с этим заявлением.

В день допроса Орбели мы были во Дворце юстиции задолго до начала судебного заседания. Я ознакомил свидетеля с порядком заседания, где ему надлежит стать, посоветовал не спешить, тщательно взвешивать ответы. Показал текст присяги, которую он должен принять. За 15 минут до начала, когда мы уже поднялись со второго этажа, где помещалась советская делегация, на третий, Орбели вдруг заявил, что не пойдет в зал заседания, так как сильно волнуется. Пришлось разъяснить ему, что его неявка может быть использована нашими недругами во вред советскому обвинению, пойдут разные кривотолки. Орбели согласился и вошел в зал.

Но тут академик, привыкший выступать перед аудиторией, в том числе и на многочисленных международных форумах, повел себя как-то странно: вяло отвечал на процедурные вопросы Лоренса, еще более вяло произносил слова присяги. Мне надо начинать допрос, а свидетель находится как бы в шоковом состоянии. Медлить нельзя, надо что-то срочно придумать. Внезапно меня осенило, задаю вопрос:

— Имеете ли вы ученые степени и звания, а если имеете, то не соблаговолите ли конкретно их назвать? (Замечаю недоумевающие взгляды моих товарищей.)

Свидетель начал отвечать:

— Действительный член Академии наук Советского Союза, действительный член Академии архитектуры Союза ССР, действительный член и президент Армянской Академии наук, почетный член Иранской Академии наук, член

Общества антикваров в Лондоне, член-консультант Американского института археологии и искусств...

Начал тихо, но постепенно голос его крепчал. Перечислял долго, так как состоял почетным членом научных учреждений многих стран. Затем Иосиф Абгарович очень солидно и спокойно отражал все наскоки адвокатов. Один из них, например, задал такой вопрос: «Имеете ли вы какие-нибудь артиллерийские познания, дающие возможность сделать вывод, что целью был дворец, а не мост (Дворцовый.— *Авт.)*?» Орбели ответил, что никогда артиллеристом не был, но если в Дворцовый мост на Неве, который имел какое-то стратегическое значение, за все время блокады попал только один мелкокалиберный снаряд, а в Зимний и Эрмитаж — тридцать крупнокалиберных, «в этих пределах — я артиллерист». Ученый категорически заявил, что методически велась прицельная стрельба из орудий крупного калибра, чтобы преднамеренно разрушить всемирно известный музей Эрмитаж. Адвокаты не решились после этого задавать Орбели каверзные вопросы.

При допросах свидетелей, как и вообще в ходе работы в Нюрнберге, большую помощь нам оказывали консультанты, переводчики, секретари, стенографисты, машинистки и другой вспомогательно-технический персонал, находившийся при Главных обвинителях. Самое большое число помощников имел Главный обвинитель от США Джексон. В докладе президенту США он отмечал: «Штаб США непосредственно нанял для Нюрнбергского процесса необходимый персонал, включая юристов, секретарей, переводчиков, клерков, достигавший 654 человек, из них 365 вольнонаемных и 289 военнослужащих». Делегации Великобритании, СССР и Франции располагали примерно таким же количеством [1]. 19 присоединившихся наций также послали своих представителей, которые увеличили общее количество людей, активно занятых в деле, еще на 30—50 человек.

Последняя фраза требует объяснения. Устав не предусматривал права государств, присоединившихся к соглашению о создании трибунала, непосредственно выступать на процессе, самим представлять доказательства. Они командировали в Нюрнберг своих представителей, которые готовили материалы для суда, но передавали их через

[1] Наша делегация, включая переводчиков, секретарей и машинисток, составляла не более 60 человек.

соответствующего Главного обвинителя. Так, представители Чехословакии, Польши и Югославии слали свои материалы советским обвинителям, представители Бельгии, Нидерландов, Люксембурга, Дании — французским и английским.

Правительства Польши и Чехословакии обратились с ходатайством в трибунал о допуске их представителей в качестве обвинителей и предоставлении им статуса равного с представителями США, СССР, Англии и Франции. По инициативе Джексона Главные обвинители направили трибуналу меморандум, в котором обосновали отрицательное отношение к ходатайству. В частности, в меморандуме отмечалось, что практически невозможно дополнительно включать в процесс обвинителей от всех пострадавших государств, как и невозможно сделать исключение для Польши и Чехословакии. Трибунал согласился с мнением Главных обвинителей.

Соединенные Штаты, поскольку на их долю выпали «обязанности нации — хозяина в Нюрнберге», обеспечивали воздушные и железнодорожные перевозки, установили службу местной и дальней связи для всех делегаций и прессы, оказывали почтовые услуги, обеспечивали лечением и питанием участников процесса, организовали для желающих богослужение. Они обеспечивали также безопасность судей и обвинителей, возможность использования фотокопирования, размножения печатных текстов на множительных аппаратах. Было изготовлено, кстати сказать, более 4 тысяч дисков звукозаписи.

При управлении Главного американского обвинителя действовало бюро переводов, состоявшее из большого числа квалифицированных переводчиков. Русскую секцию бюро переводов, например, возглавлял крупный филолог Френк, профессор одного из американских университетов. Упомянем, что в этой секции в качестве переводчиков работали многие дети эмигрантов, графские и княжеские потомки, вроде князя Васильчикова [1], графа Л. Толстого — внучатого племянника Льва Николаевича Толстого...

В этой связи припоминается такой эпизод. По установленным трибуналом правилам, выступления обвинителей должны были заранее переводиться на четыре языка, на которых велся процесс, их размножали и определенное

---

[1] Он учил «уму-разуму» наших синхронных переводчиков, которые помогали своим товарищам переводить документы: «Господа, зачем вы еще это делаете? Ведь вам за это не платят».

количество экземпляров передавали защитникам подсудимых.

Выступление одного из советских обвинителей было назначено на понедельник в 10 утра — время начала заседания трибунала, которое оставалось неизменным в течение всего процесса. По ряду обстоятельств он задержал подготовку выступления. Перевод на французский и немецкий языки был сделан вовремя, а для перевода на английский у наших переводчиков не хватило времени, так как с английского на русский переводили многие, а с русского на английский — только двое. Пришлось обратиться к американцам.

Руководитель бюро переводов сразу же согласился помочь, но, учитывая большой объем материала, потребовал два дня. А в нашем распоряжении был только один. Все наши аргументы не действовали. Шеф бюро категорически заявил, что в субботу он не может заставить своих переводчиков трудиться целый день, в полдень он должен освободить их от работы (уик-энд) и сослался на то, что даже во время войны в военном министерстве США в субботу работа прекращалась в 13 часов. Долго мы его убеждали. Наконец он заявил: «Сейчас вызову ваших бывших соотечественников, и договаривайтесь сами». Пришло человек восемь. Повторили нашу просьбу. Молчание. Шеф говорит, обращаясь к переводчикам: «Я им сказал, что невозможно выполнить их просьбу, подтвердите им это». И вдруг встает одна из переводчиц (женщина лет под пятьдесят) и заявляет: «Ничего невозможного тут нет, русские для русских все сделают». И сделали, хотя работать им пришлось до глубокой ночи. Женщина, явившаяся инициатором и не побоявшаяся недовольства своего шефа, оказалась женой крупного капиталиста, бывшего владельца универмага «Мюр и Мерелиз» в Москве (ныне ЦУМ).

Приведенный эпизод явился в какой-то мере отражением начавшегося в годы войны среди русской эмиграции процесса расслоения. Одержанная советским народом историческая победа над «третьим рейхом», возросший международный авторитет Советского Союза заставили многих из них пересмотреть свои взгляды. Немало эмигрантов прониклись гордостью за наши грандиозные военные победы. Им было известно, например, заявление президента США Ф. Рузвельта, который в 1942 году писал: «Ясен простой факт — русские убивают больше солдат и уничтожают больше его вооружения и снаряжения, чем остальные 25 государств, вместе взятых», что

даже Черчилль признал в своих военных мемуарах: «Именно русская армия выпустила кишки из германской военной машины».

Организация одновременного, синхронного перевода на четыре языка была делом далеко не простым. Общими усилиями и вопреки мнению скептиков удалось это сделать. И вообще, надо сказать, делегации работали достаточно дружно. В этой связи небезынтересно привести выдержку из доклада Джексона президенту США: «Мои коллеги, представлявшие Соединенное Королевство, Францию и Советский Союз, являли примеры лучших профессиональных традиций своих стран и заслужили нашу благодарность за терпение, благородство, добрую волю и профессиональное мастерство, которые они внесли в дело. Было бы неправильным утверждать, что у нас не было отдельных разногласий и досадных споров, но твердое желание всех делегаций, чтобы этот первый международный суд доказал возможность успешного международного сотрудничества в использовании состязательного процесса, всегда побеждало скоропроходящее раздражение».

Нюрнбергский процесс в целом был ярким примером сотрудничества четырех держав. Но трудностей возникало немало. В частности, сразу же по приезде в Нюрнберг надо было договориться о порядке выступлений Главных обвинителей со вступительными, а затем и с заключительными речами.

Было совершенно очевидно, что Джексон хочет выступать первым. Он восемь лет работал с президентом Рузвельтом в качестве его помощника и, по моим впечатлениям, рассчитывал на то, что его активная роль на процессе, за которым с огромным вниманием следили все народы мира, создаст ему большую популярность, которая, может быть, даже позволит баллотироваться в президенты. Но нельзя было сбросить со счетов тот очевидный факт, что наша страна внесла решающий вклад в дело разгрома фашистского агрессора. И логика требовала, чтобы представитель Советского Союза выступил первым. Было принято такое решение: первым выступает все-таки представитель США, а Главный обвинитель от СССР Р. А. Руденко будет завершать речи других Главных обвинителей, подводить итог судебным прениям.

С большим вниманием мы, советские обвинители, слушали 21 ноября интересную по форме и содержанию

вступительную речь Джексона. Для меня она служила как бы дополнением к теоретическим знаниям американского судопроизводства. Джексон начал свою речь следующим утверждением: «Преступления, которые мы стремились осудить и наказать, столь преднамеренны, злостны и имеют столь разрушительные последствия, что цивилизация не может потерпеть, чтобы их игнорировали, так как она погибнет, если они повторятся». В этой и других речах на процессе Джексон гневно осуждал нацистские преступления, убедительно сказал об агрессивной войне как о величайшей опасности нашего времени. Эти люди, говорил он, указывая на подсудимых, живые символы расовой ненависти, террора и насилия, надменности и жестокости. Это символ жестокого национализма и милитаризма, интриг и провокаций. Мы знаем, продолжал Джексон, что они пришли к власти в результате порочного союза между самыми экстремистскими нацистскими заговорщиками, самыми необузданными германскими реакционерами и самыми агрессивными германскими милитаристами. Каждая из тех войн, которые были начаты этими нацистскими руководителями, была, вне всякого сомнения, агрессивной войной. Они возбудили желание немцев стать «высшей расой», что, конечно, подразумевает рабство для других. Они ввергли свой народ в бешеную авантюру с целью установить свое господство... Они вторглись в соседние страны... Они поработили миллионы людей. В конце концов злодеяния и вероломство достигли таких размеров, что поставили под угрозу существование цивилизации. Они являются самыми зловещими темными силами в обществе. Их деяния затопили мир кровью и отбросили цивилизацию на столетие назад. Они ввергли германский народ в пучину бедствий, из которой он не может надеяться выбраться в скором времени. Они разожгли ненависть и развязали насилие на каждом континенте. Все они говорят лживым языком нацистов, чтобы ввести в заблуждение доверчивых.

Джексон обосновал преступный характер СА, СС и других гитлеровских организаций, в особенности национал-социалистской партии, предупреждал об опасности новых конфликтов, подчеркивая, что одни только юридические действия — слишком слабое орудие, чтобы предотвратить будущие войны, если будет продолжаться старая политика в германском вопросе. Это совершенно не означает, говорил Джексон, что Соединенные Штаты

не повинны в тех условиях, которые превратили германский народ в легкую жертву запугивания и обмана со стороны нацистских заговорщиков. «Цивилизация не может,— продолжал Джексон,— позволить себе какой-либо компромисс с социальными силами, которые приобретут новую мощь, если мы поступим двусмысленно или нерешительно с людьми, в лице которых эти силы продолжают свое существование... Мы не должны ни на минуту забывать, что по протоколам судебного процесса, которым мы судим этих людей сегодня, история будет завтра судить нас самих... Разве они (подсудимые.— *Авт.)* могли ожидать, что мы превратим наши американские места заключения в убежища для наших врагов от справедливого гнева наших союзников? Разве для того мы жертвовали жизнями американцев, чтобы взять этих людей в плен лишь затем, чтобы спасти их от наказания?»

Сильно говорил Джексон на Нюрнбергском процессе. Но вот прошло немного времени, и случилась обычная в буржуазном обществе политическая метаморфоза: Джексон рекомендует другие процессы проводить «не по нюрнбергскому методу». А в декабре 1948 года в угоду «зловещим силам», против которых он ранее выступал, голосует за пересмотр Верховным судом США приговора Международного военного трибунала в Токио, осудившего главных японских военных преступников. Как показали итоги ряда процессов над гитлеровскими генералами и промышленными магнатами, проведенных «не по нюрнбергскому методу», они свелись, по существу, к освобождению военных преступников от заслуженного возмездия, чтобы использовать их в интересах американских империалистов.

Но на Нюрнбергском процессе Джексон весьма аргументированно и убедительно выступал с обвинениями против главарей «третьего рейха».

Хартли Шоукросс — Главный обвинитель от Великобритании, один из лидеров лейбористской партии — выступил 4 декабря. Его пятичасовую речь я, как и мои товарищи, тоже внимательно выслушал. Хотя Шоукросс отметил, что его задачей является обвинение подсудимых в преступлениях против мира, он затронул немало интересных правовых вопросов, высказал ряд общих суждений и выводов. Несмотря на то, сказал выступавший, что трибунал учрежден державами-победительницами, он будет действовать с полной юридической объективностью,

послужит разрешению вопросов современности и его деятельность явится «авторитетной и беспристрастной летописью, к которой будущие историки могут обращаться в поисках правды». Все народы мира, подчеркнул Шоукросс, стремились объявить агрессивную войну преступлением против международного права. Будет логично заставить людей, которые развязывали агрессивные войны, лично отвечать за то, что они повлекли свои страны по такому пути. То же самое относится к преступлениям против человечности. Устав трибунала только развивает уже существовавшие прежде правовые принципы, отмечал Шоукросс. В договорах, заключенных между СССР и другими государствами, например с Персией (1 октября 1927 г.), Францией (2 мая 1935 г.), Китаем (21 августа 1937 г.), подписавшиеся стороны договорились воздерживаться от агрессивных актов. Советский Союз стал участником большого количества договоров, в которых содержалось подробное определение агрессии, и СССР точно следовал этому определению в заключенных договорах. В феврале 1928 года шестая панамериканская конференция приняла решение, что, «поскольку агрессивная война является преступлением против рода человеческого... всякая агрессия является незаконной и, как таковая, объявляется запрещенной». Закончил свое выступление Шоукросс следующими словами: правительства Англии, США, СССР и Франции, действуя при поддержке и от имени всех других миролюбивых стран, для того и объединились, чтобы посадить преступников на скамью подсудимых и чтобы были наказаны те, кто содействовал, потворствовал, советовал, обеспечивал и сделал возможным совершение преступлений столь ужасных, что они не укладываются в сознании. Объединившиеся государства это сделали для того, чтобы разоблачить поведение подсудимых во всей его голой порочности, и они это делают в надежде на то, что совесть и здравый смысл всего мира увидят последствия такого поведения и конец, к которому оно неизбежно должно привести.

Слушая это и другие выступления Шоукросса, я старался точно записать наиболее существенные места. Структура и подача материала в речи обвинителя вызывали у меня с профессиональной точки зрения положительную оценку, чего не могу сказать о самом обвинителе: он держал себя надменно, высокомерно, пробыл на процессе в общей сложности не более десяти дней. (Английскую делегацию фактически возглавлял его заместитель сэр Дэвид Максуэлл

Файф, типичный представитель английской юридической школы, большой мастер допроса.)

С Шоукроссом произошло аналогичное, что и с Джексоном. Стоило измениться политической обстановке, как он позабыл сказанное им на процессе, стал рьяным поборником антисоветской политики. Будучи постоянным представителем Англии в ООН, он по всякому поводу, а чаще и вовсе без повода обрушивался с нападками на предложения Советского Союза, направленные на упрочение мира и безопасности народов. Если в Нюрнберге Шоукросс, как и другие Главные обвинители, требовал для всех без исключения подсудимых смертной казни, то потом он выступил одним из инициаторов досрочного освобождения Рудольфа Гесса, осужденного Международным военным трибуналом к пожизненному тюремному заключению.

Что касается сэра Дэвида Максуэлла Файфа, то о нем у меня остались хорошие воспоминания как о человеке честном и порядочном. 2 октября 1946 года, когда Руденко, Покровский, Смирнов, Трайнин и я по приглашению чехословацкого правительства, возглавляемого Клементом Готвальдом, уезжали в Прагу, сэр Дэвид зашел к нам проститься. В моей памяти до сих пор сохранились его слова: «Не знаю, как в дальнейшем сложатся взаимоотношения между нашими государствами — на политическом горизонте появились грозовые тучи, но прошу верить, что я был и всегда останусь искренним другом вашей великой страны». Для таких слов нужно было обладать определенным мужеством. И насколько мне известно, когда к власти в Англии снова пришли консерваторы и сэр Дэвид стал членом правительства (получив титул виконт Кэлберн), он не забывал сказанное нам в Нюрнберге.

О вступительной речи Главного обвинителя от Франции Франсуа де Ментона от 17 января 1946 года в моих записях сохранилось не так много. Вот некоторые фразы: «В то время, когда подсудимые совершали преступления, им было известно твердое намерение Объединенных Наций покарать за эти преступления. Массовые убийства во Франции являлись примером тех преступлений, которые нацисты совершали во многих других странах, находившихся под их игом. Зверства, совершенные в Польше, Югославии, Чехословакии, Норвегии, Голландии, Бельгии и прежде всего в России, превосходят все то, что было известно в наиболее мрачные и жестокие годы истории человечества».

Должен заметить, что в первый же день нашего приезда в Нюрнберг на меня была возложена дополнительная

и весьма трудоемкая обязанность: ежедневно после окончания каждого заседания трибунала составлять телеграфные сообщения для Москвы о том, как прошло заседание, какие возникли вопросы и наши проекты их решения. Впоследствии А. Полторак в своей книге «Нюрнбергский эпилог» напишет: «Рагинский — человек-машина, способный работать по двадцать часов в сутки, воплощение высокой организованности». Конечно, это было известным преувеличением, но действительно мне на сон выпадало немного часов.

20 декабря 1945 года трибунал объявил перерыв на рождественские каникулы. Р. А. Руденко и я вылетели в Москву. Наш Главный обвинитель по поручению И. В. Сталина допросил в качестве свидетеля фельдмаршала Ф. Паулюса, который был пленен вместе со своим штабом в Сталинграде, а я занимался трофейным архивом румынского диктатора И. Антонеску.

...С Р. А. Руденко я был близко знаком по совместной работе в прокуратуре задолго до Нюрнбергского процесса. Он прошел все ступени прокурорской лестницы, обладал огромным опытом, большим тактом, умением устанавливать деловые контакты. Очень живой собеседник, умеющий понимать и ценить тонкую шутку, он импонировал своим партнерам и членам трибунала, и они, особенно Роберт Джексон, относились к нему с глубоким уважением и симпатией, что облегчало совместную работу.

Главный обвинитель от СССР начал 8 февраля свое выступление с характеристики значения процесса и его правовых особенностей.

— Я приступаю к своей вступительной речи,— сказал он,— завершающей первые выступления Главных обвинителей на данном процессе, с полным сознанием его величайшего исторического значения. Впервые в истории человечества правосудие сталкивается с преступлениями такого масштаба, вызвавшими такие тяжелые последствия. Впервые перед судом предстали преступники, завладевшие целым государством и самое государство сделавшие орудием своих чудовищных преступлений. Гитлеризм навязал миру войну, которая принесла народам неисчислимые бедствия и безмерные страдания. Миллионы людей пали жертвами войны, которую зажгли гитлеровские разбойники, возмечтавшие о покорении демократических стран и установлении гитлеровской тирании в Европе и во всем мире. Пришел день, когда народы мира требуют справедливого возмездия и суровой кары для гитле-

ровских палачей, требуют сурового наказания преступников.

Этого выступления давно ждали в Нюрнберге, в нашей стране, в других государствах. В Советском Союзе народы видели надежного гаранта того, что реакции не удастся свернуть ход процесса с правильного пути, что многолетнее ожидание человечества покарать нацистских агрессоров станет реальностью. Перед советским Главным обвинителем стояли сложные задачи. По сути своей они были антифашистскими, антиимпериалистическими, но решать их нужно было (звучит как парадокс!) вместе с буржуазными юристами, представлявшими в Нюрнберге крупнейшие империалистические государства. Для этого нужна была политическая острота и вместе с тем гибкость, чтобы обеспечить до деталей согласованную деятельность всех обвинителей.

— Советский народ,— подчеркнул Р. А. Руденко,— на полях битв, невиданных по своим масштабам и ожесточению, стойко и мужественно защищал и защитил честь, свободу и независимость своей Родины и вместе с войсками союзных наций избавил свободолюбивые народы мира от страшной опасности фашистского порабощения. Я от имени Советского Союза и мои уважаемые коллеги — Главные обвинители от США, Англии и Франции обвиняем подсудимых в том, что они по преступному заговору правили всей германской гражданской и военной машиной, превратив государственный аппарат в аппарат по подготовке и проведению преступной агрессии, в аппарат по истреблению миллионов невинных людей... Когда цветущие области превращались в зоны пустыни и кровью казненных пропитывалась земля, то это было делом их рук. И от того, что, прежде чем натравливать своры собак и палачей на миллионы невинных, подсудимые годами отравляли совесть и разум целого поколения немцев, воспитывая в них чванство «избранных», мораль людоедов и алчность грабителей, стала ли вина гитлеровских заговорщиков слабее или меньше?

В речи Р. А. Руденко был подведен четкий итог выступлений всех Главных обвинителей. Строгую по форме, яркую по содержанию и неотразимую по убедительности речь наш представитель закончил так:

— Я выступаю здесь как представитель Союза Советских Социалистических Республик, принявшего на себя основную тяжесть удара фашистских захватчиков и внесшего огромный вклад в дело разгрома гитлеровской Герма-

нии и ее сателлитов. От имени Советского Союза я предъявляю подсудимым обвинение по всем пунктам ст. 6 Устава Международного военного трибунала. Вместе с Главными обвинителями Соединенных Штатов Америки, Великобритании и Франции я обвиняю подсудимых в том, что они подготовили и осуществили вероломное нападение на народы моей страны и все свободолюбивые народы.

Я обвиняю их в том, что, развязав мировую войну в нарушение основных начал международного права и ими заключенных договоров, они превратили войну в орудие массового истребления мирных граждан, в орудие грабежа, насилий и разбоя. Я обвиняю подсудимых в том, что, объявив себя представителями ими измышленной расы господ, они всюду, куда проникала их власть, создавали режим произвола и тирании, режим, основанный на попирании элементарных основ человечности...

Во имя священной памяти миллионов невинных жертв фашистского террора, во имя укрепления мира во всем мире, во имя безопасности народов в будущем мы предъявляем подсудимым полный и справедливый счет. Это счет всего человечества, счет воли и совести свободолюбивых народов. Пусть свершится правосудие!

Такой же яркой, убедительной была и заключительная речь советского Главного обвинителя.

— Мы подводим итоги судебного следствия... — говорил он,— человечество призывает к ответу преступников, и от его лица мы, обвинители, обвиняем в этом процессе. И как жалки попытки оспорить право человечества судить врагов человечества... За каждое убийство, за каждую каплю невинной крови несут ответственность подсудимые, ибо между ними и непосредственными исполнителями убийств, истязаний разница только в масштабе преступлений: те — непосредственные палачи, а они — главные палачи, начальники палачей, палачи высшей марки... Мы не можем пройти мимо и тех преступлений, которые подсудимые совершали в самой Германии за время своего господства в ней: массовое уничтожение всех, кто в какой-то мере выражал недовольство нацистским режимом; рабский труд и истребление людей в концентрационных лагерях; массовое истребление евреев, а затем тот же рабский труд и то же уничтожение людей в оккупированных странах — все это доказано, и обвинение не поколеблено.

Специальный раздел речи был посвящен правовым вопросам процесса, поскольку адвокаты вновь поставили их

перед трибуналом. Затем обвинитель перешел к рассмотрению доказательств виновности отдельных подсудимых, проанализировав доводы их защитников.

— Защитники подсудимых говорили о гуманности,— сказал Р. А. Руденко.— Мы знаем, что цивилизация и гуманность, демократия и гуманность, мир и гуманность — нераздельны. Но борцы за цивилизацию, демократию и мир — мы решительно отвергаем бесчеловечный гуманизм, внимательный к палачам и безразличный к их жертвам...

Моей речью заканчиваются выступления обвинителей. Выступая на этом суде от имени народов Союза Советских Социалистических Республик, я считаю полностью доказанными все обвинения, предъявленные подсудимым. И во имя подлинной любви к человечеству, которой исполнены народы, принесшие величайшие жертвы для спасения мира, свободы и культуры, во имя памяти миллионов невинных людей, загубленных бандой преступников, представших перед судом передового человечества, во имя счастья и мирного труда будущих поколений я призываю суд вынести всем без исключения подсудимым высшую меру наказания — смертную казнь. Такой приговор будет встречен с удовлетворением всем передовым человечеством.

Р. А. Руденко выступал также с обвинительной речью по делу фашистских организаций: СС, гестапо, руководящего состава нацистской партии и других, которые все обвинители просили признать преступными.

Свою речь он закончил следующими словами: «На полях битв человечество уже вынесло свой приговор германскому фашизму. В огне величайших в истории человечества битв героической Советской Армией и доблестными войсками союзников были не только разгромлены гитлеровские орды, но утверждены высокие и благородные принципы международного сотрудничества, человеческой морали, гуманные правила человеческого общежития.

Обвинение выполнило свой долг перед Высоким Судом, перед светлой памятью невинных жертв, перед совестью народов, перед своей собственной совестью.

Да свершится же над фашистскими палачами Суд Народов — Суд справедливый и суровый».

Прогрессивные люди всех континентов с большим удовлетворением восприняли выступления Главного обвинителя.

Суд народов в Нюрнберге принадлежит истории, но это история живая, современная. Весьма актуально звучит

и сегодня многое из того, что говорилось четыре десятилетия назад на процессе, в том числе представителями западных стран, и от чего хотели бы отречься милитаристские круги США и некоторых их союзников по НАТО, вставших на путь безудержной гонки вооружений, подготовки разрушительной термоядерной войны.

ПОДСУДИМЫЕ: СТАРТ И ФИНИШ

В соответствии с соглашением между СССР, США, Англией и Францией суду Международного военного трибунала, как уже говорилось, были преданы 24 главаря «третьего рейха».

Герман Вильгельм Геринг. «Человек № 2», как его величали в рейхе. Геринг стремился стать и № 1, но получил этот номер только в Нюрнбергской тюрьме, на скамье подсудимых.

Сын губернатора бывшей германской колонии в Юго-Западной Африке, Геринг во время первой мировой войны служил офицером-летчиком. Его коллега, военный летчик Эрнст Удет, убитый впоследствии гестаповцами, рассказывал, с каким бесстыдством капитан Геринг подделывал число сбитых им машин противника, с какой наглостью использовал свои связи, чтобы добиться известности и наград. Еще в ту пору он находился в тесной связи с фирмой «Баварские моторостроительные заводы», которая благодаря военным поставкам получала огромные прибыли. Перепадало из них и Герингу, который по поручению военного ведомства испытывал продукцию фирмы и давал благоприятные заключения о ее качестве.

После поражения Германии в 1918 году Геринг занялся коммерческими спекуляциями, женился в Швеции на богатой баронессе Карин Фок, установил связи со шведскими промышленниками.

В 1922 году он вступает в национал-социалистскую партию и становится ближайшим помощником Гитлера. Он организует и руководит штурмовыми отрядами (СА). После провала в ноябре 1923 года гитлеровского путча в Мюнхене, в котором он участвовал, Геринг был арестован, но вскоре освобожден «под честное слово», которое он, разумеется, нарушил и сбежал в Австрию. Затем перебрался в Италию, нашел общий язык с тамошними финансистами и фашистами. В 1925 году в Швеции Геринг был помещен в психиатрическую больницу, где прошел курс лечения по поводу наркомании. В 1927 году он снова появляется в

Германии. Поддерживаемый рурскими и рейнскими промышленными магнатами и влиятельными кругами рейхсвера, Геринг приобретает все большее влияние в нацистской партии: именно через него в партийную кассу поступают от промышленников крупные суммы. Постепенно Геринг становится важнейшим посредником между рейхсвером и монополистами, с одной стороны, и национал-социалистской партией — с другой.

После захвата фашистами власти Геринг назначается министром внутренних дел и премьер-министром Пруссии. Он создал гестапо и первые концентрационные лагеря; вместе с другими нацистскими главарями организовал поджог рейхстага, о чем будет сказано дальше.

Геринг был одним из инициаторов массовых убийств. «Убивайте,— говорил он,— каждого, кто против нас, убивайте, убивайте, не вы несете ответственность за это, а я, поэтому убивайте».

Американский обвинитель Альбрехт привел на процессе следующие слова Геринга: «Каждая пуля, вылетевшая из дула пистолета полицейского, есть моя пуля. Если кто-то называет это убийством, значит, это я убил. Я приказал это, я согласился с этим, я принимаю на себя всю ответственность...» Политический террор под его руководством, подчеркнул обвинитель, был безграничен. После уничтожения сил оппозиции нацисты решили уничтожить несогласных в собственных рядах. Это они и сделали 30 июня 1934 года, учинив резню, известную под названием «Чистка Рема».

Время от времени на Нюрнбергском процессе говорилось о «хрустальной ночи», приводились выдержки из различных документов. И каждый раз заметно было волнение сидевших на скамье подсудимых. Но больше всех нервничал Геринг.

«Хрустальной» была названа ночь с 9 на 10 ноября 1938 года. Тогда тысячи зеркальных витрин, десятки тысяч метров драгоценного хрустального стекла со звоном и треском были разбиты вдребезги, возвещая о новом зловещем этапе в политике «третьего рейха». В ту ночь по всей Германии прошли антисемитские погромы, а на следующий день Гейдрих докладывал Герингу: «Арестовано 20 тысяч евреев». Это был «ответ народа», как вопила геббельсовская пропаганда, на покушение на секретаря германского посольства в Париже фон Рата со стороны студента еврея Гриншпана. На самом же деле зловещая ноябрьская ночь представляла собой одно из звеньев в детально разработанной нацистами программе расовой ненависти. Пока для

своей страны. Но очень скоро эта программа стала применяться в отношении поляков и чехов, русских, украинцев и белорусов, французов и англичан, против многих других народов.

Когда на суде Геринга спросили относительно его личного участия в событиях «хрустальной ночи», он утверждал, что эта ночь якобы вызвала у него искреннее негодование, чувство глубокого возмущения. Ту же побасенку повторял и его защитник Отто Штамер.

Но вот американский обвинитель представляет трибуналу документ ПС-1816. Это стенограмма совещания под председательством Геринга в имперском министерстве авиации от 12 ноября 1938 года, то есть сразу же после «хрустальной ночи». Тут уже Герингу сказать было нечего. Он лично председательствовал на этом совещании, да и документ был обнаружен в архивах министерства авиации, которое он возглавлял. А когда стали зачитывать выдержки из стенограммы, то стала понятна нервозность Геринга, да и не только его одного. Из высказываний участников совещания было совершенно ясно и то, кто был организатором «хрустальной ночи», и то, как нацисты собирались наиболее эффективно использовать эту погромную акцию.

Геринг довольно быстро поднимается по иерархической лестнице гитлеровской Германии. Он становится президентом рейхстага, имперским министром авиации, главнокомандующим военно-воздушными силами, рейхсмаршалом, председателем экономического совета и совета министров «по обороне империи», имперским управляющим государственными лесами и генеральным уполномоченным по «четырехлетнему плану».

Свое положение в «третьем рейхе» Геринг, как и другие нацистские заправилы, использовал для непомерного личного обогащения. В течение короткого времени не осталось почти ни одного крупного немецкого предприятия, в прибылях которого он не принимал бы участия. Гитлер назначил его диктатором невероятно раздувшейся германской военной промышленности. Это назначение вполне устраивало как магнатов тяжелой промышленности, так и прусских юнкеров, с которыми, как уже отмечалось, Геринг был связан давно.

Вскоре после назначения генеральным уполномоченным по «четырехлетнему плану» Геринг в июле 1937 года при участии других плутократов организовал концерн по добыче руд и черной металлургии под названием «Герман

Геринг», который присоединил множество мелких предприятий. После захвата Австрии и Чехословакии концерн поглотил многие крупные предприятия этих стран. К 1939 году на нем работало свыше 800 тысяч рабочих. И потом, в ходе второй мировой войны, концерн «Герман Геринг» продолжал расти и увеличивать свои богатства за счет грабежа захваченных гитлеровской армией территорий Европы. Одновременно богател, естественно, и его основной владелец. Он скупал земли, загородные виллы и огромные земельные участки, обзавелся конюшнями для скаковых лошадей, свозил в свои дворцы огромные художественные ценности, украденные из музеев захваченных стран, драгоценные камни, золотые слитки. Миллионные суммы переводились Герингом в иностранные банки. Через посредников он приобретал крупные имения за границей.

Каждый шаг германских войск по чужим территориям приносил Герингу новые богатства. Его агенты шныряли по всем городам оккупированной Европы. Особенно поживился рейхсмаршал на ограблении частных французских коллекционеров. Как доносил чиновник немецкой военной администрации в Париже, его специальный поезд состоял из 25 вагонов, наполненных самыми ценными произведениями искусства. Сам Геринг в письме к Розенбергу похвалялся, что он владеет «крупнейшей коллекцией если не в Европе, то по крайней мере в Германии». Это письмо было мною представлено трибуналу.

Еще до вероломного нападения на Советский Союз Геринг создал специальный штаб по ограблению территорий Советского Союза, разработал указания и директивы, известные под названием «Зеленая папка Геринга». Папку обнаружил среди многих трофейных документов и перевел на русский язык сотрудник советской делегации полковник Розенблит. Через некоторое время я изучал этот страшный документ, носивший официальное название «Директивы по руководству экономикой (План Барбаросса)». Директивы предусматривали «немедленную и полную эксплуатацию оккупированных областей в интересах военной экономики Германии; эксплуатация страны должна быть проведена в широких масштабах». Причем власть Геринга на оккупированных территориях СССР была расширена указом от 29 июня 1941 года, подписанным Гитлером, Кейтелем и имперским министром Ламмерсом, в соответствии с которым рейхсмаршал мог принимать любые меры, вплоть до непосредственных распоряжений

органам вооруженных сил, для «максимального использования обнаруженных запасов и экономических мощностей на пользу германской военной экономики».

Эти и другие документы были представлены трибуналу советским обвинителем Л. Р. Шейниным, который совершенно правильно квалифицировал их как заранее разработанный план организованного ограбления захваченных советских территорий, а действия его исполнителей жестокими и беспощадными. Шейнин представил много документов, изобличавших Геринга, один из которых мне особо запомнился. Мы его получили при следующих обстоятельствах. Шел по разрушенным улицам Берлина солдат и видит: из-под развалин какого-то здания торчит огромный сейф. Полюбопытствовал. Недолго думая, подложил под него гранату и взорвал. Посыпались бумаги, некоторые обгорели, но многие уцелели. Солдат их собрал и отнес в ближайшую комендатуру. Оказалось, что в сейфе находились документы из личного архива Геринга. Среди них — стенограмма совещания Геринга с рейхскомиссарами оккупированных областей и представителями военного командования, состоявшегося 6 августа 1942 года в министерстве авиации. Заметки об этом совещании, на котором присутствовали кроме Геринга Розенберг, Заукель, Зейсс-Инкварт, Франк, Фрик, были разосланы 8 августа всем министрам и высшим военным инстанциям за подписью Кернера — статс-секретаря, одного из наиболее доверенных людей Геринга.

Советский обвинитель подробно цитировал этот поразительный документ. Геринг очень нервничал, ведь он был пойман с поличным, а когда Л. Р. Шейнин огласил выдержку из его напутствия рейхскомиссарам и гаулейтерам: «Вы посланы для того, чтобы выкачать все возможное, должны быть, как легавые собаки; там, где имеется еще кое-что, должно быть молниеносно извлечено и доставлено сюда... Я намерен грабить и именно эффективно»,— Геринг вскочил. И тут мы стали свидетелями довольно забавной сценки: стоявший у скамьи подсудимых охранник вроде слегка двинул плечом, а Геринг от этого движения отлетел от барьера и плюхнулся на свое место.

18 марта 1946 года обвинители приступили к допросу Геринга. Сначала подсудимый пытался всячески выпятить значение своей личности, он похвалялся, например, перед тюремным психологом Джильбертом: «Не забывайте, что против меня здесь выступают самые лучшие юридические силы Англии, Америки, России, Франции со всем их юри-

дическим аппаратом». В действительности же Геринга допрашивали лишь Главные обвинители от США и СССР. Начал Джексон.

Вопрос. Вы с самого начала (после вступления в нацистскую партию.— *Авт.*) вместе с теми, которые сотрудничали с вами, намеревались свергнуть и затем действительно свергли Веймарскую республику?

Ответ. Что касается меня лично, это было моим твердым решением.

Вопрос. А придя к власти, вы немедленно уничтожили парламентарное правительство в Германии?

Ответ. Оно нам было больше не нужно.

Вопрос. В 1940 году вы были информированы о том, что германская армия готовится напасть на Советскую Россию?

Ответ. Да, я говорил об этом.

Полностью допрос Джексона, за исключением обстоятельств, касавшихся поджога рейхстага, у меня в памяти не сохранился, но отлично помню весь допрос, который провел Руденко. Главный обвинитель от СССР сорвал с Геринга тогу государственного деятеля, в которую тот рядился, обнажил самые отвратительные стороны его действий. Герингу пришлось пережить немало крайне неприятных минут.

Вопрос. Кто являлся ближайшим сотрудником Гитлера в области военно-воздушного флота?

Ответ. Само собой разумеется, я.

Вопрос. В вопросах экономики?

Ответ. Это также был я.

Вопрос. По внешнеполитическим вопросам?

Геринг пытается увильнуть от ответа на вопрос, но Руденко не дает ему это сделать, предложив персонально назвать таких ближайших сотрудников. Геринг не решается, боясь, что «ближайшие» могут осерчать и рассказать о многих его подлостях. Так же обстояло дело с выяснением участия Геринга в подготовке нападения на Советский Союз.

Руденко переходит к установлению целей, которые преследовали гитлеровцы, нападая на Советский Союз.

Вопрос. Признаете ли вы, что целями войны против Советского Союза был захват советских территорий до Урала, присоединение к империи Прибалтики, Крыма, Кавказа, Волжских районов, подчинение Германии Украины, Белоруссии и других областей? Признаете вы это?

Ответ. Я этого ни в какой мере не признаю.

Геринг уже слышал оглашенные на суде нацистские документы, из которых было видно, что наряду с заблаговременной разработкой чисто военных и стратегических планов нападения на СССР гитлеровцы с хладнокровием и расчетливостью профессиональных грабителей подготавливали план наглого присвоения украинской пшеницы и угля Донбасса, никеля Кольского полуострова и кавказской нефти, а потому решил все отрицать. Однако Руденко предъявил протокол совещания в ставке Гитлера от 16 июля 1941 года, в котором участвовали Геринг, Розенберг, Кейтель, Ламмерс, Борман. Протокол, который вел Борман, не оставлял сомнений в том, что цели нападения на нашу Родину были определены Гитлером и его приспешниками, в частности Герингом, именно так, как они сформулированы Р. А. Руденко. Герингу нечего ответить.

Вопрос. Известно ли вам о директивах ОКВ «Об обращении с советскими военнопленными»?

Геринг уже не решается сразу ответить, пытается выгадать время.

Ответ. Я должен был бы сначала просмотреть их.

Просьба тотчас удовлетворяется, однако Геринг продолжает увиливать. Он понимал, что ни в коем случае нельзя брать на себя ответственность за убийства и истязания военнопленных, расстрелы заложников, ограбление населения оккупированных территорий, за Освенцим и Майданек. Руденко предъявляет Герингу неопровержимые документы, и тот всячески открещивается от них, «забыв», как когда-то кричал: «Я один за все отвечаю».

С первого дня процесса Геринг вел себя так, чтобы выдвинуться на первый план. Когда случалось, что в ходе судебного разбирательства какое-либо событие отодвигало на второй план его особу, он не мог скрыть своего раздражения. Сидя на скамье подсудимых, Геринг пытался играть заглавную роль: посылал какие-то записки своему адвокату, своим коллегам-подсудимым, вопросы адвоката при его допросе были для Геринга поводом произносить речи, носящие, по существу, политический характер. Не менее активен он был и вне зала судебных заседаний: во время еды, на встречах в тюрьме. Он старался подчинить себе всех подсудимых, единолично решать, кому и каких вызывать свидетелей, какие вопросы задавать.

Но после допроса его обвинителями Геринг явно сник, понял, что его карта бита. Стал широко известен рассказ начальника тюрьмы полковника Эндрюса о Геринге:

— Когда Геринг прибыл ко мне в Мондорф, он походил на простачка с приклеенной улыбкой. У него было два чемодана, набитых паракодеином. Я подумал, что это торговец наркотиками. Мы отобрали у него товар...

Геринг приговорен трибуналом к смертной казни через повешение. За два часа до казни он покончил жизнь самоубийством, приняв яд.

Некоторое время спустя австрийский журналист Блейбтрей выступил с сенсационным сообщением о том, что будто бы он ухитрился до начала заседания пройти в зал и прикрепить к скамье подсудимых при помощи жевательной резинки ампулу с ядом, которым Геринг потом отравился. Журналист на этой сенсации немало заработал, но то была примитивная ложь: зайти в зал до начала судебного заседания, тем более лицу, не принадлежавшему к составу трибунала или к аппарату Главных обвинителей, имевших специальные пропуска, было абсолютно невозможно. Обергруппенфюрер СС Бах-Зелевски, выпущенный из тюрьмы, попытался отнять «лавры» у журналиста. Встретившись с Герингом в тюремном коридоре, он якобы сумел передать кусочек туалетного мыла, где была запрятана ампула цианистого калия. Однако Бах-Зелевски тоже сказал неправду. И не без определенного умысла. На Нюрнбергском процессе обергруппенфюрер СС дал очень важные показания, разоблачавшие нацистское мировоззрение, планы убийства миллионов беззащитных людей и участие в этих злодеяниях гитлеровского генералитета. Подсудимые объявили его предателем, а Геринг в разговоре с Джильбертом рычал: «Подумайте, эта грязная, проклятая, предательская свинья! Отвратительная вонючка! Он был самым проклятым убийцей во всей этой чертовой компании! Грязная отвратительная собака!» Вот и придумал Бах-Зелевски легенду, чтобы задним числом в какой-то мере реабилитировать себя в глазах гитлеровских последышей.

Нет сомнения, что Геринг отравился цианистым калием. За несколько дней до казни в Нюрнберг приезжала его жена. Я убежден, что преступник № 2 получил яд при помощи офицера американской охраны и за весьма солидную мзду.

Рудольф Гесс. Гесс родился в Египте в семье немецкого торговца, окончил торговую школу. По окончании первой мировой войны записался в Мюнхенский университет, где изучал экономику и геополитику.

Вступив в фашистскую партию в 1920 году, Гесс возглавлял нацистскую организацию и штурмовые отряды

(СА) Мюнхенского университета. Впоследствии стал обергруппенфюрером СА и СС. В ноябре 1923 года принимал активное участие в мюнхенском путче, был заключен в 1924 году в Ландсбергскую крепость (тюрьму), где под диктовку Гитлера писал фашистский катехизис «Майн кампф». Был ближайшим доверенным лицом Гитлера.

Гесс — активный участник захвата власти, установления в Германии террористической диктатуры, всех злодеяний против немецкого и других народов. 21 апреля 1933 года он был назначен заместителем фюрера по руководству нацистской партии. В декрете Гитлера указывалось: «Настоящим я назначаю Гесса моим заместителем и даю ему полную власть выносить решения от моего имени по всем вопросам партийного руководства». 1 декабря того же года Гесс назначается имперским министром без портфеля. Декретом от 27 июля 1934 года Гитлер обязал руководителей всех министерств и ведомств представлять Гессу все законопроекты на предварительное утверждение. 4 февраля 1938 года он становится членом «Тайного совета министров», 30 августа 1939 года, в канун развязывания второй мировой войны,— членом совета «по обороне империи», а в сентябре — официально объявлен Гитлером его преемником (после Геринга).

Масштабы власти Гесса характеризовались в одном из ежегодников нацистской партии следующим образом: «...Заместитель фюрера является представителем фюрера с полной властью над всем руководством НСДАП. Канцелярия заместителя фюрера, таким образом, является канцелярией самого фюрера... Все нити партийной работы сходятся в руках заместителя фюрера. Ему принадлежит окончательное слово по вопросам всех внутренних партийных планов и по всем вопросам, жизненно важным для существования германского народа. Заместитель фюрера издает директивы для всей партийной работы...»

Полномочия Гесса не ограничивались вопросами партийного руководства. В официальном издании НСДАП «Партийный ежегодник за 1941 год» сказано: «В дополнение к обязанностям партийного руководителя заместитель фюрера обладает широкими полномочиями в области государства. Этими полномочиями являются: во-первых, участие в законодательстве, включая подготовку приказов фюрера; во-вторых, заместитель фюрера утверждает кандидатуры на посты руководителей официальных учерждений, трудового фронта...»

Гесс вместе с Гиммлером создал широко разветвленный террористический аппарат полиции, гестапо, службы безопасности; с его участием была организована и осуществлена изуверская программа избавления от бесполезных едоков — «Эвтаназия», которая стоила жизни сотням тысяч людей в самой Германии, а затем в оккупированных странах Европы.

В ведении Гесса находилось управление по вопросам расовой политики и поселений, которое разрабатывало планы истребления миллионов людей. Он подписал пресловутый закон «о защите крови и чести», другие столь же изуверские законы, утвердил приказ, в котором на СС возлагалось выполнение «особых задач»: «Соединения «ваффен СС» («войска СС»), состоящие из национал-социалистов, более подходят, чем другие войсковые части, для выполнения особых задач, которые следует разрешить на оккупированных восточных территориях, благодаря их высокой подготовке в расовом и национал-социалистском отношениях». Этот приказ фактически санкционировал убийство миллионов ни в чем не повинных людей.

На Нюрнбергском процессе Гесс пытался избежать наказания под предлогом «потери памяти», пытался играть роль душевнобольного. Но когда убедился, что уловки не помогают, вынужден был на заседании международного трибунала признать, что он симулировал по «тактическим соображениям». По тем же причинам, очевидно, Гесс дважды симулировал и покушение на самоубийство.

На процессе в Нюрнберге раскрылась истинная цель полета Гесса 10 мая 1941 года в Англию. Это было важное звено в плане нацистских главарей избежать войны на два фронта.

Стратегическая концепция германского фашизма, предусматривавшая нейтрализацию Англии с целью создания условий для разгрома Франции и последующего нападения на Советский Союз, нашла свое отражение во «Второй книге» Гитлера, написанной в 1928 году, но опубликованной в ФРГ лишь 33 года спустя. Гесс был послан в Англию, чтобы попытаться организовать совместный «крестовый поход» против СССР. К тому времени уже была определена дата нападения на нашу страну. Это было неопровержимо доказано, в том числе английским обвинителем Гриффит-Джонсом.

Прилетев на Британские острова и приземлившись вблизи резиденции герцога Гамильтонского, Гесс имел с ним неоднократные беседы, во время которых просил,

в частности, пригласить «руководящих лиц» с целью сообщить им условия, на которых Гитлер хотел бы заключить мир с Англией. Он встретился с лорд-канцлером Саймоном, а затем и с представителем английского министерства иностранных дел Кирпатриком. Судя по отчетам, полученным из архива МИД Англии и представленным международному трибуналу, Гесс заявил, что «чехословацкий кризис был вызван решимостью Франции сделать Чехословакию воздушной базой против Германии... Вмешательство мистера Чемберлена и конференция в Мюнхене были источником большого облегчения для Гитлера». В развязывании войны он целиком обвинял Англию, запугивал ее военной мощью Германии, шантажировал собеседников усилением бомбардировок Англии. Гесс предложил, чтобы Англия дала возможность Германии делать в Европе все, что она пожелает, за это Германия предоставит Англии полную свободу рук в ее империи с единственным условием: Германии будут возвращены ее колонии.

Не договорились... Миссия его потерпела неудачу, и он был интернирован как военнопленный.

Сколь большие надежды возлагал Гитлер на «миссию» Гесса, видно хотя бы из заявления Геринга американскому тюремному психологу Джильберту: «Вы думаете, Гитлер мог бы послать «человека № 3» для выполнения такой миссии в Англии, нисколько его не подготовив? Вы думаете, нам было приятно заявить, что один из наших ведущих руководителей является душевнобольным?»

Гесса я увидел 21 ноября 1945 года, в тот день, когда Лоренс опрашивал подсудимых о признании ими своей виновности. 20 подсудимых (Кальтенбруннер в тот день на суде не присутствовал, был болен) отвечали весьма стандартно: «не виновен» или «в том смысле, как предъявлено мне обвинение, не виновен». Лишь Гесс попытался внести в свой ответ некоторое разнообразие: «Нет. Признаю себя виновным перед богом».

Так вот, через несколько дней после этого допроса Гесс написал в камере тюрьмы ответы на вопросы представителя «Ассошиэйтед Пресс», связанные с его полетом в Англию. Гесс сообщал, что полет был задуман почти за год до нападения на Россию. Он намеренно отсрочил его, так как «наше военное положение (отступление) в Северной Африке произвели плохое впечатление и мотивы моего внезапного прибытия в Англию были бы ложно истолкованы». Другими словами, Гесс прямо увязывал свой визит в Англию с планами нападения на Советский Союз.

На процессе было четко установлено: за преступления германского фашизма, за все злодеяния гитлеровской клики Гесс несет ответственность наравне с Герингом, Кальтенбруннером, Кейтелем и Розенбергом. По всем законам юридическим и человеческим место Гесса на виселице рядом с ними. Но западные члены трибунала высказались за осуждение Гесса к пожизненному тюремному заключению. Свое расхождение с большинством по вопросу о мере наказания Гессу член трибунала от СССР обосновал в своем Особом мнении.

Гесс отбывает наказание в тюрьме Шпандау (Западный Берлин). Уже много лет он остается единственным обитателем этой тюрьмы и продолжает в качестве наследника фюрера передавать «директивы» своим единомышленникам в ФРГ и в других странах Запада.

В буржуазной прессе и дипломатических кругах западных стран давно ведется кампания за помилование Рудольфа Гесса. В ФРГ был создан даже специальный комитет для этой цели. Его возглавлял одно время Эвальд Бухер, в прошлом министр юстиции в правительстве Аденауэра. Заступниками «старца из Шпандау» выступили бывший начальник этой тюрьмы американский полковник Юджин К. Бёрд и военный преступник Альберт Шпеер, сам просидевший в Шпандау 20 лет, английский лорд Чалфонт, бывший министр, и его соотечественник историк Э. Дж. П. Тейлор, бывший Главный обвинитель от Англии на Нюрнбергском процессе Хартли Шоукросс и адвокат Гесса на том же процессе Зейдль. Жена Гесса Эльзе не только печатала и рассылала в различные адреса письма мужа из тюрьмы, но и превратила свой дом в своего рода центр неонацистов. Всячески раздувает страсти вокруг «старца из Шпандау» реакционная шпрингеровская печать.

Все это вызвало понятное возмущение у тех, кто не забыл, что представлял собой Гесс и за какие преступления он был осужден.

Нельзя забывать нюрнбергское возмездие, нельзя освобождать преступника Гесса. Те, кто хочет сделать это, намерены покрыть и предать забвению злодеяния империализма. Их не так уже интересует сам Гесс, им нужна реабилитация прошлого.

Иоахим Риббентроп. В 1920 году женился на Анне Генкель — дочери германского коньячного короля, стал собственником двух фирм по экспорту и импорту шампанского и коньяка, сблизился с промышленными и финансовы-

ми кругами Англии и Франции. Официально вступил в фашистскую партию в 1932 году, но задолго до этого активно содействовал захвату гитлеровцами власти.

Меня интересовало, какую характеристику дадут Риббентропу английские обвинители, и я внимательно прочитал стенограмму выступления Максуэлла Файфа. Риббентроп, сказал обвинитель, играл важную, если только не решающую роль в организации совещаний между представителями президента (Гинденбурга) и руководителями фашистской партии, которые помогли приходу нацистов к власти; он участвовал в политическом планировании и подготовке агрессивной войны, в совершении военных преступлений и преступлений против человечности. Обвинитель представил документы, свидетельствовавшие о деятельном участии Риббентропа в захвате Австрии.

Вся карьера Риббентропа находилась в неразрывной связи с деятельностью заговорщиков против мира. Вначале в качестве неофициального представителя Гитлера, затем как дипломат Риббентроп курсирует между Берлином, Парижем и Лондоном, плетет коварные сети заговора, устанавливает связи с англо-французскими реакционными кругами, внедряет в Англии и Франции «пятую колонну». При его активном участии была подготовлена германо-итальянская интервенция в Испании, которая являлась первой крупной вылазкой фашистских агрессоров в Европе. Риббентроп был одним из вдохновителей образования агрессивного союза Берлин — Рим — Токио.

Для Иоахима Риббентропа как дипломата характерен такой случай: вручая в качестве посла рейха свои верительные грамоты английскому королю, он вытянулся по стойке смирно, выбросил вперед руку в фашистском приветствии и прокричал: «Хайль Гитлер». Произошло замешательство. Англичане справедливо расценили этот эпизод как оскорбление главы государства. И вообще, бестактности и нелепые высказывания Риббентропа во время его пребывания в Лондоне настолько шокировали англичан, что те прозвали его «брикендроп» (то есть постоянно попадающий впросак). Но не так уж прост был этот «брикендроп». Не случайно, очевидно, когда началось осуществление захватнических планов Гитлера, Риббентроп назначается руководителем внешней политики — министром иностранных дел «третьего рейха». Его деятельность на этом посту сопровождается гнусным коварством и провокациями, направленными на то, чтобы замаскировать разбойничьи захваты чужих территорий. Даже среди гит-

леровских заправил Риббентроп выделялся своим вероломством и цинизмом. Когда намечалась очередная жертва гитлеровской агрессии и необходимо было усыпить ее бдительность, на сцену неизменно выступал Риббентроп со своим излюбленным методом обманных «гарантий» и «торжественных обещаний», служившими дымовой завесой, под прикрытием которой шли приготовления гитлеровской военной машины. Кроме того, как уже говорилось, Риббентроп являлся организатором гитлеровского шпионажа за границей. В частности, он заключил с Гиммлером соглашение о совместной шпионско-диверсионной деятельности в государствах, с которыми Германия поддерживала дипломатические отношения. На процессе фигурировало адресованное Риббентропу письмо Кальтенбруннера об отпуске, согласно договоренности между ними, одного миллиона туманов для подкупа некоторых депутатов иранского парламента.

Обергруппенфюрер СС Риббентроп, так же как и многие другие главари «третьего рейха», не упускал возможностей прикарманить культурные ценности, награбленные на оккупированных территориях. Выступая на процессе, я представил документальные доказательства о создании Риббентропом батальона особого назначения, в частности, показания взятого в плен в районе Моздока оберштурмфюрера СС Фэрстера, служившего в «батальоне Риббентропа». Следуя за передовыми частями гитлеровской армии, этот «батальон» после захвата крупных городов грабил все наиболее ценное. Так, подверглись разбою дворцы в пригородах Ленинграда, Харьковская картинная галерея, библиотека Украинской Академии наук.

Трибунал признал Риббентропа виновным по всем четырем разделам обвинительного акта и приговорил его к смертной казни через повешение. Приговор приведен в исполнение.

Роберт Лей. В 1925 году он был гаулейтером Кёльна, затем стал рейхслейтером и ведал вопросами кадров нацистской партии. Этот приспешник Гитлера «прославился» дикими оргиями, необузданной жестокостью и воровскими проделками. Люди, близко знавшие Лея, уверяли, что только в Нюрнбергской тюрьме они увидели его трезвым. Лей активно участвовал в захвате гитлеровцами власти, а затем, возглавив так называемый «Немецкий трудовой фронт» (ДАФ), руководил разгромом профессиональных союзов (захватив при этом и передав Гитлеру средства рабочего банка), расправой над их лидерами и подавлением

рабочего движения. Он так раскрыл суть «воспитательной работы» при нацистах: «Мы начинаем с детей еще в трехлетнем возрасте. Как только ребенок начинает что-либо смыслить, он получает в руки флажок, затем следуют школа, организация «гитлерюгенд», штурмовой отряд, воинская повинность. А когда все это уже позади — на очереди «трудовой фронт». Он втягивает людей и не выпускает их из рук до самой могилы, хотят они того или нет!»

С 1933 года до капитуляции гитлеровской Германии Лей принимал активное участие во всех преступлениях фашистских заговорщиков против мира и человечности. Он являлся одним из руководителей штурмовых отрядов (СА), в период второй мировой войны возглавлял центральную инспекцию по наблюдению за иностранными рабочими, насильно угнанными на каторжный труд в Германию, безжалостно истязал миллионы людей.

Когда явно обнаружился близкий крах нацистского режима, Лей бежал в Баварские Альпы. Там, в горах, изменив фамилию, выжидал. Но Лею не повезло: его с помощью местных жителей обнаружили и препроводили в Нюрнбергскую тюрьму. Как уже упоминалось, получив копию обвинительного акта, Лей покончил жизнь самоубийством. Как это произошло?

В сообщении отдела внутренней безопасности американской охраны тюрьмы сообщалось: капрал охраны, зайдя в камеру, обнаружил Лея, повесившегося на канализационной трубе на тюремном полотенце.

Анализ данных, связанных с самоубийством Лея, привел меня к убеждению, что его заставили покончить с собой: он был пьяницей, хроническим алкоголиком и на процессе мог наговорить лишнего. Узнав о смерти Лея, Геринг сказал: «Хорошо, что он мертв. У меня были серьезные сомнения насчет того, как бы он повел себя на процессе... Я уверен, что он устроил бы спектакль. А, впрочем, я не удивляюсь, что он мертв. Все равно ведь он мертвецки пил».

Вильгельм Кейтель. Он занимал ведущее положение в нацистской военной машине на протяжении многих лет. В 1935 году — начальник штаба при Бломберге, когда тот был военным министром. Том самом Бломберге, который в своей статье, опубликованной в 1934 году в «Фелькишер беобахтер», писал: «Рейхсвер принимает национал-социализм безоговорочно. Армия, сохраняя железную дисциплину и исполненная сознанием своего долга, пойдет за

рейхспрезидентом Гинденбургом и фюрером рейха Адольфом Гитлером, который некогда сам вышел из ее рядов и которого мы всегда будем считать своим человеком». Когда Гитлер принял на себя командование вооруженными силами, он взял к себе Кейтеля в качестве главного советника и исполнителя всех агрессивных планов германского империализма. С 1938 года и до капитуляции «третьего рейха» возглавлял верховное командование вооруженными силами. Оно являлось, по существу, военным штабом Гитлера.

Лживость, коварство и безмерная жестокость, вообще свойственные фашистскому режиму, характеризуют деятельность Кейтеля на протяжении всей его служебной карьеры. Он буквально пресмыкался перед фюрером, всячески ему угождал. Ни одна агрессивная акция германского фашизма не обходилась без деятельного участия в ней Кейтеля. Все разбойничьи нападения на другие государства, начиная с плана «Отто» (захват Австрии) и кончая планом «Барбаросса», разрабатывались под непосредственным руководством Вильгельма Кейтеля. Он же активно участвовал в разработке и реализации человеконенавистнических планов гитлеровцев, направленных на массовое уничтожение военнопленных и мирного населения на захваченных территориях, на расхищение и разграбление достояния оккупированных стран.

Кейтелю на процессе задали вопрос:

— Вы проводили преступные приказы, которые нарушали основные принципы чести профессионального солдата?

Кейтель ответил:

— Когда приказ был дан, я действовал по моему пониманию, согласно долгу службы, не смущаясь возможными последствиями, которые я не всегда представлял.

«Не представлял»? Когда Кейтель давал указания о расстреле комиссаров, военнослужащих — членов коммунистической партии, когда он подписывал приказ, в котором говорилось: «Следует исходить из того, что смертный приговор 50 или 100 коммунистам должен быть достойной платой за жизнь одного германского солдата...», когда он предписывал: «Войска поэтому имеют право и обязаны применять в этой борьбе любые средства без ограничения также против женщин и детей»,— он, вне сомнений, сознавал последствия и явную преступность этих и им подобных указаний, приказов и предписаний. Имея офицерский чин с 1902 года, Кейтель не мог не знать хотя

бы о ст. 47 германского уголовного кодекса, которая устанавливала ответственность военнослужащего, выполнявшего преступный приказ начальника. Кейтель, равно как все генералы и офицеры вермахта, знал и эту норму, и сходные статьи международного права, а на суде попросту изворачивался, боясь наказания.

Кейтеля на процессе допрашивал Р. А. Руденко. Обвинитель спрашивает Кейтеля: «Распоряжение о применении военной подсудности в районе «Барбаросса» и об особых мероприятиях войск», датированное 13 мая 1941 года, вы подписали?» Кейтель долго виляет. Наконец отвечает: «Да. Я никогда не оспаривал этого». Тогда обвинитель серией вопросов раскрывает страшные последствия этого распоряжения, предусматривавшего самые варварские способы расправы с советским гражданским населением. Он предъявляет и цитирует приказы Кейтеля, исполнение которых привело к мученической смерти миллионы людей, в том числе женщин и детей. Кейтель пытается дать свою интерпретацию этим приказам, но в конце концов признает свою ответственность.

Список преступлений Кейтеля весьма внушителен. Так, в сентябре 1941 года он издал директиву о массовом уничтожении военнопленных. Исполнение этой директивы смущает даже начальника абвера Фридриха Вильгельма Канариса, который пишет в докладной записке Кейтелю о произволе в лагерях, голоде, массовых расстрелах советских военнопленных. Он указывает, что такое обращение не только преступно с точки зрения международного права (еще одно доказательство того, что Кейтель «представлял последствия» преступных приказов), но оно — для Канариса это главное! — усиливает сопротивляемость советских воинов, предпочитавших плену смерть в бою. На записке резолюция Кейтеля: «Возражения возникают из идеи о рыцарском ведении войны. Это означает разрушение идеологии. Поэтому я одобряю и поддерживаю эти меры».

Руденко обращается к подсудимому:

— Я спрашиваю вас в связи с этой резолюцией, вы, подсудимый Кейтель, именуемый фельдмаршалом, неоднократно здесь, перед трибуналом, именовавший себя солдатом, вы своей кровавой резолюцией в сентябре 1941 года подтвердили и санкционировали убийства тысяч безоружных солдат, попавших к вам в плен. Это правильно?

Кейтель долго молчит, а затем вынужден был признать и этот факт. «Никакие изощренные доводы защиты,—

подвел итог Р. А. Руденко в обвинительной речи,— не смогут снять с Кейтеля ответственность за кровь и бесчисленные человеческие жизни, оборванные рукой фашистской военщины во исполнение приказов и директив, подписанных рукой подсудимого Кейтеля».

Во время допроса бывшего фельдмаршала я сидел рядом с заместителем Главного обвинителя от СССР Ю. В. Покровским. И мы почти воочию наблюдали, как с Кейтеля постепенно ниспадали воображаемые рыцарские доспехи. Перед нами представал не воин, а обыкновенный нацистский палач. Его директивы занимали одно из первых мест среди страшных документов о бесчеловечности фашистской военщины, ее низости и безгранично подлом попрании понятий о правилах и обычаях ведения войны.

В приговоре в отношении Кейтеля сказано: «Смягчающих вину обстоятельств нет. Приказы сверху даже для солдата не могут рассматриваться как смягчающее вину обстоятельство там, где сознательно, безжалостно, без всякой военной необходимости или цели совершались столь потрясающие и широко распространенные преступления».

Кейтель приговорен трибуналом к смертной казни через повешение. Приговор приведен в исполнение.

Эрнст Кальтенбруннер. Вступив в австрийскую фашистскую партию в 1932 году, он принимал активное участие в захвате Австрии гитлеровцами. Это под его командой 500 австрийских головорезов-эсэсовцев в ночь на 11 марта 1938 года окружили государственную канцелярию и совершили фашистский переворот. Благодаря палаческой деятельности в Австрии в качестве высшего руководителя СС и полиции Кальтенбруннер стал ближайшим подручным Гиммлера — обергруппенфюрером СС. Именно его Гиммлер избрал преемником казненного чешскими патриотами Гейдриха. Кровавый путь привел Кальтенбруннера на пост начальника полиции безопасности и СД и главы РСХА. Ему непосредственно подчинялись гестапо, фашистская внешняя и внутренняя разведка.

Сотни тысяч ни в чем не повинных людей были брошены Кальтенбруннером в концентрационные лагеря и преданы мучительной смерти. Им направлялись на оккупированных территориях действия «эйнзатцгрупп», «зондеркоманд» и других палаческих организаций германского фашизма, под его непосредственным руководством создавались чу-

довищные средства массового истребления людей — газовые камеры, душегубки, фабрики смерти. По распоряжениям Кальтенбруннера гитлеровцы погребали людей заживо, травили собаками, сжигали, калечили, ослепляли и оскопляли, раздевали на морозе догола и обливали холодной водой, пока те не превращались в ледяные глыбы, давили гусеницами танков, детей ставили как мишени и упражнялись в стрельбе. Сам обер-палач в Маутхаузене и других концентрационных лагерях развлекался зрелищем убийства сотен заключенных, которых в его присутствии вешали, расстреливали, отравляли газом, заставляли прыгать в пропасть.

Кальтенбруннера допрашивал Л. Н. Смирнов. Подсудимый всячески уклонялся от ответов на вопросы и только под давлением неопровержимых улик вынужден был признавать свою виновность. Та же картина наблюдалась и во время заседаний трибунала.

В конце войны, отмечается в приговоре трибунала, Кальтенбруннер принимал участие в подготовке к эвакуации заключенных концентрационных лагерей и к уничтожению значительного числа этих заключенных, с тем чтобы предотвратить освобождение их союзными армиями.

Вот лишь одна иллюстрация к сказанному в приговоре. По указанию Кальтенбруннера были выведены в открытое море и потоплены два больших судна с заключенными из концлагеря Нейенгамме. Как показал на суде второй лагерный начальник Заксенхаузена Август Хён, 45 тысячам узников этого лагеря была уготована та же участь. И только быстрое продвижение Красной Армии помешало осуществить этот злодейский замысел.

Палач Кальтенбруннер выполнял наиболее зловещую и чудовищную функцию в общем преступном заговоре гитлеровской клики. Он был приговорен трибуналом к смертной казни через повешение. Приговор приведен в исполнение.

Альфред Розенберг. Он — из прибалтийских немцев. Оказавшись в 1918 году в Германии, сблизился с Гитлером и вскоре стал играть видную роль в фашистской партии. Принимал участие в мюнхенском «пивном путче».

Розенберг оказался весьма подходящим человеком для германской и международной реакции, пытавшейся организовать «крестовый поход» против Советской России. Именно он был в числе тех первых мракобесов, которые начали проповедовать концепцию «антибольшевистской Европы».

С 1921 года Розенберг руководил осуществлением «внешнеполитической программы» нацистской партии, которая заключалась в войнах, истреблении целых рас и народов ради установления господства германского империализма. Он создал и затем возглавил внешнеполитический отдел НСДАП, ведавший широко разветвленной сетью фашистской агентуры за границей.

Перед арестом в связи с «пивным путчем» Гитлер назначил Розенберга своим заместителем, хотя тот не пользовался популярностью среди нацистов: его считали «чернильной душой», «бумажной крысой». Но он был той фигурой, конкуренции со стороны которой Гитлер нисколько не опасался.

Розенберг был заместителем фюрера по вопросам идеологии, образования и воспитания нацистской партии. На протяжении четверти века ядом своих сочинений, сущность которых сводилась к проповеди превосходства «арийской расы» над всеми остальными, причислявшимися к «низшим расам», отравлял сознание миллионов немцев, морально растлил многих, «идейно» подготовил неслыханные в истории чудовищные преступления, «обосновав» сумасбродные планы завоевания германским фашизмом мирового господства.

Еще весной 1941 года Розенберг подготовил план раздела Советского Союза на рейхскомиссариаты, в числе которых фигурировали Белоруссия, Прибалтика, Украина, Кавказ, Ленинград и Москва. Рейхскомиссаром Москвы, например, он рекомендовал Эриха Коха, чинившего впоследствии невиданные зверства на Украине.

В июле 1941 года Гитлер назначил Розенберга на пост рейхсминистра по делам оккупированных восточных территорий с целью закрепления порабощения народов Советского Союза, уничтожения их культуры, низведения советских людей до положения рабов. Все чудовищные преступления гитлеровцев на временно оккупированных территориях Советского Союза совершались при непосредственном участии Альфреда Розенберга.

В ноябре 1942 года Розенберг выступил на заседании германского «трудового фронта». Сейчас, говорил он, Германия господствует почти над всей Европой... Наши руководители сельского хозяйства и гебитскомиссары на Востоке должны принимать быстрые решения и скоро будут действовать в новой обстановке. Некоторые наши мелкие крестьяне уже введены в этот «новый порядок» и чувствуют себя как маленькие господа и маленькие

короли. И это правильно. Гебитскомиссары и коменданты в необозримых восточных областях должны проявлять твердость, занимать позиции, которые не будут считаться с жизнями тысяч людей и их интересами... произвол и тирания будут чрезвычайно подходящей формой управления.

Эту свою установку Розенберг конкретизировал в целом ряде документов. Так, его виза стоит на приказе от 14 июня 1944 года относительно «акции Сено», которая заключалась в захвате на временно оккупированной территории СССР 40—50 тысяч подростков в возрасте 10—14 лет и отправке их в рейх для онемечения.

Осуществляя человеконенавистническую политику фашизма, Розенберг не упускал возможности поживиться за счет культурных ценностей оккупированных стран Европы. В 1940 году им был создан «Эйнзатцштаб Розенберга», который грабил музеи, библиотеки, театры, школы и коллекции частных лиц во Франции, Польше, Чехословакии и других странах. Масштабы грабежа были громадны. К апрелю 1941 года, как сообщал сам Розенберг, в Германию уже было послано 7 тысяч ящиков с украденными произведениями искусства. Наиболее интенсивную деятельность этот «штаб» развил на временно оккупированных территориях Советского Союза, откуда вывозились эшелонами картины, статуи, уникальные книги и рукописи, памятники культуры. Немало ценностей «осело» и в поместьях Розенберга.

Более 25 лет Розенберг являлся активным участником всех чудовищных нацистских преступлений. Свой жизненный путь он закончил по приговору трибунала на виселице.

Ганс Франк. Официально он вступил в гитлеровскую партию в 1927 году, однако задолго до этого был связан с ней, являлся ее консультантом, участвовал в составлении партийной программы.

Франк, близкий Гитлеру человек, был выдвинут на пост рейхслейтера нацистской партии по правовым вопросам и возглавлял ее правовой отдел, в марте 1933 года его назначили баварским министром юстиции и президентом Академии германского права. Ганс Франк сделал все для того, чтобы облечь в некие правовые формы нацистский режим террора, чудовищного произвола и бесправия. Он пытался подвести «юридическую базу» под фашистскую программу преследования и уничтожения людей, обосновывал правомерность создания концентрационных лагерей.

Закон, суд, право этот «юрист» превратил в орудие фашистского террора.

Сам Франк так обрисовал в 1942 году свою деятельность в «третьем рейхе»:

— С 1920 года я постоянно посвящал свою работу национал-социалистской партии, участвовал в ноябрьских событиях 1923 года («пивной путч» в Мюнхене. — *Авт.*), за что получил «орден крови»... В 1926 году фюрер... сделал меня лидером национал-социалистской лиги юристов... Я объявляю себя сейчас и навсегда национал-социалистом и верным последователем фюрера Адольфа Гитлера, которому служу с 1919 года.

Именно Франку вверил Гитлер в 1939 году управление захваченной Польшей. Там генерал-губернатор осуществлял программу порабощения и уничтожения польского народа, которую он изложил так: «Польша должна рассматриваться как колония, поляки будут рабами великой германской мировой империи». И далее: «Бронированным кулаком надо вбить в головы строптивых поляков сознание того, что в настоящее время ими управляет раса господ». Несколько позднее, в январе 1940 года, он сообщил на совещании руководителей отделов так называемого генерал-губернаторства: «15 сентября 1939 г. я получил... чрезвычайный приказ беспощадно разорять эту область как территорию войны и как трофейную страну, сделать ее грудой развалин с точки зрения ее экономической, социальной, культурной и политической структуры».

«Чрезвычайный приказ», о котором упомянул Франк, был получен от фюрера и соответствовал плану управления Польшей, утвержденному на совещании между Гитлером и Кейтелем 20 октября 1939 года. В совершенно секретном документе об этом совещании говорилось: «Задачей администрации не является стремление сделать из Польши образцовую провинцию, создать там прочную и экономическую базу; польская интеллигенция не должна быть допущена к тому, чтобы стать руководящей силой; жизненный уровень должен оставаться низким; мы хотим брать оттуда только рабочую силу; генерал-губернатор создает для польского народа жизненные условия, едва достаточные для его существования; любые тенденции, направленные на улучшение жизненного уровня, должны подавляться; жестокость и суровость должны быть основными принципами в этой расовой борьбе». А Ганс Франк был подходящим кандидатом для осуществления этой вар-

варской программы. В речи, обращенной к своим сообщникам, он поучал: «Поляк должен чувствовать, что мы не строим для него правового государства, что он должен только работать, а мы должны следить за тем, чтобы все меры безжалостно проводились. Вы можете абсолютно положиться на меня в этом вопросе». Поляки и украинцы должны быть рабами германской экономики до тех пор, пока того требовала война, считал Франк. А когда война будет выиграна, тогда можно будет «сделать фарш» из поляков, украинцев и всех прочих, до которых ему, Франку, нет никакого дела. Франк в своем дневнике писал, что уничтожение всех евреев было одной из его заветных целей.

Слова претворялись в дела. Массовое истребление людей, систематическое и планомерное уничтожение польской интеллигенции, превращение страны в сплошной концентрационный лагерь, в «интеллектуальную пустыню», чудовищное разграбление национальных богатств, голод, нищета — таков страшный итог пятилетнего владычества Франка в оккупированной Польше.

Отвечая на вопрос советского обвинителя Л. Н. Смирнова, Франк заявил, что о Майданеке, где по заключению польско-советской комиссии нацисты уничтожили около полутора миллионов человек, он якобы узнал только в 1944 году. Тогда обвинитель зачитал выдержку из рапорта подсудимого Гитлеру от 7 июня 1943 года, в которой говорилось, что «имеются концентрационные лагеря в Освенциме и Майданеке, где массовое убийство поляков производилось по конвейеру».

Франку ничего не оставалось как подтвердить, что он знал о Майданеке, а также и об Освенциме, где фашисты истребили свыше 4 миллионов человек. Но тут же придумал новую версию: он, дескать, протестовал против действий «гиммлеровских гиен» и обращался по этому вопросу к фюреру.

Франк всячески пытался отгораживаться и от Катыни, однако международному трибуналу были представлены бесспорные доказательства преступления нацистов в Катынском лесу (вблизи Смоленска), где осенью 1941 года гитлеровские оккупационные власти произвели массовые расстрелы польских военнопленных.

Среди доказательств нацистских злодеяний в Польше на процессе фигурировал доклад генерал-майора Штумпфа об уничтожении еврейского гетто в Варшаве. Доклад представлял толстую книгу, переплетенную в свиную кожу с

золотой каймой. Франк очень нервничал, когда обвинитель стал цитировать выдержки из нее, так как и он отвечал за это злодейство. Сидевший рядом с Борисом Полевым норвежский журналист сказал по поводу доклада Штумпфа: «Если бы кровь несчастных, о гибели которых говорится в нем, вдруг выступила из земли, образовалось бы озеро, и утонули бы в нем не только выродки, сидящие вон на тех скамьях, но и сотни других виновников этого сатанинского дела».

В моей памяти навсегда останется допрос первого коменданта Освенцима Рудольфа Франца Фердинанда Гесса, оберштурмбанфюрера (подполковника) СС. Недаром день появления в зале суда Гесса подсудимые между собой назвали «самым черным днем процесса» — им было о чем тревожиться. Но особые основания считать его «черным» имели Альфред Розенберг и Ганс Франк. Первый жаловался своим коллегам:

— Обвинители подстроили мне грязный трюк, допросив Гесса как раз перед тем, как начать мой допрос. Это поставит меня в очень трудное положение...

Но в действительности Гесс был вызван по просьбе адвоката Кальтенбруннера Курта Кауфмана. Это был определенный ход в борьбе за жизнь подзащитного. Кауфман пошел даже на явное нарушение судебной процедуры, обратившись к Гессу после того, как тот принял присягу, с такого рода предупреждением:

— Свидетель, ваши показания будут иметь большое значение. Вы, вероятно, единственный человек, который может пролить свет на еще неизвестные факты и показать, кто давал приказы об уничтожении евреев, проживающих в Европе, какие это приказы и в какой степени их выполнение было секретным.

Смысл последовавших затем многочисленных вопросов не оставлял никаких сомнений в том, чего ждали адвокат и некоторые подсудимые от этого свидетеля. Гесс должен был подтвердить, что инициатива уничтожения миллионов людей принадлежала Гитлеру; организатором этого уничтожения был Гиммлер; он, Гесс,— лишь исполнитель приказов Гиммлера; счет уничтоженным вел Эйхман; все было страшно засекречено, так что никто ничего не знал о том, что творилось в Освенциме: даже своему непосредственному начальнику — инспектору концентрационных лагерей группенфюреру СС Глюксу он, Гесс, не имел права рассказывать о полученном от Гиммлера задании.

Словом, это был так сказать «целевой» допрос, причем формулировка вопроса заранее предопределяла ответ на него. Вот как это происходило:

Кауфман. Вы с 1940 по 1943 год были комендантом лагеря Освенцим?

Гесс. Так точно.

Кауфман. За этот период времени сотни тысяч людей были там уничтожены. Это правда?

Гесс. Так точно.

Кауфман. Верно ли, что только один человек, фамилия которого Эйхман, вел такие записи, человек, которому была поручена организация этого дела и сбор людей?

Гесс. Так точно.

Кауфман. Правильно ли, что Эйхман заявил вам, что в общем в Освенциме уничтожено более двух миллионов евреев?

Гесс. Так точно.

Кауфман. Через какие промежутки времени прибывали железнодорожные эшелоны и сколько примерно людей находилось каждый раз в эшелоне?

Гесс. До 1944 года соответствующие кампании проводились в разных странах... В течение примерно четырех — шести недель ежедневно прибывало два-три эшелона с примерно двумя тысячами человек каждый.

Кауфман. Правильно ли, что по прибытии в лагерь жертвы должны были снять с себя всю одежду и сдавать ценные вещи?

Гесс. Да.

Кауфман. И затем их сразу отправляли туда, где их ждала смерть?

Гесс. Да.

Кауфман. Смерть наступала через 10—15 минут, как вы мне об этом уже говорили. Не так ли?

Гесс. Да, так точно.

И так все время, пока обвинитель не приступил к перекрестному допросу. И тут выяснилось, что Гесс вовсе не так прост, как это могло на первый взгляд показаться, что это не рядовой палач.

Гесс — член нацистской партии с 1922 года. К тому времени он уже имел довольно большой опыт, приобретенный в полувоенных бандах, организатором и неофициальным руководителем которых был генерал Людендорф. Именно в его поместье Гесс познакомился с Борманом, Гиммлером и Гитлером. В 1924 году Гесс был осужден на

десять лет за убийство, но в 1929 году при содействии «друзей» его освободили. В 1934 году Гесс стал инструктором концлагеря Дахау, затем пошел на повышение и к 1938 году стал начальником концлагеря Заксенхаузен. В 1940 году он уже комендант Освенцима и его многочисленных филиалов.

В Нюрнберге на вопросы обвинителя Гесс отвечал с хладнокровием, вызывавшим у многих нервную дрожь.

— Я думаю,— спокойно сообщал Гесс,— что по крайней мере 2 миллиона 500 тысяч жертв было там истреблено путем отравления в газовых камерах и сожжения и по крайней мере еще 500 тысяч человек погибло от голода и болезней. Таким образом, общая цифра погибших достигает приблизительно трех миллионов, то есть 70 или 80 процентов всех лиц, посланных в Освенцим в качестве заключенных. Остальные заключенные попали в число отобранных для использования на принудительных работах на промышленных предприятиях, которые имелись при концентрационных лагерях...

И далее:

— Массовое истребление путем отравления газом началось летом 1941 года и продолжалось до осени 1944 года. Все массовые казни путем удушения в газовых камерах проводились по непосредственному распоряжению, под наблюдением и ответственностью главного имперского управления безопасности... В генерал-губернаторстве существовали три лагеря уничтожения: Бельзен, Треблинка и Вольцек...

Три миллиона жертв! Из Нидерландов и Франции, Бельгии и Польши, Чехословакии и Греции и многих других стран, с временно оккупированных территорий Советского Союза.

— Среди казненных и сожженных лиц,— продолжал он,— было приблизительно 20 тысяч русских военнопленных, которые были изъяты гестапо из лагерей для военнопленных. Эти военнопленные были доставлены в Освенцим в армейских эшелонах офицерами и солдатами регулярной германской армии.

Вот о чем под присягой свидетельствовал Гесс. Приглушенный стон пронесся в зале после его признаний.

Гесс наглядно показал «расовую теорию» в действии. То была итоговая характеристика всего нацистского режима и каждого из главарей этого режима, посаженного волей народов на скамью подсудимых. В один страшный клубок сплелись злодеяния офицеров нацистского вермахта и

гестапо, палачей Освенцима и генштабистов гитлеровской армии.

А промышленные предприятия, расположенные вокруг Освенцима! Заключенных, направленных туда на работу, ожидала «смерть в рассрочку», их изматывали непосильным трудом, а затем отправляли в газовые камеры, а то и живьем сжигали на колоссальных кострах. Только в Освенциме III, или Буна, на предприятиях «ИГ Фарбениндустри», вырабатывавших искусственный каучук и бензин, погибло около 500 тысяч заключенных.

...Трудно было без содрогания слышать об «усовершенствованиях», которые Гесс, по его показаниям, ввел в Освенциме. Он говорил:

— Я поехал в лагерь Треблинка, чтобы ознакомиться с тем, как там проводились истребления. Начальник лагеря сказал мне, что он ликвидировал 80 тысяч человек в течение полугодия... Он применял газ «моноксид», но считал, что этот метод не очень эффективен. Поэтому, когда я устроил в Освенциме помещение для уничтожения, я применил «циклон Б» — кристаллизованную синильную кислоту... Другим усовершенствованием, по сравнению с лагерем Треблинка, было то, что мы построили нашу газовую камеру так, что она могла вместить 2 тысячи человек одновременно... Пригодных к работе направляли в лагерь, остальных же немедленно посылали на фабрики истребления. Маленьких детей истребляли всех, так как они не могли работать. Очень часто женщины пытались спрятать своих детей под одеждой, но, конечно, когда мы обнаруживали их, мы отправляли их в камеры уничтожения. Нам было приказано проводить все это истребление тайно, но ужасающий тошнотворный смрад от постоянного сжигания трупов заполнял всю территорию, и все население, проживающее в окрестностях, знало, что в Освенциме проводилось истребление людей...

Как показал Гесс, истребительная акция должна была охватить в Европе 12 миллионов человек.

После краха гитлеровского рейха Рудольф Гесс скрывался под именем Ланг, но был арестован и судим в Варшаве. Он был одним из немногих нацистов, не отрицавших своей виновности и полностью признавшихся во всех преступлениях, объяснив их... своим безграничным послушанием.

Верховный национальный трибунал ПНР признал Гесса виновным в смерти 300 тысяч заключенных, поставленных на лагерный учет, свыше 2,5 миллиона доставленных

в Освенцим из разных стран Европы для немедленного уничтожения и не внесенных в лагерные списки, а также около 12 тысяч советских военнопленных. По приговору трибунала Гесс повешен на территории Освенцима. Что касается Франка, то он по приговору Международного военного трибунала повешен в Нюрнбергской тюрьме.

Вильгельм Фрик. Он вступил в фашистскую партию в 1922 году, активно участвовал в противозаконном мюнхенском путче, хотя работал в местной полиции. Как сказал о нем американский обвинитель Роберт Кемпнер, которому в свое время пришлось бежать от гнева Гитлера в США, Фрик сделал большой вклад в нацистский заговор и подчинял всю свою деятельность интересам агрессивной войны.

Фрик принадлежал к верхушке нацистской партии. Это он, будучи лидером фракции НСДАП в рейхстаге и министром внутренних дел Тюрингии, грозил весной 1931 года с парламентской трибуны своим противникам, что с приходом к власти Гитлера «головы полетят с плеч». Это он вместе с Клагессом, брауншвейгским министром, путем различных махинаций устроил прием Гитлера в германское гражданство, и тот щедро отблагодарил своего сообщника. В гитлеровском правительстве Фрик занимал пост имперского министра внутренних дел в течение 10 лет, а затем был назначен протектором (наместником Гитлера) Богемии и Моравии.

Фрику было поручено уничтожить в Германии все демократические элементы, ликвидировать всякую оппозицию, заниматься подготовкой тыла к войне. В течение ряда лет в его подчинении находилось гестапо.

На следующий день после поджога рейхстага Фрик подписал декрет об отмене конституционных гарантий, в котором ответственность за пожар возлагалась на коммунистов. Хочу в связи с этим сослаться на мнение американского обвинителя, который на процессе заявил, что этот декрет был издан без всякого расследования и поэтому ссылка на коммунистов была просто выдумкой.

Фрик не только отменил все гражданские права в Германии, но и создал широкую полицейскую систему в нацистской империи. Кроме того, он являлся членом имперского совета обороны и генеральным уполномоченным по вопросам администрации. Как генеральному уполномоченному ему были подчинены министерства юстиции, просвещения, вероисповеданий и управление по территориальному планированию. Фрик являлся одним из инициаторов

издания Нюрнбергских расовых законов, принимал самое активное участие в осуществлении изуверской программы «Эвтаназия», жертвой которой явились сотни тысяч больных, престарелых и других «лишних ртов».

Когда народы Чехословакии усилили сопротивление оккупантам, Гитлер именно Фрика направил туда в качестве имперского протектора, где он установил режим жесточайшего террора, топил в крови малейшие проявления недовольства «новым порядком».

Когда пришлось держать ответ перед Международным военным трибуналом, Фрик трусил больше всех других заправил рейха, панически боялся перекрестного допроса обвинителей. Защитники придумали такой ход: адвокат Отто Панненбекер отказывается от допроса подсудимого, и тогда обвинители лишаются права его допрашивать. Так и поступили на одном из заседаний: адвокат отказался от допроса Фрика «и других свидетелей» за исключением Гизевиуса.

Ганс Бернд Гизевиус, один из старейших сотрудников гестапо, был одновременно приближенным Фрика и агентом Шеленберга, а заодно работал двойником, то есть и немецким и американским шпионом. Его допрос адвокатом Панненбекером преследовал одну цель — смягчить ответственность Фрика. Но американцы — это стало ясно только потом — хотели большего, а именно представить Гизевиуса борцом против Гитлера, изобразить отъявленных нацистов адмирала Канариса и генерала Остера героями «движения сопротивления». Эту же цель преследовал и вызов в суд заместителя Канариса генерала Лахузена.

Показания Гизевиуса интересны, так как касаются поджога рейхстага, «путча Рема», покушений на Гитлера, агрессии против Чехословакии и Польши, преступлений Кейтеля, «оппозиционных настроений» Шахта.

Внимательно наблюдая за тем, как Гизевиус давал отработанные его адвокатом показания, я заметил, что Джексон выражал недовольство тем, что Гизевиусу задавал вопросы и представитель советского обвинения Г. Н. Александров. Поведение американского обвинителя показалось мне весьма странным...

Что касается надежд Панненбекера, то Гизевиус полностью их оправдал. Он уверял, что гестапо было изъято из ведения министерства внутренних дел; что Фрик никакого участия в ликвидации «путча Рема» не принимал и даже не был осведомлен об убийстве генерала Шлейхера,

фон Бредова и др.; что Фрика готовились убить агенты Гиммлера и т. д.

Однако Фрик был настолько изобличен в тягчайших преступлениях, что ухищрения не помогли ему уйти от расплаты. Международный военный трибунал признал Фрика виновным в военных преступлениях, преступлениях против человечности и приговорил к смертной казни. Фрик повешен в Нюрнбергской тюрьме.

Юлиус Штрейхер. Один из создателей фашистской партии, активный участник мюнхенского путча, гаулейтер Франконии, организатор еврейских погромов в Нюрнберге, издатель ежедневного грязного листка «Дер штюрмер», идеолог антисемитизма, почетный генерал СА.

Преступная деятельность «антисемита № 1», как называл себя он сам, выходила далеко за пределы его вотчины — Франконии. Омерзительная «литературная» стряпня Штрейхера распространялась по всей Германии и оказывала растлевающее влияние на немецкую молодежь. Передовая статья в «Дер штюрмер», например, призывала в мае 1939 (!) года: «Нужно направить карательную экспедицию против евреев в Россию... Смертный приговор и казни. Евреи в России должны быть убиты. Их нужно вырвать с корнем». На таких призывах воспитывались кадры фашистских убийц, садистов, которыми комплектовались палачи Освенцима и Треблинки, Бабьего Яра и Майданека, Бухенвальда и Дахау.

В заключительной речи на процессе Руденко, подводя итог преступлениям Штрейхера, сказал: «Разжигание национальной и расовой розни, воспитание извращенной жестокости и призыв к убийствам были не только долголетней партийной обязанностью, но и доходной специальностью этого человека. Штрейхера можно считать подлинным «духовным отцом» тех, кто разрывал надвое детей в Треблинке... Штрейхер лгал всю свою жизнь. Он пытался лгать и здесь во время суда. Я не знаю, рассчитывал ли он обмануть кого-нибудь этой ложью или лгал по привычке и от страха. Но мне кажется, что самому подсудимому должно быть ясно: его последняя ложь уже никого не обманет и не принесет ему спасения».

Защитники подсудимого тоже понимали, что Штрейхер больше уж никого не обманет, и потому возбудили ходатайство о проведении экспертизы, дабы освободить преступника от наказания под предлогом невменяемости. Но попытка не удалась. Попробовали еще раз — результат тот же.

Трибунал приговорил Юлиуса Штрейхера к смертной казни через повешение. Приговор приведен в исполнение.

Вальтер Функ. В 1931—1932 годах он разработал «экономическую программу» нацистской партии, был личным советником Гитлера и Геринга по вопросам экономики. Имел обширные связи с капитанами германской промышленности, торговли и финансов. В опубликованной в фашистской Германии биографии Функа говорилось: «Не менее важное значение, чем работа по созданию экономической программы партии, имела его деятельность в качестве связного между фюрером и руководителями германской промышленности, торговли, внешней торговли и финансов. В связи с его прошлой деятельностью его личные связи с экономическими руководителями были широки и многообразны. Он мог теперь привлечь их на службу Гитлеру, убедить их и завоевать их поддержку для партии... Каждый успех, достигнутый в этом вопросе, означал моральное, политическое и экономическое усиление боевых сил партии...»

Функ проводил сбор денежных средств для Гитлера, в частности, перед выборами в марте 1933 года. Вместе с Шахтом и Герингом провел тогда совещание с монополистами и уговорил их оказать значительную финансовую поддержку фюреру: собрали 3 миллиона марок.

После захвата власти фашистами Функ был назначен руководителем прессы в имперском правительстве, а затем заместителем министра пропаганды. Он занимал руководящее положение в ряде нацистских организаций, контролировавших прессу, кино, издательства, учреждения культуры.

Функ являлся помощником Геббельса в организации пропагандистской машины. По показаниям бывшего президента имперской палаты печати Макса Аммана, Функ фактически был министром пропаганды и просвещения, ежедневно встречался с Гитлером. Он сыграл немалую роль в идеологической подготовке к агрессивным войнам.

Вальтер Функ был также ближайшим и деятельным соучастником Геринга по проведению еврейских погромов в Германии, являлся автором текстов ряда законов, предусматривавших жестокие репрессии против евреев, конфискацию их имущества.

Когда гитлеровские заговорщики приступили к реализации своих преступных планов, Функ был назначен

министром экономики и генеральным уполномоченным по военной экономике, а с января 1939 года — и президентом рейхсбанка. Он был членом имперского совета обороны и членом центрального управления по планированию. Функ стал центральной фигурой в подготовке планов финансирования захватнических войн германского фашизма.

В мае 1939 года Функ и его заместитель Ландфрид запроектировали финансирование и использование для войны всех экономических ресурсов Германии, Австрии и Чехословакии. Функ, естественно, хорошо был осведомлен о готовящемся нападении на Польшу, о других агрессивных планах рейха. 25 августа 1939 года он писал Гитлеру: «Переданная мне господином фельдмаршалом Герингом весть о том, что мой фюрер вчера вечером в основном одобрил подготовленные мною мероприятия по финансированию войны, по образованию цен, тарификации заработной платы и по проведению подписки на принудительные пожертвования, меня глубоко осчастливила».

Продолжая мероприятия своего предшественника Шахта, Функ поставил на службу агрессивным планам гитлеровцев всю экономику Германии, а впоследствии и экономику оккупированных стран Европы. Заправилы «третьего рейха» создавали акционерные общества и различные компании по эксплуатации природных богатств СССР, вывозе сырья, машин, товаров. Одна из таких компаний — «Континенталь ойл» рассчитывала прибрать к рукам нефтяные богатства Грозного и Баку. Ее президентом был Вальтер Функ.

В 1945 году американские военные власти обнаружили в подвалах рейхсбанка десятки огромных ящиков, заполненных золотыми зубными протезами, коронками, очковыми оправами, а также кольцами, серьгами, брошами, кулонами, другими драгоценностями, золотым и серебряным ломом. Произвели расследование. Оказалось, что Функ в 1942 году по договоренности с Гиммлером предоставил бронированные сейфы возглавляемого им рейхсбанка для хранения поступавших из нацистских лагерей уничтожения и тюрем драгоценностей, отобранных у миллионов замученных жертв гитлеровских палачей. На некоторых связках колец имелись ярлыки: Освенцим, Люблин. По этой же договоренности Функа с Гиммлером были открыты засекреченные счета (в частности, на вымышленное имя «Макс Хейлигер») на поступающие от

руководства СС золотые и серебряные монеты, слитки, иностранную валюту, награбленные в восточных и других оккупированных областях.

О сделках Функа с Гиммлером детально рассказал Освальд Поль — начальник административного управления СС, ведавший всеми гитлеровскими концентрационными лагерями. То же подтвердили вице-президент рейхсбанка Эмиль Пуль и ответственный чиновник рейхсбанка Альберт Томс.

Как заявил на допросе Томс, первая партия награбленного поступила в главную кладовую рейхсбанка в августе 1942 года, всего же таких партий было 76—77. В них входило, в частности, около 12 килограммов жемчуга.

В мае 1946 года обвинители приступили к допросу Функа: начал заместитель Главного обвинителя от США Томас Додд, продолжил я. Обвиняемый от всего отнекивался. Додду он заявил, например, что ничего общего с СС не имел. Между тем было известно: одним заместителем Функа был группенфюрер СС Хойлер, другим — Олендорф, занимавший важный пост в Главном имперском управлении безопасности, руководивший убийством 90 тысяч мирных жителей на юге оккупированной Украины.

Мне надо было начать с вопросов, на которые Функ не мог ответить незнанием.

— Вы говорили,— начал я,— что ваше министерство к моменту нападения на Советский Союз имело очень ограниченные функции и вы сами были, так сказать, неполноценным министром. В связи с этим хочу задать вам несколько вопросов о структуре министерства экономики. Скажите, вам известна книга Ганса Квекке под названием «Имперское министерство экономики»?

Функ забеспокоился: к чему клонит советский обвинитель, известны ли ему строго засекреченные подразделения его ведомства, выполнявшие «особые» задания? На всякий случай ответил: «Нет». Продолжаю ставить вопрос за вопросом, и Функ в конце концов подтверждает, что Ганс Квекке был советником министерства экономики и, конечно, знал структуру министерства и его функции.

— Вашим заместителем был Ландфрид, тот самый, показания которого представил ваш защитник, которому был подчинен особый отдел, ведавший основными вопросами снабжения сырьем и военной экономики?

Не сразу, но пришлось подтвердить и это.

Особое беспокойство начал проявлять Функ, когда я упомянул, что пятое главное управление министерства возглавлял статс-секретарь фон Ягвиц, что оно, это управление, занималось особыми экономическими задачами в различных странах и колониальными вопросами, а пятый отдел данного управления ведал военно-экономическими проблемами внешней торговли. Я перешел к функциям отдела девизов, к конфискации банковских вкладов. Функ на мои вопросы отвечал, надеясь, что я забуду о Ягвице. Напрасно надеялся.

— Вы имели отношение к взаимодействию вашего министерства с внешнеполитическим отделом НСДАП?

Функ пытается уйти от ответа: это, мол, частная инициатива Ягвица, который одновременно работал в заграничной организации, а министерство тут ни при чем. Зачитываю следующую выдержку из книги Квекке, достоверность которой подсудимый ранее подтвердил: «Пятое главное управление подчинено внешнеполитическому отделу имперского министерства экономики. Он (отдел) обеспечивает взаимодействие между министерством и заграничными организациями НСДАП». И Функу деваться некуда. Ягвиц и министерство Функа взаимодействовали с организатором «пятой колонны» за границей Эрнстом Боле, который на протяжении многих лет руководил диверсионной и шпионской деятельностью нацистов за пределами Германии. Они были в одной упряжке, но конкретные задачи у каждого были свои.

Функ заверял, что после начала войны он перестал быть полновластным уполномоченным по вопросам экономики. Тогда зачитываю его же статью под названием «Хозяйственная и финансовая мобилизация», опубликованную в центральном ежемесячнике НСДАП и ДАФ за 1939 год. «Назначенный фюрером генеральным уполномоченным по экономике,— писал Функ,— я считаю своей обязанностью позаботиться о том, чтобы во время военных действий обеспечить также боевую силу народа с экономической точки зрения. Использование экономики для больших политических целей фюрера требует не только твердого и единого руководства всеми экономическими и политическими мероприятиями, но тесной согласованности с соответствующими задачами партии, правительства и вооруженных сил... Мне, как генеральному уполномоченному по экономике, подчиняются соответственно высшие представители власти империи».

Функ что-то бормочет, а затем говорит: «Я это подтверждаю».

— Отвечая на вопросы господина Додда, вы, подсудимый Функ, говорили, что золотые запасы рейхсбанка пополнялись только золотом Бельгийского банка. А разве вы не знали, что из национального Чехословацкого банка было украдено 23 тысячи килограммов золота и перевезено в рейхсбанк?

Функ вынужден подтвердить этот факт.

При допросе Функа мне помогло то обстоятельство, что в двадцатые годы я учился не только на юридическом факультете Ленинградского университета, но и был в течение трех лет студентом Института народного хозяйства. Серией последовательных вопросов мне удалось выявить формы, приемы грабежа, применяемые в Югославии Герингом и Функом, министерством финансов и военным командованием. Вот некоторые из них: установление принудительного курса югославской валюты, ликвидация национального банка Югославии, применение расчетов по клирингу, когда товары, предназначенные на вывоз в Германию, оценивались произвольно по исключительно низким ценам, а ввозимые в Югославию оценивались в два — пять раз выше их нормальной стоимости. В результате различных валютно-экономических операций граждане Югославии были ограблены на многие миллиарды динаров. То же самое нацисты проделали в Греции, эти валютно-экономические махинации осуществлялись в оккупированных странах наряду с открытым грабежом, конфискациями, реквизициями и т. п.

— Вы признаете, что такой планомерный грабеж не мог быть осуществлен без вашего активного участия как министра экономики, президента рейхсбанка и генерального уполномоченного по вопросам экономики?

— Во время войны я не был уполномоченным по вопросам экономики.

— У меня последний вопрос. Вы помните статью, опубликованную в газете «Дас рейх» от 18 августа 1940 года в связи с вашим пятидесятилетием? Эта статья называлась «Вальтер Функ — пионер национал-социалистского мышления», я ее передаю трибуналу, а зачитаю сейчас только последний абзац: «Вальтер Функ остался верен себе потому, что он был, есть и будет национал-социалистом, борцом, посвящающим все свои труды победе идеалов фюрера». Каковы идеалы вашего фюрера, знает теперь весь мир. Вы признаете, подсудимый Функ, пра-

вильность оценки вашей личности и деятельности, которая дана в этой статье?

— В общем и целом — да.

— У меня нет больше вопросов.

Функ был приговорен трибуналом к пожизненному тюремному заключению, содержался в тюрьме Шпандау. «По болезни» и «старости» был освобожден в 1957 году и через некоторое время умер.

Ялмар Горацио Грили Шахт. Американские войска, заняв итальянский город Альба, близ австрийской границы, захватили там Шахта. На Нюрнбергском процессе он так изложил свою биографию.

— Семья моих родителей в течение столетий проживала в Шлезвиг-Гольштинии, принадлежавшей до 1864 года Дании. После того как Шлезвиг-Гольштиния перешла к Германии, мой отец эмигрировал в Америку, куда до этого отправились трое его братьев. Мои старшие братья родились за океаном. Я воспитывался в Гамбурге, учился в немецких университетах и в Париже. Тринадцать лет провел в Дрезденском банке, затем стал руководителем собственного банка. В 1923 году перешел на государственную службу в качестве имперского комиссара по валюте. Вскоре после этого стал президентом рейхсбанка.

Послужной список Шахта и привлек внимание Гитлера: фюрер знал его не только как ловкого финансиста, но и как человека, к которому внимательно прислушиваются в Дюссельдорфе — сердце Рура, на нью-йоркской Уолл-стрит и в лондонском Сити. По мысли Гитлера, Шахт должен был «ввести нацистов в салоны», добиться для них доверия и кредита. И он не ошибся. Сумма иностранной задолженности Германии к февралю 1933 года, по официальным немецким данным, составляла около 19 миллиардов марок, а вместе с иностранным капиталом, вложенным в германскую промышленность,— 23,3 миллиарда марок.

Шахт решил добиться не только прекращения уплаты этого огромного долга, но и получения новых займов. Он использует для этого свое положение члена правления банка международных расчетов и главное — антисоветские настроения западной финансовой олигархии.

В 1933 году Шахт выезжает в Соединенные Штаты. Там он встречается с президентом, министрами, с финансовыми воротилами Уолл-стрита. В результате США

предоставляют нацистской Германии новые займы. Через месяц Шахт — член германской делегации на международной экономической конференции в Лондоне, где встречается с президентом английского банка Монтегю Норманом. В результате подписывается соглашение, по которому Германия получает взаймы от Англии почти миллиард фунтов стерлингов. Одновременно Шахт, пользуясь благосклонностью западных банков, сначала сокращает, а потом и вовсе прекращает платежи по старым займам.

Шахт хорошо был осведомлен о захватнических планах нацистов и потому примкнул к Гитлеру, помогая ему создавать мощные вооруженные силы. Гитлеровцы готовились к большой войне, а это сулило монополиям огромные прибыли, и не случайно Шахт был организатором обращения промышленных концернов Германии к Гинденбургу с требованием о назначении Гитлера рейхсканцлером. Геббельс записал 21 ноября 1932 года в своем дневнике: «В беседе с доктором Шахтом я убедился, что он полностью отражает нашу точку зрения. Он один из немногих, кто полностью согласен с позицией фюрера».

Накануне выборов в рейхстаг в мае 1933 года Шахт провел совещание промышленников, на котором был создан специальный денежный фонд в 3 миллиона марок для фашистской партии. В письме Гитлеру он подчеркивал: «...независимо от того, куда бы меня ни забросила судьба в недалеком будущем, даже если однажды Вы узнаете, что меня заточили в крепость, Вы всегда можете рассчитывать на меня как на своего верного сторонника».

После прихода к власти Гитлер назначил Шахта президентом рейхсбанка, а через год — министром экономики. В мае 1935 года он стал генеральным уполномоченным по вопросам военной экономики. К тому времени еще больше возросло значение связей Шахта с западноевропейскими и американскими деловыми кругами, которые без ограничений кредитовали и поощряли агрессивные планы нацистов, их программу «похода на Восток».

Шахт, как мы видели, сыграл значительную роль в создании военной экономики и вооруженных сил гитлеровской Германии, щедро финансировал гитлеровскую партию и помог Гитлеру занять кресло рейхсканцлера. А в годы войны он разработал до мельчайших деталей систему эксплуатации германской экономики: использования промышленных предприятий, сырьевых ресурсов, рабочей

силы, вплоть до распределения 80 миллионов продовольственных карточек. Под его руководством осуществляются планы производства двухсот важнейших видов военных материалов, строительства многочисленных военных заводов.

Шахт устанавливает систему специальных лицензий, регулирующих импорт: валюта должна использоваться только для закупки стратегического сырья. Для покрытия расходов на финансирование гигантской программы вооружений усиливается эмиссия — выпуск бумажных денег, используются находящиеся в рейхсбанке вклады иностранцев. 3 мая 1935 года в секретном донесении Гитлеру Шахт писал, что быстрое осуществление программы вооружений «является основной проблемой немецкой политики, и потому все остальное должно быть подчинено только этой цели». Шахт считал: для этого все средства хороши. И потому без особых колебаний провел гигантскую аферу «МЕФО», при помощи которой на вооружение было выделено дополнительно сверх бюджетных ассигнований 12 миллиардов марок.

«МЕФО» — сокращенное название компании с ограниченной ответственностью «Металлургише Форшунгсгезельшафт». Эта компания фактически не располагала никакими капиталами, была попросту фиктивной организацией, но вела дела с многочисленными военными фирмами. Счета на вооружение она оплачивала долгосрочными векселями, которых было выдано на 12 миллиардов марок, «МЕФО-векселя» принимались к оплате всеми германскими банками, так как они гарантировались рейхсбанком. Такая масса ценных бумаг, находившихся в обращении, но не имевших реального покрытия, грозила финансовой катастрофой. Достаточно было частным банкам представить «МЕФО-векселя» к оплате, и рейхсбанк оказался бы банкротом. Срок уплаты государством векселей «МЕФО» истекал в 1942 году. К этому времени Шахт, хорошо осведомленный об агрессивных планах «третьего рейха», рассчитывал пополнить оскудевшую казну за счет ограбления других стран.

Шахта в Нюрнберге допрашивал Роберт Джексон. По поводу операций «МЕФО» между ними состоялся такой диалог:

Джексон. Когда вы создали систему векселей «МЕФО», у вас не было других средств для финансирования системы перевооружения?

Шахт. Нет, не было.

Джексон. Вы изобрели средство, в результате которого рейхсбанк путем изворотливых операций выплачивал правительству денежные суммы, что при нормальных и законных операциях не могло бы иметь места?

Шахт. Совершенно верно.

Джексон. В день вашего шестидесятилетия военный министр фон Бломберг заявил: «Без вашей помощи, мой дорогой господин Шахт, у нас не было бы вооружения». Говорил он так?

Шахт. Этого я никогда не оспаривал.

Когда Джексон очень напирал на Шахта и акцентировал внимание на его исключительной роли в перевооружении Германии в целях ведения агрессивных войн, подсудимый огрызался и чуть приоткрывал подлинную сущность политики западных держав в отношении гитлеровской Германии.

Шахт. Я должен сказать, что когда началось вооружение Германии, то другие страны не предприняли ничего против этого. Нарушение Версальского договора Германией было воспринято совершенно спокойно... В Германию были посланы военные миссии, чтобы наблюдать за процессом вооружения, посещались военные заводы Германии. Делалось все, но только не для того, чтобы воспрепятствовать вооружению.

Если бы Шахт захотел, он мог бы добавить к сказанному, что монополисты США, Англии, ряда других капиталистических стран и их ставленники в правительствах не только не препятствовали превращению Германии в опасный очаг новой мировой войны, но и всячески способствовали этому, стремясь использовать фашизм в своих классовых интересах [1]. Ведь Шахту лучше, чем кому-либо, было известно, что крупнейшие американские банки поддержали своими колоссальными денежными субсидиями германскую военную промышленность, помогли оснастить ее самой современной техникой, расширить ее экономическую базу для осуществления агрессивной политики. Монополии США различными путями помогали германскому империализму готовиться ко второй мировой войне. Как было установлено комиссией сената Соединенных Штатов, американские капиталовложения в германские предприятия, не считая

[1] По словам американского историка Р. Элстайна, в правящих кругах США и Англии открыто высказывалось мнение, что «Германия должна стать господствующей страной на европейском континенте» и что национал-социализм — «единственный оплот против коммунизма».

займов, достигали перед началом второй мировой войны миллиарда долларов. Такие мощные американские концерны, как «Стандарт ойл», «Дженерал моторс», «Дюпон» и другие, даже после начала второй мировой войны долгое время сохраняли коммерческие связи с химическим концерном «ИГ Фарбениндустри» вплоть до поставок ему важнейших военных материалов, в которых Соединенные Штаты отказывали даже Англии. Американские монополии содействовали производству в огромных количествах синтетического бензина и синтетического каучука, магния, берилия, алюминия и других стратегических материалов, без которых гитлеровская Германия не смогла бы подготовиться и вести войну.

Шахт об этом умолчал, но сказанного им было достаточно, чтобы Джексон поспешил перейти к другим вопросам.

Джексон. После аншлюса Австрии, когда была применена сила, вы ликвидировали Австрийский национальный банк в пользу Германии. Не так ли?

Шахт. Я все взял.

Джексон. 21 марта 1938 года вы собрали всех служащих банка и объявили им: «Я считаю совершенно невозможным, чтобы хотя бы одно-единственное лицо, которое не всем сердцем за Адольфа Гитлера, смогло бы в будущем сотрудничать с нами... Рейхсбанк никогда не будет ничем иным, как национал-социалистским учреждением». Это так и было?

Шахт. Да, так точно.

Джексон. Теперь мы переходим к Чехословакии. Я полагаю, что вы охарактеризовали метод присоединения Судетской области как неправильный и порицали его?

Шахт. Что-то не помню, когда я это сделал. Я сказал, что союзники в результате своей политики подарили Гитлеру Судетскую область.

Джексон. После того как Гитлер это (захват Чехословакии.— *Авт.)* сделал, вы явились и приняли на себя чешский банк. Вы производили расчистку в экономическом отношении захваченных Гитлером территорий. Не правда ли?

Шахт. Но простите, пожалуйста. Ведь он же не взял эту страну силой. Союзники просто подарили ему эту страну.

Джексон. Вы открыто не порвали с Гитлером и не ушли со своего поста министра без портфеля и после того, как началось германское наступление на Россию,

и до тех пор, пока германская армия не стала отступать. Из вашего письма от 30 ноября 1942 года явствует, что вы считали, что корабль (нацистский) тонет, то есть что война проиграна, не правда ли?

Шахт. Об этом свидетельствуют мои устные и письменные заявления.

И здесь американский обвинитель не стал «углублять» тему, хотя понять двойную игру Шахта было несложно. Он как опытный делец решил надежно застраховаться: с этой целью часто встречался с представителями западных держав, затевал с ними двусмысленные разговоры, намекал на свое несогласие с Гитлером, с его авантюристическими программами. Поэтому Р. А. Руденко в заключительной речи с полным основанием резюмировал:

— ...Шахт пытался в разные периоды своей деятельности подчеркнуть свои все будто бы обострявшиеся разногласия с гитлеровским режимом. На самом деле Шахт проводил двойную игру, предохраняя себя от ответственности за преступную политику зарвавшегося гитлеровского правительства заигрыванием с людьми, стремившимися к свержению гитлеровского режима, и в то же время сохраняя на всякий случай свою лояльность к этому режиму.

Да, действительно, Шахт, поняв раньше, чем другие пособники Гитлера, неизбежность краха нацистского режима, устанавливает связь с оппозиционными кругами, которые видели свою задачу в том, чтобы, убрав Гитлера, спасти капитализм в Германии, сохранить господство монополий. Однако, установив связь с «генеральским заговором», Шахт сумел так обставить дело, что в общем-то вышел сухим из воды.

Защитники нацистских преступников (и не только официальные) пытались на процессе представить Шахта в роли противника Гитлера, активного участника заговора против него. Однако такой крупный специалист гиммлеровской службы безопасности, как группенфюрер СС Отто Олендорф, на допросе заявил: «Шахт был под подозрением... но, насколько я ориентирован, подозрение об участии его в заговоре 20 июля 1944 года не подтвердилось». Шахт был 30 января 1937 года награжден золотым значком нацистской партии (высшей наградой), а до этого Гитлер подарил ему свой большой портрет с надписью: «Моему любимому Шахту за большие заслуги. Берлин, 23 мая 1936 г., Адольф Гитлер». Тем

не менее представители западных держав в трибунале сочувственно отнеслись к доводам Шахта и его защитников. А сам подсудимый напомнил, что поверенный в делах США мистер Керк еще в 1940 году, покидая свой пост в Берлине, заявил Шахту, что после войны к нему отнесутся «как к человеку, совершенно не запятнавшему себя».

Не только мы, советские обвинители, но почти все присутствовавшие в зале суда не сомневались в том, что Шахта ожидает заслуженное возмездие. Однако сам Шахт начал обретать веру в благополучный для него исход процесса. Например, когда Джексон при допросе напомнил ему, что и после ухода с поста президента рейхсбанка он в качестве министра без портфеля не выполнял никаких обязанностей, но продолжал получать от Гитлера 50 тысяч марок в год, Шахт в ответ на это напоминание нагло заявил:

— А как же иначе, господин обвинитель. Я надеюсь, что и после окончания процесса получу свою пенсию. В противном случае на что же я буду жить?

Услышав такой ответ, мы подумали: да, начали действовать силы, которым в свое время Шахт помогал получить громадные дивиденты. Ведь именно Шахт содействовал Моргану и Диллону при рождении «плана Дауэса», на котором американские банкиры заработали сотни миллионов долларов; именно Шахт дал американским промышленникам крупно «заработать» на вооружении гитлеровской армии. В частности, Форд через свои филиалы в Германии помог создать моторизованные части вермахта, а Морган — авиацию. Шахт в 1942—1943 годах неоднократно встречался с американскими банкирами в Базеле, где выполнял миссию, аналогичную той, которую пытался выполнить Гесс при полете в Англию в мае 1941 года. В один из майских вечеров 1946 года в беседе с американским контрразведчиком Джильбертом в своей камере Шахт прямо заявил: «Заверяю вас, что если я не буду оправдан, то это станет позором для трибунала и международного правосудия».

Как известно, трибунал вынес оправдательный приговор Шахту, Папену и Фриче. Председательствующий Лоренс предложил коменданту немедленно освободить их.

Напомню, что по Уставу Международного военного трибунала признание виновности и применение наказания определялось большинством голосов. Члены трибунала были единодушны в признании виновности всех подсудимых.

Что же произошло в совещательной комнате судей? Как образовалось большинство из трех представителей западных держав в трибунале? Почему мнения судей разошлись именно в отношении признания виновности Шахта, а затем Папена и Фриче? На эти вопросы мы ответить не можем: тайна совещательной комнаты оберегается законом.

Член трибунала от СССР И. Т. Никитченко заявил о своем несогласии с оправданием Шахта, Папена и Фриче, весьма аргументированно обосновав свое расхождение с другими членами суда в Особом мнении, которое было приобщено к приговору.

Оправдательный приговор вызвал глубокое возмущение в самых широких кругах мировой общественности. Так, представитель французской газеты «Фронт насьональ» заявил: «Я считаю своим долгом заявить категорический протест от имени всех французских патриотов против совершенно неприемлемого приговора в отношении Шахта, фон Папена и Фриче. Общеизвестным фактом является то, что все они — участники нацистского заговора». И наоборот, Особое мнение советского представителя было встречено с полным одобрением. «Русские оговорки в связи с решением трибунала встретят много симпатий и понимания»,— говорилось в передовой статье шведской газеты «Афтонтиднинген». «Точка зрения, высказанная русским представителем в трибунале, вызывает в странах, подвергшихся немецкой оккупации, самую горячую симпатию»,— отмечала норвежская «Арбейтербладед». 100 тысяч человек вышли в Лейпциге на демонстрацию под лозунгами: «Смерть военным преступникам!», «Народный суд над Папеном, Шахтом и Фриче!», «Мы хотим спокойствия и мира!» Демонстрации под аналогичными лозунгами происходили в Дрездене, Хемнице и других немецких городах.

В своих мемуарах Ганс Фриче описывает дальнейший ход событий после объявления оправдательного приговора ему, Папену и Шахту. Когда они собирались покинуть тюрьму, к ним пришел адвокат Дикс и сообщил, что здание окружено германской полицией, которая намерена их арестовать и предать немецкому суду. Троица вынуждена была остаться на месте, и только на следующий день вечером, под покровом темноты, американские грузовики вывезли их на большой скорости в разные стороны. И тем не менее через непродолжительное время Шахт был арестован. Западногерманский суд под давлени-

ем общественности приговорил «финансового чародея» к восьми годам лишения свободы «за участие в создании и деятельности национал-социалистского государства насилия, принесшего бедствия многим миллионам людей в Германии и во всем мире». Однако вскоре, как это многократно случалось в Западной Германии и с другими преступниками, приговор был пересмотрен, смягчен, а еще через некоторое время Шахт был объявлен невиновным и освобожден.

Вскоре Ялмар Шахт занялся своим «обычным делом». Он предпринимает несколько вояжей за границу, становится полномочным коммивояжером германских монополий, посещает Индию, Индонезию, Пакистан, Иран, Ирак и Египет, прокладывая туда пути для западногерманского экспорта и капиталовложений. Одновременно Шахт руководил крупной банковской фирмой в Дюссельдорфе — «Шахт и К°», которую основал вскоре после выхода из заключения. Он отошел от активной деловой жизни в возрасте 86 лет, но до конца дней своих оставался доверенным лицом западногерманской финансовой олигархии.

Густав Крупп фон Болен унд Гальбах. Крупнейший промышленный магнат, глава концерна «Фридрих Крупп», президент имперского объединения германской промышленности, организатор перевооружения германской армии. Гитлер в 1943 году издал указ, подтверждающий то, что установил кайзер Вильгельм: семейный наследственный характер фирмы, что должно отражаться в ее названии. Наследником Густава стал в 1943 году его старший сын Альфред Крупп, сыгравший впоследствии значительную роль и в ремилитаризации Западной Германии.

Круппы тесно связаны со всей историей германского империализма. На протяжении более 130 лет своего существования эта династия была столпом германской агрессии. Круппы и другие германские промышленные и финансовые магнаты наживались на войне. Вот почему они привели к власти Гитлера и всячески поддерживали его клику. Густав Крупп «пожертвовал» на поддержку нацистской партии 12 миллионов марок. Он активно участвовал в военно-экономическом планировании и подготовке агрессивных войн, в частности, в создании мощной военной машины «третьего рейха».

Недаром Гитлер благодарил Густава Круппа за заслуги «в повышении боевой готовности немецкого народа». Фюрер наградил его высшими наградами «третьего

рейха»: золотым значком нацистской партии, нагрудной эмблемой — имперский орел с надписью «фюреру германской экономики», двумя крестами «за военные заслуги» и почетным званием «пионер труда».

Густав Крупп был предан суду, но его разбил паралич, и он был признан неизлечимо больным.

Джексон обратился в международный трибунал с меморандумом, в котором писал: «Общественные интересы, которые превышают всякие личные соображения, требуют, чтобы Крупп фон Болен не был освобожден от суда, если только кто-либо другой, представляющий интересы Круппа в военной промышленности, не будет его заменять». Густав Крупп, подчеркивал Джексон, отдал свое имя, престиж, крупную сумму денег, чтобы «привести к власти нацистскую партию в немецком государстве с откровенной программой возобновления войны». Крупп, указывал обвинитель, передал в этот «фонд Гитлера» около 5 миллионов марок. Его влияние в осуществлении нацистского плана развязывания агрессивной войны в Европе было очень велико. В своих выступлениях Крупп одобрял аннексию Австрии, нацистскую оккупацию Судет, высказался за захват Польши.

В меморандуме Джексона отмечалось, что оба Круппа — Густав и Альфред — использовали к сентябрю 1944 года принудительный труд 54 990 иностранных рабочих и 18 902 военнопленных, которые недоедали и подвергались нечеловеческому обращению, а прибыли пушечных королей баснословно росли: на 30 сентября 1941 года, например, чистый доход составил свыше 111,5 миллиона марок.

Предложение Джексона сводилось к тому, чтобы вместо Густава Круппа судили Альфреда Круппа: «Интересы правосудия не будут соблюдены, если не принять во внимание интересы людей четырех поколений, чьи жизни были отняты оружием Круппа или же находились под его угрозой, а также интересов народов будущего, которые не могут чувствовать себя в безопасности, если Крупп и ему подобные не будут осуждены на таком процессе».

Английский Главный обвинитель Хартли Шоукросс представил свой меморандум. Он долго ходил вокруг да около, но все же можно было понять, что английская сторона предлагает Густава Круппа судить заочно, а о предании суду (вместо Густава) Альфреда Круппа Шоукросс вообще умолчал. Было очевидно, что англичане имели

какие-то свои особые интересы в отношении интернированного ими Альфреда Круппа.

Французская делегация полностью присоединилась к предложению Джексона: «Мы хотим судить сына, суд над Круппом-отцом невозможен».

Советское обвинение возражало против предложений о замене одного подсудимого другим — отца сыном. Соображения следующие:

1. Было принято согласованное решение государств — учредителей Международного военного трибунала, что на первом судебном процессе главных военных преступников будут судить 24 правителя «третьего рейха», в том числе Густава Круппа.

2. После окончания первого процесса намечался процесс преступных руководителей военной промышленности. Альфреда Круппа — офицера СС с 1933 года, занимавшего семь высоких постов в имперской и партийной иерархии, которые давали ему право доступа к Гитлеру в любое время,— должны были судить на этом процессе.

3. Были серьезные основания опасаться, что расширение круга подсудимых может повлечь задержку начала первого процесса или даже его срыв.

Были высказаны и некоторые другие соображения.

Рассмотрев меморандумы Главных обвинителей, трибунал принял два решения. О первом — в отношении Густава Круппа — сказано ранее. Что касается Альфреда Круппа, то трибунал решил: ходатайство о привлечении Альфреда Круппа в качестве обвиняемого отклонить.

Карл Дениц. Начав службу офицером в германском военно-морском флоте в 1918 году, Дениц сделал карьеру только при гитлеровцах. В 1935 году он стал командующим 1-й флотилии подводных лодок. Вскоре Гитлер назначает его командующим всеми подводными силами «третьего рейха», а в 1943 году — главнокомандующим военно-морским флотом рейха, присвоив чин гросс-адмирала.

Когда фашистская военная машина была разгромлена и Гитлер решился на самоубийство, то именно Карла Деница фюрер избрал своим преемником в качестве главы государства и верховного главнокомандования. И это не случайно: Дениц многие годы принадлежал к его ближайшему окружению, полностью разделял нацистские взгляды. «Что было бы сегодня с нашим отечеством,— патетически восклицал он,— если бы фюрер не спаял нас

идеей национал-социализма?» Или: «Аполитичные офицеры? Чушь, нонсенс! Каждый офицер должен быть национал-социалистом!»

Доказательства против подсудимого Деница на Нюрнбергском процессе представлял английский обвинитель Филлимор. В частности, он отметил:

— Подсудимый занимал высокие посты и получал щедрые награды не столько потому, что был способным морским офицером, а потому, что он был одним из главных советников Гитлера... Он получил сомнительную честь стать преемником Гитлера. Все это он получил благодаря его фанатической приверженности Гитлеру и нацистской партии... Дениц принимал участие в планировании, развязывании и ведении агрессивной войны против Польши, Норвегии и Дании. Дениц получил план вторжения в Польшу, закодированный под названием план «Вейс»; он разработал приказ об оккупации Дании и Норвегии и издал совершенно секретный приказ подводному флоту, зашифрованный словом «Хартмут», в котором, в частности, говорилось: «Военно-морские силы при входе в гавани и до тех пор, пока не высадятся войска, должны иметь британский флаг...» Дениц присутствовал на всех важнейших совещаниях у Гитлера. Он помогал планировать и проводить агрессивные войны. Он был готов нарушить любые правила, если думал, что это не будет обнаружено. Он отдавал приказания об убийстве людей, спасавшихся с потопленных судов.

К сказанному Филлимором можно было бы добавить и многое другое. Дениц, к примеру, являлся автором так называемой «тактики волчьей стаи». Она заключалась в том, что фашистские пираты, попирая установленные международным правом правила ведения войны на море, без предварительного предупреждения топили беззащитные торговые и госпитальные суда как союзных, так и нейтральных стран, а пассажиров и судовые команды расстреливали из пулеметов и пушек. «Не подбирайте спасшихся и не берите их с собой. Не заботьтесь о спасательных лодках торговых судов. Условия погоды и расстояние от земли не играют никакой роли. Мы должны быть жестокими в этой войне»,— поучал Дениц своих морских разбойников. Он издает приказ: «Не следует делать никаких попыток спасать членов команды потопленных кораблей...»

Советские люди хорошо помнят, как пираты Деница топили в Балтийском и Черном морях госпитальные суда

и пароходы, на которых эвакуировались мирные жители, женщины и дети.

Но у него нашлись высокопоставленные покровители. В мае 1945 года, когда фашистская Германия уже капитулировала, Дениц с помощью английских генералов обосновался в военно-морском училище в Фленсбурге, где сформировал новое «правительство» и в сговоре с реакционными кругами Англии продолжал вооруженную борьбу против советских войск. А немецкие военно-полевые суды и патрули полевой жандармерии выносили дезертирам смертные приговоры, которые приводились в исполнение.

У английского премьер-министра Уинстона Черчилля были, очевидно, свои планы относительно адмирала Деница — убийцы тысяч британских моряков. Лондон недвусмысленно давал понять, что «новый фюрер» и его «правительство» будут признаны западными союзниками и им будет поручено управление послевоенной Германией под контролем союзников.

Фашистский гросс-адмирал требовал продолжения военных действий, когда была уже абсолютно ясна бесперспективность и бесполезность дальнейшего сопротивления вермахта, и тем увеличил напрасные жертвы. За семь дней до капитуляции Германии он восхвалял фюрера: «Наш фюрер Адольф Гитлер пал. В глубочайшей скорби и с величайшим почтением немецкий народ склоняет голову... Вся его жизнь безраздельно отдана Германии. Его борьба... выходит далеко за рамки Европы и принадлежит всему культурному миру...» Сам Дениц признал при допросе его советским обвинителем Ю. В. Покровским, что всех, кто сознавал безнадежное положение рейха и желал поэтому прекратить сопротивление, он рассматривал как предателей и что приказ продолжать сопротивление привел к дополнительному кровопролитию.

Дениц был таким же военным преступником, как Гиммлер, Геринг, Кейтель...

Трибунал приговорил Деница к 10 годам тюремного заключения. Наказание он отбывал в Шпандау, где все еще пытался играть роль «фюрера» Германии. По выходе преступника из тюрьмы (1 октября 1956 года) боннские власти назначили ему большую пенсию. До самой смерти Дениц всемерно помогал возрождению реваншизма и милитаризма в Федеративной Республике Германии.

Эрих Редер. Еще до прихода к власти нацистов играл видную роль в германской милитаристской клике и с 1928 года занимал пост начальника главного морского штаба. Вскоре после захвата власти фашистами он был назначен главнокомандующим военно-морским флотом «третьего рейха», а когда Дениц сменил его на этом посту, Редер до конца рейха оставался адмирал-инспектором военно-морского флота и личным советником Гитлера.

Редер участвовал в разработке планов агрессивных войн германского фашизма и энергично проводил их в жизнь. Он непосредственно причастен к военным преступлениям гитлеровцев. С именем Редера связана, к примеру, директива об уничтожении Ленинграда.

Международный военный трибунал констатировал в приговоре, что Редер 24 июня 1937 года получил директиву от военного министра Вернера Бломберга о специальной подготовке к войне против Австрии, получил директивы о плане «Грюн» (захват Чехословакии) и плане «Вейс» (нападение на Польшу), по которому военно-морской флот должен был поддержать армию путем высадки с моря. Редер, а не Гитлер был инициатором вторжения в Норвегию. В письменном обращении к личному составу военно-морских сил Редер подчеркнул: «Операции военно-морского флота при оккупации Норвегии навсегда останутся великим вкладом в эту войну». В сентябре 1940 года он настойчиво предлагал Гитлеру агрессивную политику в Средиземном море, в ноябре того же года призывал усилить военные действия против Англии, в марте 1941 года настаивал на оккупации всей Греции. За шесть дней до вторжения в Советский Союз дал разрешение атаковать советские подводные лодки в специально указанном районе Балтийского моря.

Трибунал признал Редера виновным в преступлениях против мира и в военных преступлениях.

Редер приговорен трибуналом к пожизненному тюремному заключению. Отбывал наказание в тюрьме Шпандау, но был выпущен «по старости», в 1958 году. До конца дней своих жил в ФРГ.

Бальдур фон Ширах. В 1925 году вступил в гитлеровскую партию и ее штурмовые отряды, в 1929 году стал руководителем фашистского студенческого союза, а в 1931 году, когда ему было 24 года, его назначили

имперским руководителем молодежи нацистской партии. Он принадлежал к верхушке гитлеровской партии, был обергруппенфюрером СА.

Мало кто из сидевших на скамье подсудимых на процессе в Нюрнберге приложил столько усилий для растления немецкой молодежи, сколько Бальдур фон Ширах. Именно он, близкий друг Гитлера, фюрер молодежи, отравлял ядом нацизма немецких юношей и девушек, растил из них убийц, готовил кадры головорезов и погромщиков для осуществления преступных планов германского фашизма.

Американский обвинитель капитан Дрексел Шпрехер, анализируя факты и документы, неопровержимо доказал, что цель Шираха заключалась в том, чтобы «увековечить существование нацистского режима путем отравления умов молодежи идеологией и путем подготовки молодежи к агрессивной войне». Обвинитель показал, как Ширах, применяя силу и террор, расправлялся со всеми инакомыслящими, дабы «гитлерюгенд» стал монополистом в деле воспитания молодежи. Он предъявил документальные доказательства милитаризации молодежи, в частности соглашение, заключенное между Ширахом и Кейтелем о «сотрудничестве с вооруженными силами в военном воспитании молодежи».

Для миллионов беззащитных людей СС отождествлялась с убийствами и насилиями, с самыми тяжкими преступлениями против человечности. А кадры для нее в основном поставляла организация, возглавлявшаяся Ширахом. Обвинитель передал трибуналу соглашение между Ширахом и Гиммлером от октября 1936 года, в соответствии с которым «гитлерюгенд» принимал на себя обязанность готовить в особых подразделениях кадры для частей СС, для эсэсовской охраны лагерей уничтожения.

Будучи гаулейтером Вены, Ширах использовал части СС для осуществления «политических задач», что в переводе на общечеловеческий язык означало для угнетения австрийского народа, для высылки из Вены 60 тысяч евреев в нацистские лагеря смерти. Заместителем Шираха в Вене был один из главарей СС и особо доверенное лицо Гиммлера — Дальбрюгге. Они вместе регулярно знакомились с еженедельными сводками — отчетами СС об уничтожении узников концлагерей. Таких отчетов обвинитель представил 55, все они хранились в секретных делах канцелярии Шираха.

О том, что творилось в нацистских лагерях, Ширах знал не только из сводок. Один из эсэсовских охранников Маутхаузена, Алоиз Хельригель, допрошенный в суде в качестве свидетеля, опознал Кальтенбруннера и Шираха как «высокопоставленных визитеров». Он под присягой подтвердил, что Ширах наблюдал казнь людей, которых палачи издевательски называли «парашютистами»: сначала жертвы избивались, их топтали ногами, а затем заставляли бросаться с обрыва, высота которого достигала 40 метров.

В 1942 году Ширах направил Борману телеграмму, в которой в качестве мести за убийство палача чехословацкого народа Гейдриха предлагал произвести внезапный и сильный налет на какой-либо культурный центр Англии, заодно выслав из Вены всех чехов.

У Шираха с Борманом, кстати сказать, установились весьма тесные дружеские отношения. Об их характере свидетельствуют такие брошенные Борманом как бы ненароком слова: «Деньги не проблема, Бальдур. Я поговорю с фюрером, и ты получишь дотацию. Скажи мне только, сколько тебе требуется — 200 тысяч или 500 тысяч».

Впрочем, получал «на карманные расходы» не только Ширах. 9 апреля 1946 года в заседании трибунала допрашивался начальник имперской канцелярии, рейхсминистр и обергруппенфюрер СС Ганс Генрих Ламмерс о применявшейся системе «дотаций».

Обвинитель. И вы и ваши коллеги получали большие выгоды от этого режима. Не так ли?

Ламмерс. Да, я имел доходы.

Обвинитель. Вы передали миллион марок доктору Лею?

Ламмерс. Да, это была дотация.

Обвинитель. И Риббентроп тоже получил миллион?

Ламмерс. Да, он получил миллион в два срока.

Обвинитель. И Кейтель тоже стал миллионером, он получил миллион?

Ламмерс. Да, он получил дотацию и имение.

Обвинитель. А вы сами получили 600 тысяч марок?

Ламмерс. В день, когда мне исполнилось 65 лет, я получил 600 тысяч марок...

В ходе процесса у Шираха все шло в общем-то гладко: он покаялся, рассчитывая разжалобить трибунал. Признавая свою ответственность за нацистское воспитание молодежи, он тотчас указывал, что был обманут Гитле-

ром. «Я признаю свою вину перед богом и германским народом,— заявлял Ширах.— Это моя вина, что я воспитывал германскую молодежь для человека, который оказался убийцей миллионов людей... Если расовая политика и антисемитизм могли привести к Освенциму, то Освенцим должен стать концом расовой политики и антисемитизма».

Таков был Бальдур Ширах. В дни расцвета «третьего рейха» он клялся в верности фюреру, кичился своим расизмом и совершал преступления. Но когда пришлось держать ответ перед Международным военным трибуналом, он юлил и изворачивался, лгал и валил всю вину на Гитлера.

Приговорен трибуналом к 20 годам тюремного заключения. Отбывал наказание в Шпандау. Освобожден 1 октября 1966 года, после чего проживал в ФРГ до самой смерти.

Фриц Заукель. Вступил в нацистскую партию в 1923 году и очень скоро занял в ней видное положение: стал гаулейтером Тюрингии, а после захвата власти фашистами был назначен имперским наместником, потом — министром внутренних дел и премьер-министром Тюрингии. Имел чин обергруппенфюрера СА и СС.

Заукель являлся активным участником захвата власти нацистскими заговорщиками и проводником их злодейских планов. В разгар войны, когда гитлеровцам понадобились миллионы рабочих рук для военной промышленности, именно Фрица Заукеля Гитлер избрал для осуществления преступных планов насильственного угона в Германию населения захваченных территорий Европы.

По требованию «работорговца XX века» Заукеля и под его непосредственным руководством миллионы юношей и девушек насильственно грузились в товарные вагоны и отправлялись на каторгу в «третий рейх».

Вот какие показания дал допрошенный на процессе в качестве свидетеля немецкий врач Вильгельм Егерь:

— 1 октября 1942 года я стал старшим санитарным врачом в рабочих лагерях для иностранцев у Круппа в Эссене. Восточные рабочие, в том числе польские, работавшие на заводах Круппа, были размещены в следующих лагерях: Зойманнштрассе, Griперштрассе, Шпенглерштрассе, Германиаштрассе, Капитан-Леманнштрассе, Лехеншуле и Кремерплатц. Все лагеря были обнесены колючей проволокой и строго охранялись, условия в них были

крайне плохими. Лагеря были переполнены. Пища для восточных рабочих была совершенно недостаточной, они получали ее лишь два раза в день, причем один раз им выдавался только жидкий водянистый суп... Санитарные условия были особенно плохими. На Кремерплатц, где в комнаты старой школы было согнано примерно 1200 рабочих, санитарные условия были просто невыносимыми. Среди восточных рабочих было в четыре раза больше случаев заболевания туберкулезом, чем среди немецких рабочих. В марте 1943 года многих восточных рабочих поместили в заводских корпусах. В лагерях для военнопленных условия содержания были еще более невыносимы, чем в лагерях для восточных рабочих... Военнопленных почти на полгода разместили в собачьих конурах, писсуарах и старых печах-духовках. Военнопленные должны были вползать в собачьи конуры на четвереньках. Конура имела метр высоты, 2 метра ширины и 3 — длины, в каждой спало по пять человек. В лагере для французских военнопленных на Ноггерштрассе воды не было совсем.

На основе детального исследования многочисленных официальных документов «третьего рейха», запротоколированных высказываний Гиммлера, Шпеера, Заукеля и иных нацистских главарей, показаний свидетелей и других доказательств Международный военный трибунал установил, что гитлеровцы в широких масштабах применяли насильственный угон в Германию на рабский труд населения временно оккупированных территорий Польши, Бельгии, Нидерландов, Норвегии, Франции, СССР и других государств; что за людьми охотились на улицах, в кино, даже в церквах... Всего было угнано около 10 миллионов человек, не считая погибших в пути от недоедания и болезней.

Трибунал приговорил Заукеля к смертной казни через повешение. Приговор приведен в исполнение.

Альфред Йодль. С приходом к власти Гитлера из подполковника быстро превратился в генерал-полковника и с августа 1939 года занял пост начальника штаба оперативного руководства верховного главнокомандования. Был ближайшим военным советником фюрера.

Все агрессивные войны, которые велись германским фашизмом, планировались и осуществлялись при непосредственном участии Йодля. Он являлся одним из авторов планов «Отто», «Грюн», «Вейс», «Барбаросса» и многих других разбойничьих нападений.

Йодль подписал варварские приказы об уничтожении Ленинграда, Москвы и других советских городов. Именно он на совещании у Гитлера 1 декабря 1941 года с неслыханным цинизмом заявлял, что гитлеровцы вправе безнаказанно уничтожать советских патриотов — «вешать, вешать головой вниз, четвертовать».

Подведя итоги судебному следствию, Главный обвинитель от СССР отметил:

— Подсудимый Альфред Йодль несет главную ответственность с Кейтелем в качестве его заместителя и ближайшего военного советника Гитлера. Все то, что касается подготовки и осуществления агрессивных планов гитлеровской Германии, неразрывно связано с именем Йодля, так же как и с именем Кейтеля...

Я хочу как представитель Союза Советских Социалистических Республик подчеркнуть еще раз, что преступный план вероломного нападения на Советский Союз, названный гитлеровцами именем горе-завоевателя Фридриха Барбароссы, наряду с подписями Гитлера и Кейтеля имеет подпись подсудимого Йодля. И это не только подпись.

Еще летом 1940 года в Рейхенгалле Йодль провел первое совещание офицеров своего штаба, на котором обсуждался вопрос о возможности нападения гитлеровской Германии на Советский Союз.

Не кто иной, как Йодль еще до нападения на СССР издал «Указания о применении пропаганды в районе «Барбаросса». ...Подсудимый Йодль заранее знал о действительных целях нападения Германии на СССР, о грабительском, захватническом характере войны, предусматривавшей расчленение Советского Союза... Это он, Йодль, участвовал в подготовке и организации провокационного инцидента на границе Чехословакии с целью оправдания агрессивной акции гитлеровской Германии против этой миролюбивой страны. Это он, Йодль, подписал приказ от 28 сентября 1938 года относительно порядка использования так называемого «корпуса» Генлейна на случай реализации плана «Грюн».

Речь советского обвинителя была выслушана с большим вниманием.

Йодль приговорен трибуналом к смертной казни через повешение. Приговор приведен в исполнение.

Франц фон Папен. Один из крупнейших международных шпионов, резидент немецкой разведки в США еще в период первой мировой войны, откуда был выслан как персона нон грата.

Будучи рейхсканцлером Германской республики, Папен в 1932 году активно помогал фашистам. Например, он отменил декрет о запрещении преступной деятельности штурмовых и охранных отрядов и тем самым предоставил нацистам возможность осуществлять массовый террор. Папен расчистил путь Гитлеру, добровольно уступив ему пост рейхсканцлера, являлся связующим звеном между фюрером и промышленно-финансовыми магнатами.

Папен занял в правительстве Гитлера пост вице-канцлера и, являясь лидером католической партии, обеспечил гитлеровскому режиму поддержку Ватикана. В дальнейшем он сыграл большую роль в захвате Австрии гитлеровцами. После убийства австрийского канцлера Энгельберта Дольфуса Гитлер писал Папену: «Вы обладали и обладаете моим полным и неограниченным доверием». И наградил его золотым значком нацистской партии.

В 1939 году матерый политикан назначается германским послом в Турцию, где в течение многих лет плетет интриги, организует всякого рода провокации и шпионаж. Период этой преступной деятельности Папена в Турции Гитлер отметил высокими наградами.

Трибунал оправдал Папена. Читатель знает, что член трибунала от СССР изложил свое несогласие с этим, знает он и о реакции международной общественности на оправдательный приговор.

Очутившись на свободе, Папен продолжал свою деятельность, направленную на подрыв дела мира и безопасности народов, вел яростную пропаганду реванша и восстановления «старого рейха», то есть пересмотра границ, установленных в Европе после поражения гитлеровской Германии во второй мировой войне. Впрочем, ничего другого от Папена ждать не приходилось.

Артур Зейсс-Инкварт. Один из главарей фашистской партии Австрии, обергруппенфюрер СС, организатор захвата Австрии нацистами, имперский наместник Австрии в 1938—1939 годах, имперский министр без портфеля в 1939 году, заместитель генерал-губернатора Польши в 1939—1940 годах, гитлеровский наместник оккупированных Нидерландов в 1940—1945 годах.

Зейсс-Инкварт совместно с Франком насаждал в Польше террористический режим, принимал активное участие в разработке и осуществлении планов уничтожения многих тысяч людей, экономического ограбления и порабо-

щения польского народа. Он принимал участие в разработке операции «АБ» — плане массового истребления польской интеллигенции, в принудительной отправке польских рабочих в рейх на каторжные работы. Кровавый опыт, накопленный в Австрии, а также под руководством Франка в Польше, Зейсс-Инкварт использовал в Нидерландах, где в течение пяти лет насаждал пресловутый «новый порядок», означавший массовые убийства, беспощадное ограбление, насильственное онемечение и жестокое подавление всякого сопротивления оккупантам.

По приговору трибунала повешен в Нюрнбергской тюрьме.

Альберт Шпеер. По профессии архитектор. На этой почве сблизился с таким «ценителем прекрасного», как Адольф Гитлер. Шпеер после захвата власти фашистами стал придворным архитектором фюрера и в течение ряда лет выполнял его задания: разработал проект строительства новой имперской канцелярии, гигантского стадиона в Нюрнберге, представил планы реконструкции Берлина и Нюрнберга. Получил посты главного инспектора по строительству Берлина и начальника отдела капитального строительства в аппарате Гесса. «Вершиной» зодчества Шпеера явился пресловутый «Атлантический вал» — цепь военных сооружений, возведенных вермахтом на случай вторжения англо-американских войск на континент. В разгар войны Гитлер назначил своего друга министром вооружения и боеприпасов.

Министерство вооружения и боеприпасов при Шпеере окончательно превратилось в опору монополистов, а в лице его главы они получили надежного защитника. Так, когда один из руководителей «генеральского заговора» в июле 1944 года, Герделер, выдал на допросе ряд крупных промышленников-монополистов, Шпеер выступил в их защиту, используя свои связи с Гиммлером и его постоянным представителем при ставке Гитлера группенфюрером СС Фегелейном. В результате заговорщики из числа монополистов избежали расправы, за исключением Венцель-Тейгенталя, которого нацисты все же приговорили к смертной казни.

Шпеер, занимая высокие должности в государственном и военном механизме «третьего рейха», принимал непосредственное участие в планировании и осуществлении фашистского заговора против мира и человечности. Кроме перечисленных выше постов он возглавлял

главное управление техники НСДАП, руководил союзом германских техников-националистов, был уполномоченным штаба Гесса и руководителем одной из крупных организаций так называемого «немецкого трудового фронта».

Путем безжалостной эксплуатации населения, грабежа сырьевых и иных ресурсов захваченных территорий он усиливал военный потенциал гитлеровской Германии. Его полномочия продолжали возрастать. Гитлер назначил Шпеера уполномоченным по снабжению сырьем, по руководству всей военной промышленностью, ему было поручено регулирование товарооборота, он стал одним из руководителей центрального управления по планированию. Указ Гитлера от 24 августа 1944 года фактически ставил Шпеера над всеми германскими инстанциями как внутри страны, так и на оккупированных территориях, деятельность которых имела отношение к вооружению «третьего рейха».

На процессе этого нацистского главаря допрашивали Главный американский обвинитель Джексон и автор этой книги. И хотя я разбирался в вопросах военного производства, к встрече со Шпеером готовился тщательно: ознакомился с протоколами его допроса до суда, внимательно прислушивался на процессе к его ответам на вопросы Джексона. Это помогло выработать правильную тактику. Не упустил я из виду и поведение Шпеера в Нюрнбергской тюрьме, о чем узнал из бесед с Джильбертом.

До войны о Шпеере слышали немногие. Но к концу 1943 года он по своему влиянию превзошел даже Геринга. Не случайно разведка США получила указание следить за Шпеером, а когда американская делегация в мае 1945 года прибыла в Фленсбург и стала знакомиться с «правительством» Деница, она первым делом заинтересовалась им. Почему? Ответить на этот вопрос было не столь уж сложно. Шпеер кроме всего прочего занимался производством отравляющих веществ, готовил новые виды оружия. Еще в 1942 году состоялись первые испытания немецких боевых ракет. Очень скоро на Лондон и другие английские города стали падать ФАУ-1 и ФАУ-2, обладавшие большой разрушительной силой. Шпеер подгонял ученых-атомщиков, часто наведывался в их лаборатории, детально знакомился с работами по расщеплению атомного ядра. Другими словами, этот военный преступник очень много знал.

Джексон спросил Шпеера: «Как далеко зашла в Германии подготовка атомного оружия?»

Тот ответил: «К сожалению, все лучшие силы, которые занимались изучением атомной энергии, оказались в Америке. Мы очень отстали в данном вопросе. Нам потребовались бы еще один-два года для того, чтобы расщепить атом».

При этих словах мы, сидящие в зале, содрогнулись, ибо не сомневались: если бы Гитлер и его сообщники получили от Шпеера атомные бомбы, то они сразу сбросили бы их на десятки городов.

Шпеер всячески старался доказать, что он техник, а не политик и в правительстве Гитлера оказался случайно. И даже... вел борьбу против политики фюрера. Спасая свою шкуру, Шпеер поливал грязью всех тех, с кем еще недавно сотрудничал: Геринг — грабитель, нечестный человек, преступник; Геббельс — легкомысленный болван; Риббентроп — клоун; Гиммлер — чудовище; Заукель — зверь. И все главари рейха — люди без чести и совести.

И все-таки, отвечая на вопросы Джексона, Шпеер признал: он поощрял использование принудительного труда заключенных концентрационных лагерей; нацисты готовились к ведению химической войны — в рейхе имелось три завода, вырабатывавших газы, против которых не было средств защиты; он несет ответственность за общую политику правительства, но не за отдельные ее детали...

Мне стало ясно, с чего начинать допрос: надо сбить с Шпеера спесь, его самоуверенность. Он утверждал, например, что был далек от политики и даже не читал «Майн кампф»,— надо уличить его во лжи. Формулирую вопрос:

— Вы помните свои показания на предварительном допросе 14 ноября 1945 года? Я вам их напомню. На вопрос, признаете ли вы, что в «Майн кампф» Гитлер ясно высказал свои агрессивные планы в отношении стран Запада и Востока, в частности в отношении Советского Союза, вы ответили: «Да, я признаю это». Вы помните, что давали такие показания?

— Очень может быть.

На скамье подсудимых зашептались: Геринг с Риббентропом, Кейтель с Розенбергом, так как ответ Шпеера в известной мере опровергал их показания на суде.

Мне было важно разрушить линию защиты подсудимого: он, мол, был технарем, специалистом, а не политиком. И я в темпе задаю Шпееру вопрос за вопросом: вы были сотрудником штаба Гесса? вы сотрудничали с Леем? вы являлись одним из руководителей «центрального планирования»? вы говорили, что пост министра вооружения приняли без желания, вообще не хотели заниматься вооружением?

На все эти вопросы он кратко отвечал: да, да, да. А я продолжал:

— Напомню, что вы говорили представителям промышленности Рейнско-Вестфальской области и гауляйтерам в Мюнхене, писали 19 апреля 1942 года на страницах геббельсовского официоза «Дас Рейх»: «Весной 1942 года я без колебаний принял предложение фюрера, программу, которую необходимо выполнить, которую я выполняю и буду выполнять... Я бросил эту деятельность (архитектуру), чтобы беззаветно отдаться разрешению военных задач. Фюрер ожидает этого от всех нас... Энергичное применение самых суровых наказаний за проступки: карать каторжными работами или смертной казнью. Война должна быть выиграна». В этой статье вы формулировали свои задачи и принципы и в полном соответствии с ними действовали. Не так ли?

Шпеер вынужден был подтвердить, что он так говорил и писал. Я резюмирую: «Оказывается, вы нацистский политик, а не аполитичный инженер, как пытались заверить трибунал». Тут же напоминаю, что он лгал, когда отрицал свою принадлежность к СА и СС, и что в распоряжении трибунала имеется подлинное личное дело эсэсовца Альберта Шпеера, который к тому же состоял в личном штабе рейхсфюрера СС Гиммлера.

Далее оглашаю ряд немецких документов, из которых видно, что Шпеер лжет и преднамеренно преуменьшает свои полномочия. В частности, зачитываю указ фюрера от 2 сентября 1943 года, устанавливавший, что Шпеер, и только он, являлся ответственным за снабжение, руководство и производство военной промышленности, а не только за производство вооружения; официальный документ от 6 сентября 1943 года, подписанный им и Функом, в котором указано, что к Шпееру перешли полномочия по регулированию товарооборота.

Когда Шпеер пытается по-своему интерпретировать эти документы, разъясняю подсудимому, что после сен-

тября 1943 года он отвечал не только за военную промышленность, но и за военную экономику.

Рагинский. Вы признаете, что принимали участие в экономическом разграблении оккупированных территорий?

Шпеер. Я, безусловно, принимал участие в экономическом использовании оккупированных территорий.

Рагинский. Для ликвидации дефицита в стратегическом сырье вы вывозили цветные металлы из Бельгии, Франции и других оккупированных стран?

Шпеер. Да, само собой разумеется.

После ряда вопросов устанавливаю, что Шпеер получал от Гиммлера заключенных для работы на подведомственных ему предприятиях, на многих из них были организованы филиалы концентрационных лагерей. За эти услуги Шпеер в свою очередь предоставлял СС опытных специалистов и дополнительное военное снаряжение.

Рагинский. Подсудимый, вам было известно, что на подведомственных вам военных заводах принудительно оставляли рабочих, бывших заключенных, у которых истек срок наказания. Было это вам известно или нет?

Шпеер. Это не было мне известно. Я знаю, что вы имеете в виду письмо Шибера от 4 мая 1944 года (Шпеер умышленно не точно назвал дату письма, чтобы ввести в заблуждение суд.— *Авт.*). Однако подробности не могу вспомнить.

Рагинский. Не можете вспомнить? Но Шибер 7 мая в специальном письме, адресованном лично вам, об этом писал, и вы не могли не знать это.

Шпеер. На основании этого письма я затем написал также Гиммлеру как раз по этому вопросу...

Рагинский. Вы заявили, что в число военных предприятий не должны включаться такие отрасли промышленности, как текстильная, лесная, переработка алюминия, цветная металлургия и т. д.

Шпеер. Я в своих показаниях говорил, что они исключаются из понятия «вооружение».

Рагинский. Вы хотите нас заверить, что порох можно производить без целлюлозы, а текстильная промышленность не выпускала парашютов и снаряжения для военно-воздушного флота?

Шпеер. Нет, я хотел сказать, что современное понятие «промышленность вооружения» нечто совершенно иное, чем промышленность, которая производит предметы вооружения в смысле Женевской конвенции.

Заданные мною другие вопросы, относящиеся к специфике производства боеприпасов, стрелкового оружия и т. п., привели к тому, что Шпеер все больше и больше терял самообладание, отвечая не по существу, и бормотал что-то невнятное. Он надеялся, что в той сложной области, в которой он действовал, обвинитель до конца не разберется. Одно дело — политика, другое — промышленность вооружения. Но в первые же минуты допроса гитлеровский министр понял, что его надежды рушатся. Внимательно следивший за ходом допроса участник Нюрнбергского процесса А. И. Полторак впоследствии писал: «М. Ю. Рагинский потрошил Шпеера так, как будто сам являлся военным инженером. А секрет такой осведомленности юриста в чисто технических и экономических вопросах объяснялся просто: в годы войны, как раз в то время, когда будущий подсудимый Альберт Шпеер сменил профессию архитектора на должность министра вооружений, его будущий обвинитель Марк Рагинский стал уполномоченным Государственного Комитета Обороны в одной из важнейших отраслей военной промышленности СССР».

Так шаг за шагом раскрывался истинный облик Альберта Шпеера. Однако я решил добавить к этому облику еще несколько штрихов.

Рагинский. Вы говорили, что сторонниками политики Гитлера, политики «выжженной земли» были Геббельс и Лей. Разве из сидящих здесь на скамье подсудимых никто не поддерживал в этом вопросе Гитлера?

Шпеер. Насколько я вспоминаю, никто из тех, кто сейчас сидит на скамье подсудимых, не выступал за политику выжженной земли.

Рагинский. За эту политику были только те, кто теперь мертв?

Шпеер. Да, поэтому они, очевидно, и покончили жизнь самоубийством, ибо были ответственны за эту политику и делали еще кое-что.

Рагинский. Ваш защитник представил несколько писем на имя Гитлера, датированных мартом 1945 года. Скажите, после этих писем вы не потеряли доверия к Гитлеру?

Шпеер. Я уже вчера говорил, что после этого имели место резкие разногласия между нами, и Гитлер хотел, чтобы я ушел в отпуск. Это практически означало бы мой уход в отставку. Но я этого не хотел.

Рагинский. Это я слышал, но ведь именно вас Гитлер 30 марта 1945 года назначил руководить мероприятиями по тотальному разрушению индустриальных объектов?

Шпеер. Да. Дело обстояло так...

Подсудимый ссылался на то, что лишь выполнял приказ фюрера, а сам был противником этих мер, так как надлежало разрушить не только промышленные предприятия, но и водопровод, бытовые электростанции и другие коммунальные предприятия, обслуживавшие население. В общем, Шпеер выдавал себя за гуманиста. Тогда я огласил приказ самого Шпеера, изданный уже после так называемых разногласий с Гитлером. В нем было сказано:

«1. По-прежнему действительны все мои приказы и распоряжения о выведении из строя промышленного оборудования всех видов обслуживающих предприятий (электричество, газ, вода, продовольственные предприятия всех видов и т. д.).

2. Тотальное разрушение важнейших предприятий или их значительной части происходит в соответствии с приказом фюрера, инициатором которого был я».

Деваться Шпееру было некуда. Пора кончать допрос.

Рагинский. Скажите, кто руководил террористической организацией «Вервольф»?

Шпеер. Организацией «Вервольф» руководил рейхслейтер Борман.

Рагинский. А кроме Бормана?

Шпеер. Никто, только Борман.

Рагинский. Это понятно. Если бы Борман был здесь, то тогда оказалось бы, что этой организацией руководил Гиммлер. Другого ответа от вас я и не ожидал. У меня нет больше вопросов.

Подводя итог преступной деятельности Альберта Шпеера, Главный обвинитель от СССР с полным основанием заявил:

— ...Когда фашистские летчики бомбардировали мирные города и села, убивая женщин, стариков и детей, когда немецкие артиллеристы обстреливали из тяжелых орудий Ленинград, когда гитлеровские пираты топили госпитальные суда, когда ФАУ разрушали города Англии — это был результат деятельности Шпеера.

Международный военный трибунал признал Шпеера виновным в военных преступлениях и преступлениях против человечности и приговорил к 20 годам тюремного зак-

лючения. Наказание отбыл в Шпандау, после чего поселился в ФРГ и жил там в довольстве и роскоши: западногерманские монополисты не забыли оказанных им услуг бывшим фаворитом Гитлера.

Константин фон Нейрат. Германский посол в Англии в 1930—1932 годах, министр иностранных дел в 1932—1939 годах, имперский министр без портфеля, председатель «Тайного совета министров» и член имперского совета обороны в 1938—1939 годах, протектор Богемии и Моравии в 1939—1943 годах, группенфюрер СС.

Ему принадлежала особая роль в укреплении власти нацистских заговорщиков, в подготовке и осуществлении их захватнических планов. Каждый раз, когда нужно было дипломатическими манипуляциями прикрыть агрессивные акты, на авансцене неизменно появлялся Нейрат. И даже когда Риббентроп сменил его на посту министра иностранных дел, он продолжал оставаться ближайшим советником Гитлера по дипломатическим вопросам. Не случайно Нейрат был назначен председателем «Тайного совета министров» (в него кроме Нейрата входили Геринг, Гесс, Риббентроп, Геббельс, фон Браухич, Кейтель, Редер, начальник имперской канцелярии Ламмерс), который являлся специальным консультативным органом нацистского правительства по вопросам внешней политики.

В качестве протектора Богемии и Моравии Нейрат в течение четырех с лишним лет проводил политику кровавого террора по отношению к народам Чехословакии, на нем лежит кровь многих тысяч женщин и мужчин, стариков и детей, убитых и замученных.

Допрашивать Нейрата предстояло мне. Он производил впечатление очень хитрого и умного врага, который не станет отрицать очевидные факты, однако будет давать им свою интерпретацию. Например, признает, что имел высокий ранг СС, но это было лишь почетной формальностью, что получил золотой значок нацистской партии, но он был нужен ему только для того, чтобы, имея доступ к Гитлеру, попытаться отговорить его от агрессивных войн, и т. д. Адвокат фон Людингхаузен действовал именно в этом плане, изображая фон Нейрата «борцом» за предотвращение войны.

Среди документов, которые я предполагал использовать при допросе, имелось высказывание американского посла в Австрии до ее захвата гитлеровцами Георга Мессерсмита. Он заявил: «Европа не может избавиться от мифа, изображающего фон Нейрата, Папена и Макензена (статс-

секретаря) дипломатами старой школы, а не опасными людьми. На самом деле они являются лишь послушным орудием режима, и именно потому, что внешний мир смотрит на них как на безвредных людей, они могут работать более эффективно. Они могут сеять раздор просто потому, что они распространяют миф о том, что они не поддерживают режим».

В моем распоряжении находился также протокол допроса Нейрата английским обвинителем Максуэлл Файфом, который доказал лживость утверждений Нейрата о том, что «Тайный совет министров» якобы никогда не заседал. Обвинитель представил трибуналу, кроме того, переписку Нейрата с Ламмерсом о выделении ему, Нейрату, как председателю этого совета, значительных сумм для получения дипломатической и политической информации. Требования Нейрата о выделении средств на «специальные расходы» безоговорочно выполнялись. В одном из писем Ламмерсу Нейрат писал: «Для моего бюро нужны специальные дотации на расходы, которые, как мне кажется, не следует подвергать контролю».

Все это мне нужно было обязательно учесть при допросе.

Рагинский. Вчера вы здесь утверждали, что еще в 1936 году у вас были серьезные расхождения с Гитлером и в связи с этим просили 27 июля 1936 года освободить с поста. Но вы разве не писали тогда Гитлеру: «И даже в том случае, если я не буду больше министром, я всегда к Вашим услугам, если Вы этого пожелаете, со своим советом и со своим многолетним опытом в области внешней политики?» Вы писали так Гитлеру?

Нейрат. Да.

Рагинский. В заключительной части меморандума генерал-лейтенанта Фредериче о будущем статусе Чехословакии говорится: «Если управление протектората будет находиться в твердых и надежных руках и руководствоваться только приказом фюрера от 16 марта 1939 года, территория Богемии и Моравии станет постепенно неотъемлемой частью Германии». Для этой цели Гитлер именно вас назначил протектором?

Нейрат пытается уйти от ответа. Зачитываю декрет Гитлера, Геринга и Фрика о полномочиях Нейрата, в котором указывается, что все органы власти и административные органы, за исключением вооруженных сил, подчиняются только Нейрату, а он — непосредственно фюреру. Доказываю, что полиция и СС обязаны были осве-

домлять Нейрата о всех своих мероприятиях, которые носили карательный характер.

Нейрат понимает, что это обстоятельство чревато для него серьезными последствиями, и заявляет, что о таких мероприятиях его никогда не осведомляли — запретил Гиммлер. Тогда я передаю трибуналу показания высшего руководителя СС и полиции при Нейрате обергруппенфюрера СС Карла Германа Франка, который к тому времени, в отличие от подсудимого Ганса Франка, уже был повешен в Праге по приговору Народного суда. Франк утверждал, что все германские власти и учреждения, за исключением военных, и даже полиция были подчинены имперскому протектору и что такой порядок служебного подчинения сохранялся во время существования протектората.

Рагинский. Я вас спрашиваю: признаете ли вы, что своим приказом от августа 1939 года установили систему заложников? В этом приказе сказано: «Ответственность за все акты саботажа несут не только отдельные лица, но и все чешское население. Это значит, что персонально наказываются не только виновные, а наказание распространяется и на невиновных». Так это?

Нейрат. Это лишь означало, что моральная ответственность должна была возлагаться на чешский народ.

Рагинский. А разве в Лидице не был применен на практике этот ваш приказ, разве речь шла только о моральной ответственности?

Нейрат. Да.

Рагинский. В этом приказе вы указываете: «Кто не учтет этих мероприятий, будет признан врагом рейха». Разве вы расправлялись с врагами, возлагая на них лишь моральную ответственность?

Нейрат. Да. Если кто-либо не подчинялся приказу, то его наказывали.

Рагинский. Итак, этим своим приказом вы положили начало массовому террору и наказанию невиновных лиц...

Далее перехожу к расстрелу девяти студентов 19 ноября 1939 года, закрытию всех высших учебных заведений и многочисленным арестам учащихся в качестве заложников. Зачитываю выдержку из дневника гитлеровского генерал-губернатора Польши Ганса Франка: «В Праге были, например, вывешены красные плакаты, оповещающие, что сегодня расстреляно семь чехов. Тогда я сказал себе: если бы я захотел отдать приказ о том, чтобы вывеши-

вали плакаты о каждых семи расстрелянных поляках, то в Польше не хватило бы лесов, чтобы заготовить бумагу для этих плакатов».

Рагинский. Скажите, в Праге действительно вывешивались эти красные плакаты?

Нейрат. Я вчера сказал, что на этом плакате злоумышленно была поставлена моя подпись, я его предварительно даже не видел.

Рагинский. Если не видели, то посмотрите, вам сейчас передадут такой плакат.

Нейрат. Я хорошо знаю этот плакат.

На плакате значилась подпись: «Имперский протектор Богемии и Моравии барон фон Нейрат». Он боялся прикоснуться к этому листу бумаги, потому что на нем — кровь чешских патриотов и мучеников Лидице, где нацисты истребили всех мужчин и юношей, а женщин загнали в концлагерь Равенсбрюк, где большинство их погибло, а рождавшихся там детей нацистские палачи сразу же убивали.

Нейрат отказывался от своей подписи на кровавом плакате, голословно отрицал уличавшие его показания Карла Германа Франка, который утверждал, что протектор регулярно заслушивал его и командующего полицией безопасности доклады о важнейших событиях в протекторате.

Рагинский. В газете «Френкишер курир» 2 февраля 1943 года была опубликована статья, посвященная вашим заслугам. Там писалось: «После прихода к власти самыми яркими политическими событиями, в которых барон фон Нейрат играл решающую роль и с которыми вечно будет связано его имя, являются: уход с конференции по разоружению в Женеве, возвращение Саарской области, денонсирование Локарнского договора... Имперский протектор барон фон Нейрат за его выдающуюся работу был неоднократно награжден фюрером: он получил золотой почетный партийный значок, получил звание группенфюрера СС, является кавалером германского ордена «орел» и золотой медали «за верную службу»; признавая его особые заслуги в осуществлении военных задач, фюрер наградил его, имперского протектора Богемии и Моравии, крестом за военные заслуги первого класса». Подсудимый Нейрат, правильно ли освещены в этой статье факты?

Нейрат. То, что сказано о наградах, правильно, все остальное — неправильно.

Рагинский. А вы протестовали?

И на этот вопрос Нейрат не ответил, ему нечего было сказать.

Международный военный трибунал признал Нейрата виновным в преступлениях против мира, военных преступлениях и преступлениях против человечности и приговорил к 15 годам тюремного заключения.

В 1954 году он «по старости» был выпущен из тюрьмы, а через два года умер. Характерно, что в связи с досрочным освобождением Нейрат получил поздравительные телеграммы от президента ФРГ Хейса и канцлера Аденауэра.

Ганс Фриче. Начальник отдела внутренней прессы министерства пропаганды в 1938—1942 годах, руководитель отдела радиовещания того же министерства в 1942—1945 годах. Трибунал оправдал Фриче, исходя из того, что тот не достиг в «третьем рейхе» такого «служебного положения, которое делало бы его ответственным за преступления гитлеровского режима».

На основе конкретных фактов в Особом мнении советского представителя обосновывался вывод о том, что Фриче отнюдь не был второстепенной фигурой в механизме нацистской пропаганды. Именно он до 1942 года осуществлял руководство всей германской прессой, а с 1942 года, по его собственному признанию, стал «главнокомандующим германским радио». Фриче годами распространял провокационные измышления, которые были необходимы нацистскому режиму для осуществления планов агрессии и преступлений против человечества, в частности, разделяет со Штрейхером, Розенбергом и Ширахом ответственность за массовое истребление женщин, стариков и детей.

Трое оправданных на процессе в Нюрнберге устроили пресс-конференцию, на которой Папен и Фриче клялись, что больше политикой заниматься не будут. Шахт такого заявления не сделал, а лишь потребовал, чтобы за ответы корреспондентам ему платили не обесцененными марками, а натурой: маслом, шоколадом. На этой же пресс-конференции можно было наблюдать, как некие люди в форме американской армии дружески пожимали руки оправданным нацистам, поздравляли их и даже делали подарки.

Как Папен выполнял свое обещание, сказано выше. Что касается Фриче, то первое время он придерживался сказанного — стал коммивояжером парижской парфю-

мерной фирмы «Банекру», но вскоре «пристрастился» к литературе, стал выпускать книгу за книгой, призывавшие к реваншу и войне.

Мартин Борман. Начальник штаба Гесса в 1933—1941 годах, руководитель партийной канцелярии, заместитель фюрера с мая 1941 года, секретарь и ближайший советник Гитлера с апреля 1943 года до конца рейха.

Мартин Борман вступил в нацистскую партию в 1925 году и вскоре занял в ней видное положение. С 1928 года он являлся членом штаба высшего руководства штурмовыми отрядами (СА), обергруппенфюрером СС.

Борман играл важную роль в захвате власти нацистами. Его имя неразрывно связано с кровавыми делами гитлеровского режима. Он стал рейхслейтером нацистской партии, с жестокой последовательностью насаждал расовую теорию.

С мая 1941 года Борман заменил Гесса, вылетевшего по заданию Гитлера в Англию, стал наиболее доверенным лицом фюрера. Именно ему и Гиммлеру Гитлер поручил в октябре 1944 года организацию и руководство фольксштурмом (ополчением, в которое были мобилизованы мужчины в возрасте от 16 до 60 лет), а накануне полного краха «третьего рейха» Борман возглавил созданную для диверсионно-террористической деятельности в тылу союзных войск подпольную организацию «Вервольф».

Ближайший подручный Гитлера, фашистский вожак Мартин Борман принимал непосредственное и активное участие во всех злодеяниях гитлеровской клики.

Борман исчез, и дело этого преступника трибунал рассматривал заочно, приговорив его к смертной казни.

На скамье подсудимых в Нюрнберге были люди разного возраста, занимавшие разные посты в «третьем рейхе» и пришедшие к этим постам разными путями. Но все они принадлежали к правящей фашистской клике, являлись ее главарями, все участвовали в чудовищном заговоре против мира, в совершении тягчайших преступлений против человечества и с полным основанием были отнесены к категории главных военных преступников.

По моим наблюдениям, вели они себя на суде как обычные профессиональные уголовники: запирались и лгали, а когда их изобличали, признавались в незначительных преступлениях, чтобы скрыть другие, более тяжкие, спасая шкуру, валили ответственность на единомышлен-

ников, главным образом на мертвых — Гитлера и Гиммлера. Это, мол, Гитлер всему виной, он, обладая неограниченной властью, все решал единолично, он был фюрером, а они лишь техническими исполнителями приказов. Подсудимые всячески открещивались от своего фюрера. Они корили его, проклинали, как это делал, например, «друг» Гитлера Шпеер. Когда Розенбергу на процессе был задан вопрос: «Вы были ближайшим сподвижником фюрера?» — тот буквально закричал: «Нет, это неправда, я никогда им не был».

Что касается Гиммлера, то беспрецедентные зверства в концентрационных лагерях, массовое истребление людей, фабрики смерти, душегубки и газовые камеры — это дело исключительно его рук, а они (подсудимые) к этому непричастны, более того, узнали об этих зверствах только на процессе.

Дошло до того, что даже ближайший помощник Гиммлера кровавый палач Кальтенбруннер имел наглость заявить, что он, видите ли, ничего не знал о зверствах гестапо. Кейтель утверждал, что ничего не слышал о массовом, заранее запланированном истреблении военнопленных. Он даже сказал тюремному психологу Джильберту: «Это ужасно. Когда я вижу такие вещи, мне стыдно, что я немец. Это все эти свиньи из СС. Если бы я знал это, я бы сказал своему сыну: «Я скорее убью тебя, чем разрешу тебе вступить в СС». Наглая ложь. Знал все досконально, и сын его был штандартенфюрером СС.

Вели себя как последние трусы. Фриц Заукель, который применял жесточайшие репрессивные меры, чтобы отправить на каторгу в рейх миллионы людей, в своем последнем слове почти рыдал: «Я заклинаю вас, господа судьи: я никогда не имел в мыслях превращать свободных людей в рабов, а также совершать преступления против международного права, правил ведения войны и законов человечности...» Всячески открещивался от соучастников: «Я происхожу из совершенно иной среды, чем лица, сидящие со мной на скамье подсудимых. В душе и мыслях своих я остался моряком и рабочим».

Заместитель фюрера Гесс разыгрывал на суде психически ненормального, нес всякую околесицу и юродствовал...

Даже здесь, на скамье подсудимых, они напоминали пауков в банке, продолжая свои распри и интриги. Шахт, к примеру, за десять месяцев процесса не обмолвился ни словом с Герингом; Кейтель подчеркнуто отодви-

гался от сидящего рядом Кальтенбруннера; Функ громко возмущался тем, что его посадили рядом «с этим выродком Штрейхером»; во время перерывов никогда к группе подсудимых, где находился Риббентроп, не приближался Нейрат.

Под ногами у них зияла пропасть, а они все еще кусали друг друга.

ПОКАЗАНИЯ КЕМПКА О БОРМАНЕ И ГИТЛЕРЕ

Когда бывший штандартенфюрер СС Эрих Кемпка появился за свидетельским пультом, многие присутствовавшие в зале рассчитывали услышать от него нечто новое не только о Бормане, но и о последних днях Гитлера. Да и начал-то Кемпка свои показания с заявления о том, что он принадлежал «к личному окружению Гитлера, а рейхслейтер Мартин Борман был косвенно его начальником». Последний раз эсэсовец видел Бормана в ночь с 1 на 2 мая 1945 года у вокзала на Фридрихштрассе, точнее, у Вейдендаммерского моста, а до этого находился в бункере Гитлера.

Кемпка. Тогдашний рейхслейтер Борман спросил меня, можно ли пробиться в районе вокзала на Фридрихштрассе. Я сказал, что это почти невозможно, так как там идут очень сильные бои. Можно ли пробиться с помощью танка, спросил он? Вскоре действительно прибыло несколько танков и бронеавтомобилей, вокруг которых образовалось несколько групп. Эти танки продвинулись через противотанковые заграждения после того, как головной танк, рядом с которым шел Мартин Борман, получил прямое попадание. Предполагаю, что из какого-то окна стреляли противотанковыми снарядами. Танк взорвался. Я был отброшен взрывом в сторону вместе с шедшим впереди меня штандартенфюрером СС Штумпфеккером и потерял сознание. Когда вновь пришел в себя, не мог ничего видеть, так как меня ослепило пламя. Затем я прополз назад к противотанковому заграждению и с того момента не видел Мартина Бормана.

Бергольд. Свидетель, вы при этих обстоятельствах видели, как Борман упал, когда возникло пламя?

Кемпка. Да. Я заметил одно движение Бормана, он как бы падал, вернее, его относило взрывом.

Бергольд. Этот взрыв был таким сильным, что, по вашим наблюдениям, Мартин Борман погиб от него?

Кемпка. Да, я определенно полагаю, что из-за этого сильного взрыва он лишился жизни.

Даже не юрист мог заметить противоправный характер задаваемых адвокатом вопросов (мы, юристы, называем такие вопросы «наводящими», и наше процессуальное законодательство их запрещает.— *Авт.*), поскольку в самом вопросе уже содержится ответ.

Обычно председательствовавший делал внушение адвокатам, когда те задавали именно такие вопросы. Так, Лоренс сказал защитнику Редера: «Доктор Зиммерс, ...вы не должны задавать наводящих вопросов, которые вкладывают свидетелю в уста все, что вы хотите услышать от него в его показаниях». Но для Бергольда при допросе Кемпка было почему-то сделано исключение. И Бергольд продолжал задавать свои «вопросы-ответы», с помощью которых было «установлено», что на Бормане было кожаное пальто, фуражка и знаки различия обергруппенфюрера СС. Затем следует заключительный аккорд: «Таким образом, вы считаете, что, если бы его тогда нашли раненым, его бы опознали по этой одежде как одного из руководящих деятелей?»

Кемпка. Конечно.

Тут адвокат, конечно, явно переиграл и, не желая того, посеял у суда сомнения в достоверности показаний Кемпка: Борман пытался скрыться, когда положение рейха было совершенно безнадежным; так зачем же ему надо было надевать знаки различия обергруппенфюрера?

Затем последовали вопросы Лоренса, члена трибунала Фрэнсиса Биддла и американского обвинителя Додда. Стали проясняться некоторые детали: Кемпка вышел из имперской канцелярии около девяти вечера и на улице встретил Бормана; в танк попал панцерфауст; с Борманом был кроме Штумпфеккера статс-секретарь министерства пропаганды Науман; никто не собирался сесть в бронеавтомобиль или танк, все шли пешком; больше Кемпка своих спутников не видел; на следующий день он выбрался из Берлина и был пленен в Берхтесгадене, резиденции Гитлера; Борман появился у Вейдендаммерского моста в 2—3 часа ночи.

Биддл. На каком расстоянии вы находились от танка, когда он взорвался?

Кемпка. Я считаю, что на расстоянии трех-четырех метров.

Биддл. На каком расстоянии от танка находился Борман во время взрыва?

Кемпка. Я предполагаю, что он держался одной рукой за танк.

Биддл. Вы говорите: «Я предполагаю». Скажите, вы видели или нет?

Кемпка. Я его не видел непосредственно у танка. Чтобы успеть за танком, я также держался за него.

Биддл. Вы рассказывали об этом еще кому-нибудь?

Кемпка. Меня три раза допрашивали американские офицеры — в Берхтесгадене, Фрейзинге и Оберурзеле, и я давал такие же показания.

Додд. Вы были вместе с Борманом в девять часов вечера в убежище имперской канцелярии?

Кемпка. Да, около девяти вечера я его видел. Когда я прощался с доктором Геббельсом, я также видел в бомбоубежище Бормана. В следующий раз я увидел его между двумя и тремя часами ночи. В имперской канцелярии нас было около 400—500 человек.

Додд. Вы ранее давали показания и говорили, что Гитлер умер. А раз вы это знаете, то вы сами должны были находиться в убежище.

Кемпка. Я уже давал показания относительно этого. Гитлер умер 30 апреля между двумя и тремя часами пополудни. Я не видел, как он умер, но видел, как Адольф Гитлер лежал на кровати, завернутый в покрывало. Я вынес из убежища тело жены Адольфа Гитлера и сжег его. Мы получили приказ: если нам удастся выбраться из Берлина, мы должны прибыть в Фербеллин. Приказ я получил от бригаденфюрера Милюнке.

Додд. Вы действительно видели Гитлера?

Кемпка. Нет, я его самого не видел, я видел покрывало, в которое он был завернут, оно было короткое, и я видел лишь его ноги, они виднелись из-под покрывала.

...О последнем убежище фюрера. Сорок ступенек вели под землю на глубину 8 метров в двухэтажный бункер под двором имперской канцелярии. Толщина железобетонных перекрытий достигала почти 5 метров. В бункере находились Гитлер, его любовница Ева Браун, Геббельс со своей семьей, начальник генерального штаба Кребс, адъютанты, секретари, личные слуги Гитлера и многочисленная эсэсовская охрана.

Офицер генерального штаба, опубликовавший анонимно заметки о своем пребывании в последней ставке Гитлера, писал о фюрере: «Это был человек, знавший, что он проиграл игру, и не имевший больше сил скрыть это. Физически Гитлер являл собой страшную картину:

он передвигался с трудом и неуклюже, выбрасывая верхнюю часть туловища вперед, волоча ноги... С трудом он мог сохранять равновесие. Левая рука ему не подчинялась, а правая постоянно дрожала... Глаза Гитлера были налиты кровью. С уголков его губ стекала слюна — жалкая и отвратительная картина».

Писатель Михаил Гус, присутствовавший на всем протяжении Нюрнбергского процесса, написал книгу очерков под названием «Безумие свастики». По этой книге четко прослеживаются последние дни фюрера, его смерть.

26 апреля. Три четверти Берлина уже в наших руках. А Гитлер все еще надеется, что 12-я и 9-я армии освободят Берлин... Вечером в бункере появляется летчица Ханна Райч, известная своей храбростью и фанатичной преданностью Гитлеру. Он приглашает ее к себе и очень тихо говорит: «Ханна, вы принадлежите к тем, кто умрет со мной. У каждого из нас есть ампула с ядом.— Он дает ампулу Ханне и продолжает: — Я не хочу, чтобы кто-нибудь из нас попал к русским в руки, и я не хочу, чтобы наши тела достались русским. Тела Евы и мое будут сожжены...» Сама Райч, не пожелавшая «последовать» за обожаемым фюрером, впоследствии вспоминала, что Гитлер являл собой трагикомическую картину: почти вслепую метался от стены к стене с бумагой в дрожащих руках; затем внезапно останавливался, садился за стол, передвигал по карте флажки, обозначавшие несуществовавшие армии. «Полностью распавшийся человек»,— констатировала Райч.

27 апреля. Гитлер, узнав, что части Советской Армии проникли в берлинское метро, приказывает открыть шлюзы реки Шпрее и затопить станцию, расположенную южнее имперской канцелярии. Приказ был выполнен, погибли тысячи раненых немецких солдат, женщин и детей.

29 апреля. Гитлер решает обвенчаться с Евой Браун. В присутствии Геббельса и Бормана как свидетелей некий Вальтер Вагнер составляет брачный контракт и совершает обряд венчания. Гитлер приглашает жену Геббельса, Кребса, своего главного адъютанта генерала Бургдорфа, просто адъютанта полковника Белова, секретарш Юнге и Вайхельт, повариху Манциали отпраздновать свадьбу. Затем он уединяется и составляет завещание... Во второй его части Гитлер исключает из партии Геринга и назначает Деница главой империи и верховным главнокомандующим. Исключает он из партии, снимает со всех постов Гиммлера. Составляет список нового

правительства во главе с Геббельсом. Поручает генералу авиации фон Грейму и Ханне Райч арестовать и уничтожить предателя Гиммлера.

30 апреля. Днем, после обеда, вдвоем с Евой Гитлер приказывает своему личному шоферу штандартенфюреру СС Кемпка доставить в сад имперской канцелярии 200 литров бензина. Гитлер с Евой выходят в комнату для совещаний, где собрались Геббельс, Борман, Бургдорф, Кребс, Аксман, обе секретарши фюрера. Он прощается с ними и закрывает за собой дверь. Геббельс и остальные выходят в коридор, прислушиваются, ждут.

Вот одна из версий того, что произошло потом.

...Выстрел прозвучал в 15 часов 30 минут. Личный камердинер фюрера Линге и Борман вошли в комнату Гитлера. Он сидел на софе в одном углу, а Ева — в другом. Перед Гитлером на столе лежал револьвер, а на полу у ног — второй. Из правого виска фюрера текла кровь.

Так рассказал Линге. Эта версия, как нетрудно видеть, должна была представить Гитлера чуть ли не как солдата, погибшего на своем посту. Но Линге лгал. Это вскоре было доподлинно установлено медицинской экспертизой. Но проследим за событиями дальше.

Борман приказывает троим эсэсовцам и Линге выполнить предсмертное распоряжение фюрера. Линге приносит заранее заготовленные одеяла, заворачивает в них тела и вместе с Кемпка и адъютантом Гитлера Гюнше выносят тела во двор [1], кладут трупы в воронку от снаряда, обливают бензином. Пламя вспыхивает, но скоро огонь ослабевает, трупы сжечь до конца не удалось. Восемь эсэсовцев кое-как закапывают трупы Гитлера и Евы вместе с двумя отравленными собаками и исчезают...

4 мая в полузасыпанной яме красноармеец И. Д. Чураков обнаружил обезображенные огнем трупы мужчины и женщины. Это были Адольф Гитлер и Ева Браун-Гитлер. Вскоре комиссия советских военных врачей произвела исследование трупа Гитлера и установила: «На значительно измененном огнем теле видимых признаков тяжелых смертельных повреждений или заболеваний не обнаружено... Во рту обнаружены кусочки стекла, составляющие часть стенок и дна тонкостенной ампулы». Комиссия пришла к выводу: «Смерть наступила в результате отрав-

[1] На процессе Кемпка, как мы помним, заявил, что он вынес во двор только тело Евы и сжег его.

ления цианистыми соединениями». Медицинская комиссия, обследовавшая труп Евы, пришла к заключению, что и ее смерть наступила от отравления.

ЕЩЕ РАЗ ОБ АДВОКАТАХ

При подборе защитников для главных нацистских преступников Международный военный трибунал сразу же столкнулся с рядом трудностей: одни адвокаты, названные обвиняемыми, были настолько замешаны в преступлениях нацистов, что сами нуждались в защите; другие, узнав, кого должны защищать, не дали согласия участвовать в процессе; третьи находились в лагерях военнопленных и т. д. В конечном счете трибунал запросил от оккупационных властей списки проживавших в их зонах адвокатов, чтобы утвердить такой состав защитников, который соответствовал бы желаниям обвиняемых и одновременно мог быть допущен для участия в таком процессе, как Нюрнбергский.

Как бы то ни было, все подсудимые получили официальных защитников, а некоторые, пользуясь тем, что трибунал разрешил адвокатам приглашать помощников, имели их даже по два, по три. Насколько этим разрешением пытались злоупотребить, видно хотя бы из того, что адвокат Мартин Хорн, защищавший Риббентропа, взял в помощники зятя подсудимого Виктора Ринке, майора, прослужившего девять лет в гитлеровских военно-воздушных силах; защитник Папена адвокат Кубушок пригласил в помощники... сына Папена; адвокат Людвиг Бабель подобрал двух помощников: Ганса Гавлика — подполковника, члена нацистской партии с 1933 года, гитлеровского прокурора и Макса Рау — эсэсовца с 1934 года. Юрисконсульт Круппа и других рурских магнатов Вальтер Баллас числился помощником то Зимерса, то Штейнабауэра, то Хорна, допрашивал Заукеля и Геринга. Розенберга защищал Альфред Тома, который в течение многих лет был судьей и обвинителем на нацистских судилищах в Нюрнберге и других городах, а с 1939 по 1941 год — военным прокурором военно-воздушных сил рейха. Адвокат Деница Отто Кранцбюллер более десяти лет занимал должность судьи в нацистском военно-морском флоте. Членами нацистской партии были адвокаты Фриц Заутер, защищавший Функа и Шираха, Курт Кауфманн, защищавший Кальтенбруннера, и некоторые другие. Адвокат Роберт Серватиус (вла-

-делец адвокатской конторы в Кёльне), защищавший в Нюрнберге руководящий состав нацистской партии, выбрал в помощники Ганса Прибилла, нациста с большим стажем (тот же Серватиус в 1960 году взял на себя защиту на судебном процессе в Иерусалиме обер-палача Адольфа Эйхмана). Рудольф Дикс, сменивший при Гитлере мантию адвоката на мундир чиновника нацистской администрации в Словакии и Польше, защищал Шахта; в последующие годы он выступал на процессах в качестве поверенного руководителей фашистской индустрии, в частности Фридриха Флика, а на позорном судилище в Карлсруэ, где решался вопрос о запрещении КПГ, был... обвинителем.

Основная тактика защиты состояла в том, чтобы всеми средствами затягивать судебное разбирательство в надежде, что в конечном счете удастся сорвать процесс. Адвокаты полагали, что политика западных держав, направленная на раскол Германии, повлечет также расхождения между обвинителями и судьями, что сделает невозможным вынесение приговора, поскольку Устав содержал категорическое требование: для признания виновным и назначения наказания необходимы голоса не менее трех членов трибунала.

Как-то в разговоре со мной писатель Ярослав Александрович Галан сказал:

— Преступники и их защитники с первого дня процесса ожидали затаив дыхание разногласий между членами трибунала и со своей стороны делали все возможное, чтобы эти разногласия вызвать. К этим стремлениям они приспособили и свою тактику: льстивые улыбки и поддакивающие движения головы были рассчитаны на английских обвинителей (особенно после фултонской речи Черчилля), а саркастические гримасы и притворная невнимательность — на советских. Прибегали адвокаты и к провокациям.

Определенным тактическим приемом немецких адвокатов были ходатайства о вызове многочисленных свидетелей. Защитник Заукеля, к примеру, пригласил 55 человек, столько же — защитник Йодля. Как правило, они были соучастниками преступлений подзащитных. Так, военный преступник фельдмаршал Мильх, бывший заместитель Геринга, должен был «свидетельствовать» о пацифизме Геринга, а военный преступник Карл Боденшатц о том, что Геринг был противником расовой дискриминации; секретарь Риббентропа Маргарита Бланк должна была под-

твердить, что ее патрон вел миролюбивую внешнюю политику; ближайший помощник Гитлера Ганс Ламмерс, приговоренный впоследствии к 20 годам тюрьмы, был приглашен адвокатом Диксом для того, чтобы тот подтвердил ложь о «политических разногласиях» между Шахтом и Гитлером. Таким путем пытались, с одной стороны, затянуть как можно дольше процесс, а с другой — облегчить участь и подсудимых и самих «свидетелей», так как последних — по крайней мере многих из них — тоже ждала скамья подсудимых.

Следует отметить также, что для некоторых адвокатов попытки затянуть процесс были продиктованы и гонорарными соображениями: по решению трибунала каждый адвокат получал за свой труд 2000 рейхсмарок в месяц, потом эта плата была увеличена до 3500 рейхсмарок, и защитник регулярно получал эту кругленькую сумму ежемесячно, вплоть до окончания процесса.

Во многих случаях в результате умелого допроса обвинителями свидетелей защиты удавалось убедительно продемонстрировать лживость их показаний, наличие организованного сговора между свидетелями и подсудимыми, в котором активное участие принимали адвокаты.

Весьма характерную в этом отношении ситуацию я наблюдал при допросе бывшего начальника штаба СА Макса Ютнера, вызванного по ходатайству адвоката в качестве свидетеля. Обвинитель задает вопрос: знает ли свидетель о том, что в 1941 году в Вильнюсе группа СА истребила 10 тысяч советских граждан? Ютнер отвечает отрицательно. Тогда обвинитель представил трибуналу письменное показание самого Ютнера, который, как вытекало из документа, был очевидцем этого массового убийства. Ютнер был изобличен.

Некоторые адвокаты заранее репетировали со свидетелями допрос, учили их, какие показания они должны давать. Правда, иной раз они забывали предупредить своих подопечных, что о самом факте репетирования неплохо было бы помолчать. От генерала Боденшатца требовалось, например, только одно: он должен подтвердить, что Далерус был на таком-то совещании. И все. Но генерал, вызвав в зале улыбки, ответил так: «Вы спрашиваете, присутствовал ли Далерус? Я знаю только, что, когда я говорил с г-ном адвокатом, он мне сказал, что Далерус там присутствовал... Далерус, очевидно, устроил это совещание. Однако впервые я узнал об этом из беседы с адвокатом г-ном Штамером...»

Прибегали адвокаты и к такого рода приемам. Риббентропа, как известно, защищал Мартин Хорн, в прошлом офицер нацистского вермахта, который служил в Норвегии, Африке. Лоренс неоднократно прерывал его выступления, потому что Хорн допускал всевозможные нарушения Устава и Регламента. Пытался, например, представить трибуналу всякого рода фальшивки, полностью их огласить, чтобы они попали в стенограмму, а копии этих фальшивок заранее передал представителям прессы. В связи с этим трибунал, по представлению обвинителей, вынес специальное решение, запрещающее прессе использовать документы до тех пор, пока они не приняты судом в качестве доказательств. В ходе процесса бывшие главари рейха через своих адвокатов стремились установить связь со своими единомышленниками как в Германии, так и вне ее. Через защитников и свидетелей Шахт взывал к банкирам Сити и Уолл-стрита; Гесс — к английским аристократам, с которыми «подружился» в Англии; Риббентроп — к Черчиллю и лорду Бивербруку.

Неоднократно адвокаты пытались запугать неугодных им свидетелей, подорвать доверие к ним. Так было при допросе Фридриха Паулюса, бывшего фельдмаршала германской армии, или тогда, когда давала показания Мари Клод Вайян-Кутюрье, вдова одного из основателей Французской коммунистической партии, депутат Учредительного собрания, награжденная орденом Почетного легиона. Она была арестована в феврале 1942 года полицией Петэна, передана нацистским палачам, которые отправили ее сначала в Освенцим, потом в Равенсбрюк. Об ужасных злодеяниях, которые в этих гитлеровских застенках творились, она и рассказала на процессе.

Стремясь подорвать доверие к показаниям свидетельницы, адвокат Нельте как будто сочувственно заявляет:

— Мне понятна ненависть этих так тяжело пострадавших людей. Страдания, пережитые ими, были настолько велики, что от них нельзя ожидать объективности.

К еще более грязному приему прибег защитник Штрейхера адвокат Ганс Маркс. Он пытался показать «некомпетентность» свидетельницы, но получил достойный отпор. Тогда он пустил в ход последнее средство, чтобы скомпрометировать Вайян-Кутюрье:

— Скажите, свидетельница, если там, в Освенциме, было так уж плохо, то почему вы вышли оттуда, почему не умерли, почему вы неплохо выглядите?

Этот омерзительный выпад против героини движения Сопротивления вызвал гул возмущения присутствовавших в зале суда.

Когда Вальтер Шрайбер давал показания о подготовке гитлеровской Германией бактериологической войны, адвокат Латернзер заявил, что свидетель пользуется шпаргалкой, составленной обвинителем. Трибуналу немедленно передали эту записку. Оказалось, что ее написал американский офицер, наблюдавший за переводом показаний свидетеля на другие языки, и в ней было написано лишь следующее: «Вы можете говорить быстрее...»

Адвокат Зимерс попытался представить суду ряд выписок из так называемых «Белых книг», сочиненных в министерстве Риббентропа и выдаваемых теперь защитником за подлинные документы: «письмо» французского генерала Вейгана из Бейрута на имя генерала Гамелена относительно подготовки «боеспособного экспедиционного корпуса» и занятия Салоник войсками союзников; «телеграмма» французского посла в Брюсселе Баргетоне о разговоре со Спааком по вопросу о командовании армиями, которые будут действовать совместно с бельгийской армией; «планы» бомбардировки французской авиацией Баку, Грозного и Майкопа с целью вывести из строя нефтепромыслы и т. д.

Советский обвинитель выступил с аргументированными возражениями против этих сомнительных материалов, почерпнутых из сомнительного источника. Трибунал согласился с обвинителем и отверг выписки «Белых книг» министерства иностранных дел рейха.

Мне особенно запомнился эпизод с допросом Эриха фон дем Бах-Зелевски. Не подлежит сомнению, что его показания по своему ужасающему впечатлению приближаются к показаниям Рудольфа Гесса — коменданта Освенцима. Если Гесс показал нацизм, так сказать, в действии, то Бах-Зелевски раскрыл корни, причины, по которым стали возможны убийства миллионов. Он показал, что в этих страшных злодеяниях участвовали не только Гиммлер и Гейдрих, Мюллер и Кальтенбруннер, но и гитлеровский генералитет, который разделял и поддерживал человеконенавистническую нацистскую идеологию.

Следует при этом отметить, что сам Бах-Зелевски принадлежал к преступной эсэсовской элите, был доверенным лицом Гитлера и ближайшим помощником Гиммлера. Обергруппенфюрер СС, он после нападения на Советский Союз был назначен высшим руководителем СС и полиции

на центральном направлении действия немецких войск и в тыловом районе этого направления, а впоследствии — начальником всех соединений по борьбе с партизанами. Так что с полным знанием дела он говорил об убийствах миллионов ни в чем не повинных людей и о том, как эти убийства готовились.

Бах-Зелевски рассказал также о тех преступных методах, которые применялись для уничтожения партизан, а заодно (под предлогом борьбы с партизанским движением) для жестоких расправ над мирным населением, о полной осведомленности о чинимых зверствах командующих фронтами и армиями вермахта — Кюхлера и Клюге, Кюблера и Бремера, Кребса и фон Вейхса, Буша и Китцингера. Он подтвердил, что «для борьбы с партизанами» формировались специальные подразделения из уголовных преступников, вроде «бригады Дюрлевангера». А когда ему задали вопрос, знало ли командование вермахта о методах «борьбы с партизанским движением», направленных на истребление еврейского и славянского населения, спокойно ответил: «Методы были общеизвестны, так что военное командование тоже должно было знать об этом». Далее Бах-Зелевски уточнил: «Это было общеизвестно, и по этому вопросу (об «излишней жестокости».— *Авт.*) не нужно было доносить особо, так как о каждом мероприятии доносилось в определенный срок и во всех подробностях...»

Присутствовавшие в зале суда были потрясены заявлением свидетеля о том, что еще в начале 1941 года Гиммлер в Везельсбурге дал установку: «Целью похода на Россию является истребление славянского населения на 30 миллионов человек». Впрочем, адвокаты Экснер, Штамер и Тома попытались использовать это признание для доказательств того, что все преступления во время войны совершались якобы только гестапо и СС, а общевойсковое командование здесь было ни при чем, что в Везельсбурге Гиммлер высказывал свои приватные взгляды, а не излагал политику «третьего рейха». Однако их попытки не увенчались успехом.

Казалось, что для защитников при данных обстоятельствах самым благоразумным было бы помолчать. Но не тут-то было. Понукаемые подсудимыми, а в особенности Герингом, адвокаты снова пошли в «атаку». Но тут сработал бумеранг, который, как известно, после броска, описав замкнутую кривую, возвращается к метателю.

Экснер. Знаете ли вы, что донесения, которые вы посылали Гиммлеру относительно мероприятий, проводимых вами, Гиммлер передавал непосредственно фюреру?

Бах-Зелевски. Разрешите мне ответить на этот вопрос более подробно (и он очень обстоятельно рассказал о постоянном контакте между его штабом и военными инстанциями, включая генеральный штаб сухопутных сил, о взаимном обмене донесениями и т. д.).

Экснер, не оценив ситуации, продолжал задавать вопросы. На один из них он получил такой ответ.

Бах-Зелевски. Господа из верховного главнокомандования вооруженными силами сами мне здесь подтверждали, будучи уже в плену, что они получали эти донесения во время обсуждения обстановки.

Бумеранг завершил свой полет. Во время перерыва Геринг неистовствовал:

— Это грязная вероломная свинья! Он ведь самый кровавый убийца, продающий свою душу, чтобы спасти свою вонючую шею.

Побагровел от злости Йодль.

— Спросите его,— воскликнул Йодль, обращаясь к своему адвокату,— знает ли он, что Гитлер представлял его нам как образцового борца с партизанами? Спросите эту грязную свинью.

«Грязную свинью» спросил адвокат Геринга. И снова сработал бумеранг.

Штамер. Известно ли вам, что Гитлер и Гиммлер особенно хвалили вас за жестокость мероприятий, которые вы проводили в отношении партизан и за которые вас и наградили?

Бах-Зелевски. Все мои награды, начиная от пряжки к железному кресту, я получил за действия на фронте от военного командования.

Тома. Считаете ли вы, что речь Гиммлера, в которой он потребовал, чтобы 30 миллионов славян были уничтожены, отражала его личное мировоззрение, или это мировоззрение, по вашему мнению, являлось вообще национал-социалистским мировоззрением?

Бах-Зелевски. ...Я считаю, что это явилось логическим следствием всего нашего национал-социалистского мировоззрения.

Тома. Сегодня?

Бах-Зелевски. Сегодня.

Тома. А какое мнение у вас было в то время?

Бах-Зелевски. Тяжело прийти немцу к такому заключению. Мне многое потребовалось для этого.

Тома. ...Как это могло случиться, что несколько дней тому назад выступал здесь свидетель Олендорф, который, давая показания, признал, что он с оперативными группами уничтожил 90 тысяч человек и что это не соответствует национал-социалистской идеологии?

Бах-Зелевски. ...У меня другое мнение по этому поводу. Если десятилетиями проповедуют, что славяне являются низшей расой, что евреи вообще не являются людьми,— неминуем именно такой результат...

Когда Бах-Зелевски, закончив показания, проходил мимо Геринга, тот прошипел, но так, что услышали все:

— Швайнехунд!

Кровь бросилась в лицо фон дем Бах-Зелевскому, но он ничего не ответил. После этого инцидента свидетелей уже не водили мимо скамьи подсудимых. Теперь их путь лежал через дверь, которой обычно пользовались переводчики. А Герингу начальник тюрьмы полковник Эндрюс прочел нотацию и в наказание лишил на неделю табаку.

Однако Геринг оказался недалек от истины, применив к Бах-Зелевскому эпитет «Швайнехунд». Этот эсэсовец действительно был кровавым палачом. Тем не менее позднее, оказавшись в Западной Германии, он с легкостью сумел избежать ответственности за свои преступления во время войны. Лишь по прошествии 15 лет его арестовали и судили в Нюрнберге. Но не за убийство сотен тысяч славян и евреев, а за то, что при подавлении так называемого «путча Рема» («ночь длинных ножей».— *Авт.*) в 1934 году он расстрелял восточнопрусского помещика фон Хоберга (который сам был эсэсовцем, но в отношении его у Гитлера имелись какие-то подозрения). Бах-Зелевского осудили всего на четыре с половиной года, зачли предварительное заключение и вскоре выпустили. И даже назначили солидную пенсию.

Кроме показаний в суде Бах-Зелевски был допрошен в Нюрнберге прокурором Польской Народной Республики Георгием Савицким. Протокол допроса, с которым мне дали ознакомиться, свидетельствовал о невероятных жестокостях, творимых фашистами в Варшаве.

Гиммлер, находившийся в начале Варшавского восстания в Познани, послал группенфюреру СС и генералу полиции Гейнцу Рейнефарту (впоследствии этот палач стал в Западной Германии бургомистром) соединения

СС и полиции, ему подчинялась «бригада Дюрлевангера». Приказ о подавлении Варшавского восстания предписывал: всех восставших после пленения расстрелять; несражавшуюся часть населения истребить; город сровнять с землей.

— Я знаю,— говорил Бах-Зелевски,— что после капитуляции в Варшаве были сожжены дома без всякой необходимости, а все ценности разграблены; то, что нельзя было вывезти из города, уничтожалось. За это, а также за жестокое обращение с женщинами и детьми особую ответственность несут губернатор Варшавского округа Людвиг Фишер и генерал-губернатор Ганс Франк.

ГАНС ГИЗЕВИУС И ДРУГИЕ СВИДЕТЕЛИ

В Нюрнберге вопрос о поджоге рейхстага специально не разбирался. Однако в ходе допроса свидетелей были зафиксированы дополнительные данные о причастности нацистских главарей к поджогу. В этом смысле определенный интерес представляют показания Ганса Берндта Гизевиуса, гестаповца с 1933 года, бывшего сотрудника прусского министерства внутренних дел. Он высказал готовность «в случае необходимости освежить в памяти Геринга все события и напомнить ему об его участии в этом преступлении».

Гизевиуса спросили, к каким результатам пришла полиция, расследуя это дело?

Гизевиус сказал:

— Я буду кратким. Мы установили, что Гитлер в общих чертах высказал пожелание о том, что хорошо было бы провести какое-нибудь крупное пропагандистское мероприятие. Геббельс взял на себя разработку такого акта. Он был первым, у кого возникла мысль о поджоге рейхстага...

Десять благонадежных штурмовиков были подготовлены для поджога...

На вопрос, что случилось с этими штурмовиками, Гизевиус ответил:

— Ни один из них не остался в живых, за исключением Гевера Хейни. Мы следили за ним. Во время войны он погиб на Восточном фронте, будучи офицером полиции.

Выступления на Нюрнбергском процессе обвинителей, допрос Геринга, показания свидетелей неопровержимо

доказывали, что рейхстаг подожгли сами нацисты, а непосредственные исполнители были в разное время убиты. В одном из свидетельских показаний говорилось, например, что в 1942 году за завтраком в офицерском клубе в ставке Гитлера в Восточной Пруссии, когда оживленно обсуждался вопрос о художественных ценностях здания рейхстага, Геринг вмешался в разговор и сказал: «Единственный, кто действительно знает рейхстаг,— это я. Ведь я его поджег».

Организованный Гитлером и его подручными 28 февраля 1933 года поджог рейхстага был сигналом для жесточайшего террора против прогрессивных сил Германии, и прежде всего против коммунистов. Прибывший удивительно быстро к горящему зданию Гитлер вопил: «Это перст божий — теперь никто не помешает нам железным кулаком уничтожить коммунистов».

Стало известно также, что еще 22 февраля, то есть почти за неделю до пожара, Геринг дал указание шефу берлинской полиции подготовить ордера на арест многих деятелей Коммунистической партии Германии, а начальник отряда штурмовиков в Берлине Карл Эрнст тогда же говорил специально отобранной группе: «В ближайшие дни будет нанесен уничтожающий удар по марксистам. Все уже подготовлено. Не хватает лишь повода. Поэтому вы должны его создать». 28 февраля было приказано арестовать Эрнста Тельмана, Вильгельма Пика и ряд других членов ЦК КПГ, а затем и всех руководителей коммунистической партии.

Бывший нацистский гаулейтер Данцига Раушнинг (порвавший с Гитлером еще до войны) в изданной в 1940 году в Цюрихе книге писал о встрече, на которой кроме него присутствовали Геринг, Гиммлер и Фрик: «Геринг рассказывал детали поджога. Тогда в партии тайна этого пожара соблюдалась... Геринг красочно рассказывал, как его «мальчики» проникли в рейхстаг по подземному ходу из его, Геринга, дворца, что они имели в своем распоряжении всего несколько минут и чуть не были обнаружены полицией. Геринг только пожалел, что не весь «сарай» сгорел. В спешке «работу» не успели довести до конца».

На суде не раз всплывали факты прямого участия Геринга в поджоге. Так, обвинитель спросил его, известны ли ему Эрнст, Хельдорф и Хейнес? Геринг ответил утвердительно и сказал, что это его люди из штурмовых отрядов. Тогда обвинитель сослался на заявле-

ние Эрнста, который признался, что они, штурмовики, поджигали рейхстаг по заданию Геринга. (Это признание было сделано, разумеется, еще до того, как вся троица была уничтожена вместе с другими поджигателями.)

Обвинитель попросил Гизевиуса вкратце описать события, которые предшествовали 30 июня 1934 года, дню «путча Рема».

Гизевиус отвечал в том смысле, что никакого «путча Рема» вообще не было, а был путч Гитлера, Геринга, Геббельса и Гиммлера. «Я обрабатывал это дело в полицейском отделе министерства внутренних дел и те распоряжения, которые были даны Гиммлером и Герингом по радио всей имперской полиции, попали ко мне,— говорил Гизевиус.— Правда, Геринг распорядился немедленно сжечь все документы, относящиеся к 30 июня, однако я их не сжег и спрятал. Могу заявить, что 30 июня штурмовики не сделали ни одного выстрела. Не хочу оправдывать этим руководителей штурмовых отрядов. 30 июня не погиб ни один из них, который бы не заслужил смерти на любом судебном процессе».

Представленные обвинителями документы, а также показания Гизевиуса опровергли легенду о «путче Рема». В действительности, как выяснилось на процессе, дело обстояло так.

Акция против штурмовиков была проведена Гитлером как «превентивная мера», преследовавшая ряд целей. Она должна была сплотить нацистскую партию вокруг фюрера, «преподать урок» недовольным и успокоить немецкие монополии, от которых в конечном счете в то время зависела судьба фашистской диктатуры. Эта расправа призвана была также обеспечить Гитлеру полную поддержку рейхсвера, который оставался главной опорой милитаристов и еще обладал тогда некоторой независимостью: кадровые военные видели в армии штурмовиков своих соперников. И, наконец, Гитлер избавлялся от Рема, который был одним из немногих нацистских главарей, «законно» претендовавших на первые роли в государстве и партии. Честолюбивый Рем, опиравшийся на громадную армию штурмовиков, был по-настоящему опасен фюреру. К тому же в рядах штурмовиков пользовалась популярностью социальная демагогия нацистов, которая после захвата ими власти явно была ни к чему.

Что касается генералитета германской армии, то его помощь Гитлеру в борьбе с Ремом была, можно сказать,

обещана заранее. 29 июня 1934 года генерал Бломберг опубликовал в центральном органе нацистской партии «Фелькишер беобахтер» статью, в которой гарантировал Гитлеру полную поддержку рейхсвера. И это не было только «доброй волей» генерала, который не мог не знать, что днем ранее, 28 июня, под предлогом участия в свадьбе гаулейтера Тербовена (впоследствии палача норвежского народа) Гитлер побывал в Эссене, где встретился с Круппом и Тиссеном и еще раз заручился поддержкой магнатов крупной промышленности.

30 июня 1934 года состоялось массовое избиение штурмовиков, а также тех членов нацистской партии, которые числились в «оппозиции» по отношению к фюреру. Вспоминая в Нюрнберге о том дне, Вильгельм Фрик говорил Джильберту: «Множество людей... были казнены... Они их просто убивали на месте. Убивали даже тех, кто никакого отношения не имел к путчу. Это были люди, которых просто не любили, например Шлейхер, бывший имперский канцлер. Его жена тоже была убита». Фрик не назвал число убитых. Это сделала «Белая книга о расстрелах 30 июня 1934 г.», опубликованная осенью того же года в Париже. Основываясь на документах, она назвала цифру 1184 человека. Были уничтожены, в частности, лидер католической оппозиции доктор Клаузнер, Грегор Штрассер — старый соперник Гитлера по руководству фашистским движением в Германии, престарелый буржуазный политический деятель фон Карр, который в качестве премьер-министра Баварии двинул войска и полицию против участников «пивного путча» 9 ноября 1923 года. Среди убитых были также видные представители военщины — генералы Шлейхер и Бредов, вынашивавшие в 1932—1933 годах планы установления в стране военно-фашистской диктатуры без Гитлера. Этот список можно было бы легко продолжить.

Гизевиус в своих показаниях привел ряд фактов, изобличавших Кальтенбруннера. Он заявил, например, что с приходом в РСХА Кальтенбруннера (после смерти Гейдриха) в гестапо и СД стали применяться еще более садистские приемы пыток, вовсю заработали средства массового истребления людей. Ежедневно под председательством Кальтенбруннера происходили совещания, в которых детально обсуждались новые способы пыток и техника убийства в концлагерях.

Большое место в своих показаниях Гизевиус уделил Кейтелю. Он, в частности, заявил:

— Начиная с первых еврейских погромов Кейтель был самым подробным образом информирован о всех подобных «акциях»; он был осведомлен о создании первой газовой камеры, о первых массовых могилах на Востоке, о сооружении «фабрик смерти»; Кейтель знал о злодеяниях в Польше и других оккупированных странах. В первую очередь я должен назвать те ужасы, которые имели место в России. Я знаю, что такие приказы, как, например, о расстреле комиссаров, подготавливались в штабе верховного командования вооруженных сил.

Надо сказать, что Гизевиус пытался представить себя на процессе чуть ли не борцом против крайних проявлений фашизма. Если ему верить, то он даже собирал материал о преступлениях гестапо, о зверствах в концентрационных лагерях, с тем чтобы впоследствии вывести на чистую воду гитлеровских изуверов. Всячески выгораживал Гизевиус и сотрудников управления военной разведки и контрразведки (абвера) во главе с адмиралом Вильгельмом Канарисом. Тем же самым занимались и некоторые другие свидетели, например ближайший сподвижник Канариса генерал Эрвин Лахузен. И это, как ни странно, встречало плохо замаскированную поддержку со стороны американского обвинителя Джона Эймена (о чем можно было судить по характеру его вопросов), не говоря уже об адвокатах.

Вот что говорил, к примеру, Лахузен в своих показаниях о Канарисе: «Мы, тогдашние руководители военной разведки, объединялись Канарисом. Он был главным лицом, идеологическим вождем двух групп, созданных внутри управления разведки и контрразведки, которые находились в оппозиции к нацистам и противодействовали им». Канарис, оказывается, «ненавидел всякое насилие, а поэтому ненавидел войну, Гитлера, его систему и его методы». Если поверить Лахузену, то все начальники отделов и старшие офицеры гитлеровского абвера тоже были в оппозиции к режиму, а Канарис даже запретил принимать на работу национал-социалистов. Более того, получив от Кейтеля приказ подготовить убийство французских генералов Вейгана и Жиро, Канарис запретил выполнять этот приказ.

Чем объясняется эта ретивость свидетеля и главное — непонятное на первый взгляд его взаимопонимание с американским обвинителем? Ведь Канарис и возглавляемый им абвер сыграли далеко не последнюю роль в развязывании и ведении войны против антигитлеровской коалиции?

Дело в том, что Канарис с первых дней своей работы в абвере установил тайные контакты с правящими кругами Англии, а позднее и США. Эти связи особенно тесно поддерживались во время второй мировой войны, в особенности через Аллена Даллеса с американской разведкой, что, впрочем, не мешало Канарису вести подрывную деятельность против США и Англии, используя для этого все имевшиеся в его распоряжении средства. Он сыграл важную роль в вероломном нападении на СССР. Он безжалостно истребил сотни людей. Но Канарис — это хорошо знали в Лондоне и Вашингтоне — ненавидел Советский Союз, страшился революционных потрясений в Германии в случае поражения Гитлера в войне. Поэтому он все время искал пути для контактов за границей (как и внутри самой Германии) с теми силами, которые готовы были после падения Гитлера сохранить германский империализм. Именно на этой почве сошлись интересы Канариса и определенных кругов Вашингтона и Лондона. Именно поэтому кое-кто стремился на Нюрнбергском процессе обелить адмирала, казненного Гитлером за участие в заговоре против него. Как это делалось? Вот типичный пример.

Лахузен рассказал о совещании у начальника управления по делам военнопленных генерала Германа Рейнеке, состоявшемся летом 1941 года, на котором присутствовал и начальник гестапо Мюллер. Совещание должно было разработать меры по выполнению приказов верховного главнокомандования об убийстве попавших в плен советских политработников, а также о выявлении и отборе для последующей казни «носителей большевистского мировоззрения». Рейнеке так «обосновал» появление этих приказов: это война двух мировоззрений — национал-социалистского и большевистского; красноармеец не рассматривается как солдат в обычном смысле слова, как это понимается в отношении западных противников. Лахузен упомянул также о приказе клеймить советских военнопленных раскаленным железом.

Эймен. Какую позицию Канарис и вы занимали в связи со всеми зверствами?

Лахузен. Мы решительно протестовали, и наши протесты передавали Кейтелю и Йодлю.

Этот ответ вполне удовлетворил обвинителя США...

Весьма деятельное участие принимал абвер в войне против Советского Союза. Бывший начальник 3-го отдела абвера генерал-лейтенант Франц фон Бентивеньи показал,

например, что о подготовке нападения на Советский Союз он узнал в августе 1940 года от Канариса. Тот сообщил, что Гитлер приступил к проведению мероприятий для осуществления похода на Восток, что соединения германских войск в большом количестве перебрасываются с запада к восточным границам и размещаются на исходных позициях предстоящего вторжения в Россию. Канарис в свою очередь предложил начать подготовку к нападению на Советский Союз по линии абвера и дал конкретные задания на этот счет.

Бывший начальник 1-го отдела абвера генерал-лейтенант Ганс Пиккенброк заявил, что в конце декабря 1940 года он вместе с Канарисом был на очередном докладе у Кейтеля в Берхтесгадене. После доклада Йодль пригласил его и Канариса в свой кабинет и объявил, что летом 1941 года Германия будет воевать с Россией. В январе 1941 года Канарис сообщил Пиккенброку, что нападение на Советский Союз назначено на 15 мая. Из неоднократных докладов Лахузена адмиралу Канарису было известно, что по линии отдела Лахузена проводилась большая подготовительная работа к войне с Советским Союзом.

Заместитель Лахузена полковник Эрвин Штольце сообщил, что в марте или апреле 1941 года ему стало известно от своего непосредственного начальника, что предстоит нападение на Советский Союз. В связи с этим он, Штольце, должен организовать и возглавить специальную группу под условным наименованием «А», которая будет готовить диверсионные акты в советском тылу. Лахузен ознакомил его также с указаниями Кейтеля и Йодля: при проведении подрывной работы против СССР использовать агентуру для разжигания вражды между народами СССР.

Выполняя эти указания, Штольце связался с находившимися на службе германской разведки украинскими националистами и привлек их к выполнению указанных выше задач. В частности, он лично дал указание руководителям украинских националистов — германским агентам Мельнику (кличка Консул-1) и Бандере организовать сразу же после нападения на Советский Союз провокационные выступления на Украине с целью подрыва ближайшего тыла советских войск.

Эрвин Штольце и Лахузен подготовили также специальные диверсионные группы для действий в Прибалтийских советских республиках. Так, германской агентуре,

предназначенной для заброски в Литву, была поставлена задача захватить железнодорожный туннель и мосты близ г. Вильно, а диверсионным группам в Латвии — захватить мосты через Западную Двину. С теми же целями была подготовлена специальная воинская часть — полк особого назначения «Бранденбург-800», подчиненный непосредственно Лахузену. Вопреки международным правилам ведения войны личный состав этого полка для маскировки широко использовал обмундирование и вооружение Красной Армии; командование полка организовывало отдельные отряды из немцев, знавших русский язык.

Приведенные показания позволяют констатировать следующие важные обстоятельства: Канарис и его окружение активно проводили в жизнь преступные планы нацистской верхушки; военное руководство гитлеровской Германии причастно к фашистским злодеяниям против мирного населения и военнопленных.

Ценные в этом отношении показания дал также главарь СД (службы безопасности), член нацистской партии с 1925 года, эсэсовец Отто Олендорф. Мы уже упоминали о нем, когда говорили о Функе и Денице: у Функа он был заместителем в имперском министерстве экономики, а Дениц включил его в состав «кабинета» в качестве министра.

Олендорф заявил, что за две недели до нападения на Советский Союз между ведомством Гиммлера, верховным командованием вооруженных сил и командованием сухопутных войск было заключено письменное соглашение о том, что при армиях или группах армий будут состоять уполномоченные представители начальника полиции безопасности и СД, имеющие под своим командованием специальные подразделения — эйнзатцгруппы, которые подразделяются на эйнзатцкоманды. С июня 1941 по 1942 год Олендорф возглавлял эйнзатцгруппу «Д», которая на юге Украины уничтожила около 90 тысяч человек, в том числе женщин, стариков и детей. Эта эйнзатцгруппа состояла при 11-й армии, которой вначале командовал фон Шоберт, а потом фон Манштейн. Оба полностью были в курсе дел эйнзатцгруппы «Д» и ее эйнзатцкоманд. В конце лета 1941 года Гиммлер был в Николаеве. Он созвал руководителей и членов эйнзатцкоманд, которым объявил, что за истребление людей они не несут никакой ответственности, ее несут он и Гитлер. Весной 1942 года из Берлина прислали несколько специальных автомобилей — «душе-

губок», предназначенных для удушения людей газом, преимущественно женщин и детей.

Начальник VI управления главного имперского управления безопасности бригаденфюрер СС Вальтер Шелленберг подтвердил показания Олендорфа и отметил, что «сотрудничество» армии с полицией безопасности и СД по истреблению людей было хорошим, а в отдельных случаях, как, например, с 4-й танковой группой, которой командовал генерал-полковник Эрих Геппнер, очень хорошим. (Геппнер имел непосредственное отношение к массовым убийствам, совершенным эйнзатцгруппой «А» под командованием бригаденфюрера СС Франца Шталекера — на ее счету жизни многих тысяч беззащитных людей.) В заключение Шелленберг заявил: «Упомянутое выше тесное сотрудничество между командованием армиями и эйнзатцгруппами в составе действующих армий приводит меня к твердому выводу, что верховное командование вооруженными силами еще до начала русской кампании осведомило командующих армейскими группами и армиями о предстоящих задачах эйнзатцгрупп и эйнзатцкоманд полиции безопасности и СД, включая планомерное массовое истребление евреев, коммунистов и всех других элементов сопротивления».

После окончания процесса главных нацистских военных преступников Шелленберг был приговорен в Нюрнберге к шести годам тюрьмы, но не отсидел и половины срока: американцы досрочно выпустили его из тюрьмы «по состоянию здоровья».

О том, что эйнзатцгруппы были созданы с согласия верховного командования вооруженными силами и во время боевых операций они подчинялись командующим воинских соединений, которым они были приданы, заявил трибуналу и группенфюрер СС, один из главарей СД — Карл Рудольф Вернер Бест [1].

Мифы о непричастности гитлеровского генералитета к массовому, заранее запланированному истреблению миллионов женщин, стариков и детей были окончательно развеяны.

---

[1] После краха рейха он был судим и приговорен к смертной казни, но вскоре помилован; в 1951 году выпущен американцами из тюрьмы, а через непродолжительное время стал в ФРГ консультантом по правовым вопросам концерна «Гуго Стиннес».

НА ПЕРВЫХ СТАДИЯХ ЗАГОВОРА

Только припомнив, что происходило в Германии в период между 1933 и 1939 годами, можно представить себе истинные пружины и масштабы злодеяний, совершенных нацистами на оккупированных территориях Европы.

Выступавший на Нюрнбергском процессе американский обвинитель доктор Олдерман убедительно показал, что террористический режим в Германии являлся составным элементом в планах германских милитаристов подготовки войны. Он сказал: «Вся потрясающая история того, что происходило в Германии в самых разных стадиях заговора: использование идеологии, террор, преследование человеческой свободы, производившиеся при захвате власти, и даже концентрационные лагеря и преступления против человечности, преследования, пытки, убийства — все это имело бы небольшое значение в аспекте международной юриспруденции, если бы не тот факт, что все это входило в подготовку агрессии против миролюбивых соседних наций».

Преступления в «третьем рейхе» стали буднями его правителей, чиновников, офицеров и солдат. В 6 тысячах нацистских учреждений, организаций и лагерей состояло свыше 100 тысяч палачей разных степеней и рангов. Холодный расчет руководил организаторами всей этой системы, в нее входили все звенья государственного и партийного аппарата фашистской Германии. Главари рейха поощряли и разжигали расовую ненависть, объявили немцев «расой господ» и ставили своей конечной целью завоевание мирового господства.

При активном участии престолонаследника фюрера Рудольфа Гесса проводились в жизнь нюрнбергские законы, стоившие жизни 6 миллионам людей. В целях ограждения «чистоты расы» началось проведение массовой стерилизации и кастрации; о масштабах этой преступной акции можно судить по тому факту, что лишь в одной Тюрингии после разгрома рейха было обнаружено свыше 100 тысяч дел о стерилизации.

Готовясь к «большой войне», нацистские заговорщики замыслили и осуществили изуверскую программу «Эвтаназия». Ее цель — избавиться от «лишних ртов». В июле 1939 года группу врачей пригласили в имперскую канцелярию и предложили принять участие в умерщвлении «душевнобольных определенного рода» по всей Германии. Была детально разработана технология «легкой смерти».

Но первоначальный проект показался Гитлеру недостаточно масштабным. 1 сентября он письменно поручил рейхслейтеру Боулеру и своему личному врачу «доктору медицины» генерал-лейтенанту СС Карлу Брандту расширить программу «легкой смерти», чтобы освободиться не только от «бесполезных едоков» — стариков, больных-хроников, но и от новорожденных детей, не подходящих под нацистский стандарт, а заодно от некоторых политических противников. Специальные медицинские учреждения для умалишенных вместе со всем персоналом велено было передать военному ведомству.

Для осуществления программы был разработан особый «метод отбора», начали действовать новые организации: «Имперское общество лечебных и подшефных заведений» и «Имперский общественный фонд попечительских заведений». Первая рассылала в лечебницы опросные листы и по ним отбирала кандидатуры; вторая осуществляла «акции» в специальных заведениях, которые были оборудованы печами для сжигания трупов и специальным инвентарем. «Врачи-эксперты» заочно, без всякого осмотра, приговаривали больных к смерти. Приговоры были предельно лаконичными: «да», «нет», «сомнительно». Уже в декабре 1939 года провели пробную «Эвтаназию»: отобранных удушили окисью углерода, который пускали по специальным трубам в бутафорские душевые. И конвейер смерти заработал. Сперва в Германии, а затем под кодовым названием «акция Т-4» в многочисленных фабриках смерти на оккупированных территориях.

Как было установлено на Нюрнбергском процессе, только за один год в Германии было умерщвлено не менее 275 тысяч человек. В десятки раз больше погибло потом в Освенциме, Майданеке, Треблинке и других нацистских застенках. Под видом больных зачастую забирали здоровых людей, неугодных властям, и отправляли на мучительную смерть.

Гитлеровская программа «Эвтаназия» разрабатывалась на протяжении ряда лет. В 1935 году штутгартский медик Килингер издал сочинение, в котором обосновывался вывод, что государству невыгодно содержать неизлечимых больных и их следует уничтожать. «Доктор медицины» Карл Брандт говорил: «Во время войны бесполезные люди должны исчезнуть, уступив место воюющим». Эта первая из многих фашистских программ «расовой гигиены» положила начало растлению медицины «третьего рейха».

Впрочем, в рейхе растлили не только медицину — самую гуманную профессию. В своем выступлении на процессе в Нюрнберге мне удалось показать, что нацисты подавляли и извращали науку в целом. Вместо общепризнанной объективной истины критерием немецко-фашистской «науки» была объявлена «плодоносность», то есть полезность гитлеровскому государству. Наука, не отвечающая требованиям гитлеровцев, искоренялась, а представители ее уничтожались.

Имея в виду единственную цель — подготовку, развязывание и ведение агрессивных войн, гитлеровские заговорщики и науку подчинили этому. Они допускали и поощряли развитие только прикладных наук, необходимых для ведения войны, для массового истребления и калечения людей. Они пытались растлить всю нацию, а тех, кто сопротивлялся этому, всячески преследовали и в конце концов загоняли за колючую проволоку фабрик смерти. «Мы хотим,— говорил Гитлер,— произвести отбор слоя новых господ, чуждого морали, жалости, слоя, который будет сознавать, что он имеет право на основе своей лучшей расы господствовать, слоя, который сумеет установить и сохранить без колебаний свое господство над широкой массой». И так думал не только фюрер. Густав Крупп в проекте своей речи, подготовленной для выступления в Берлинском университете 9 января 1944 года, писал, что германские промышленники «рассматривали великие намерения фюрера как свои собственные... и стали его верными последователями».

Руководящие силы германского финансового капитала понимали, что реализация их захватнических планов не ограничится походом на Восток, а приведет к общеевропейской войне, которая перерастет в военное столкновение в мировом масштабе, включая сюда Соединенные Штаты.

На процессе в Нюрнберге американский обвинитель Сидней Олдерман, представляя доказательства по разделу «Германское сотрудничество с Италией и Японией, агрессия против США», отметил:

— Мы видим, как нацисты силой оружия пронесли свастику милитаризованной тоталитарной Германии во все четыре конца Европы. Части заговора, которые я сейчас собираюсь подвергнуть рассмотрению, отбрасывают мрачную тень нацистских планов на всемирный экран. Агрессивная война, которая была спланирована в Берлине и начата вторжением через границы Польши, затрагивает и Соединенные Штаты Америки.

Первым формальным соглашением между гитлеровской Германией и милитаристской Японией был «Антикоминтерновский пакт», подписанный в Берлине в ноябре 1936 года. Через год к нему присоединилась Италия. «Ось Берлин — Токио» превратилась в «треугольник Берлин — Рим — Токио».

27 сентября 1940 года Германия, Италия и Япония подписали в Берлине так называемый «Тройственный пакт», который нагло объявил миру о том, что руководители трех держав вступили в военный союз для достижения господства над всем миром и установления в нем «нового порядка».

Сидней Олдерман огласил выдержку из записи беседы от 31 января 1939 года между Гиммлером и японским послом в Берлине Осима: «Мы обсудили заключение договора, предназначенного для дальнейшей консолидации треугольника Германия — Италия — Япония и придания ему законченной формы. Он (Осима) также сказал мне, что вместе с германской контрразведкой проводит меры, рассчитанные на длительное время вперед. Цель этих мер — расчленение России, которое должно начаться с Кавказа и Украины».

В 1936 году финансовые и промышленные воротилы вкупе с военщиной и главарями «третьего рейха» разработали так называемый «четырехлетний план», ставший важнейшим звеном в замыслах германского империализма по подготовке агрессивных войн. Возглавил «четырехлетний план» Геринг, рука об руку с ним действовал Шпеер. В самый канун второй мировой войны — 30 августа 1939 года — декретом Гитлера был учрежден «совет министров по обороне империи». Этот орган предназначался уже не для подготовки — таковая была в основном закончена,— а для самого ведения войны. Вторая мировая война началась после нападения фашистской Германии на Польшу. До этого не без помощи Франции и Англии, при попустительстве США были уже оккупированы Австрия и Чехословакия.

ФАШИЗМ В ДЕЙСТВИИ

О захвате Австрии и Чехословакии, агрессии против Польши и Югославии на Нюрнбергском процессе был представлен исключительно большой материал, на основе которого написано немало произведений. Остановлюсь лишь на некоторых аспектах, наиболее важных, с моей точки зрения.

Вторжение в Австрию стало первым шагом нацистов по пути захвата так называемого «жизненного пространства», прелюдией к другим агрессивным актам в Европе. Факт захвата Германией с помощью австрийских фашистов соседнего государства был четко зафиксирован на Нюрнбергском процессе:

— Австрия была фактически захвачена Германией в марте 1938 г. В течение многих лет нацисты Германии сотрудничали с нацистами Австрии, которые возглавлялись Артуром Зейсс-Инквартом, для того чтобы добиться конечной цели — включения Австрии в состав Германии. К сожалению, к документам международного трибунала не было приобщено весьма примечательное заявление представителя американского правительства, в котором, в частности, указывалось, что «США ничего не собираются предпринимать в связи с этим», то есть в связи с оккупацией Австрии. Не фигурировало там и высказывание американского сенатора Швелленбаха в речи по радио: «По всей вероятности, после захвата Австрии он (Гитлер) устремится в Чехословакию, Румынию, Венгрию и затем на Украину». Это высказывание трудно рассматривать иначе как подталкивание фашистских агрессоров в том направлении, в каком хотелось бы сенатору и тем кругам в США, которых он представлял. Гитлера подталкивали к походу на Восток.

Эта политика западных держав нашла яркое проявление в мюнхенском сговоре, в результате которого сначала Судетская область, а потом и вся Чехословакия были отданы на съедение фашистской Германии. «Именно империалисты США, Англии и Франции, вопреки национальным интересам своих народов, истратили многие миллионы долларов на то, чтобы помочь германским монополистам вскормить гитлеризм, вооружить фашистские полчища. Именно они поощряли гитлеровских агрессоров в их притязаниях на Австрию и Чехословакию, толкая их все ближе к советским границам, отвергая все предложения Советского Союза об объединенном отпоре фашистским захватчикам».

История показала, насколько безрассудной и опасной была эта политика.

В Берлине приступили к рассмотрению дальнейших планов агрессии. 23 мая 1939 года было созвано совещание в кабинете Гитлера. Сохранился протокол этого совещания, который и был представлен трибуналу. Вот выдержки из него. «Польша,— говорил Гитлер,— всегда будет на сто-

роне наших противников. Речь идет не о Данциге. Речь идет для нас о жизненном пространстве на Востоке и обеспечении продовольственного снабжения, о разрешении балтийской проблемы... Польская внутренняя сила сопротивления большевизму стоит под сомнением. Отсюда ясно, что Польша в качестве барьера против России представляет собой весьма сомнительную ценность... О пощаде Польши не может быть и речи. Перед нами стоит задача атаковать Польшу при первой же возможности... Наша задача заключается в том, чтобы изолировать Польшу... Конфликт с Польшей, начиная с нападения на нее, будет успешно разрешен в том случае, если западные державы останутся вне его. Если это невозможно, что лучше напасть на западные державы, при этом также прикончить Польшу».

Гитлеровцы стали искать предлог для оправдания агрессии, готовить серию провокаций, одна из которых была осуществлена в Глейвице, на немецко-польской границе.

Правда о «польском нападении» на радиостанцию в Глейвице обнаружилась на процессе в Нюрнберге. Непосредственный исполнитель этой акции Альфред Хельмут Науйокс дал свои показания Международному военному трибуналу:

— Между 25 и 31 августа я посетил Генриха Мюллера, главу гестапо, который находился в это время вблизи города Оппельна. Он и некий Мельхорн обсудили в моем присутствии план организации пограничного инцидента, смысл которого состоял в том, чтобы инсценировать нападение поляков на немцев... Для этого следовало предоставить в мое распоряжение исполнителей — немцев численностью около роты. Мюллер сказал также, что он направит мне человек 12—13 приговоренных к смерти преступников, которых оденут в польскую форму. Этих людей следует убить и оставить на месте инцидента, чтобы создалось впечатление, будто они уничтожены в ходе перестрелки. Для верности преступникам будут заранее сделаны смертельные инъекции — врача пришлет Гейдрих, а уж потом мы должны изрешетить их пулями. После окончания всей операции Мюллер намеревался собрать на «поле боя» представителей прессы и свидетелей, в присутствии которых власти будут составлять полицейский протокол.

Далее в показаниях Науйокса говорится и о самой провокации:

— 31 августа днем Гейдрих передал по телефону пароль и сказал, что операция должна начаться в 8.00 вечера того же дня. Кроме того, Гейдрих велел связаться с Мюллером. От Мюллера Науйокс получил труп неизвестного человека[1] и положил его у входа в здание радиостанции. Никаких пулевых ранений,— говорил Науйокс далее,— я не обнаружил, но лицо преступника было вымазано кровью. Он был одет в гражданское платье. Мы заняли, как было приказано, радиостанцию и передали в эфир речь минуты на три-четыре. Операция сопровождалась несколькими выстрелами из пистолетов в воздух.

Итак, «предлог» был создан. На следующий день, 1 сентября 1939 года фашистские войска двинулись через немецко-польскую границу. Вторая мировая война началась...

Международному военному трибуналу советский обвинитель Ю. В. Покровский представил обнаруженные в архивах МИД Германии заметки Мартина Бормана о совещании у Гитлера 2 октября 1940 года, на котором обсуждались вопросы об обращении с поляками и доклад генерал-губернатора Франка. Последний доложил фюреру, что «его деятельность можно назвать чрезвычайно успешной: евреи в Варшаве и других городах заперты в гетто, Краков в скором времени будет очищен от них».

Затем состоялся обмен мнениями, результаты которого Борман зафиксировал как указания Гитлера. Фюрер подчеркнул, что поляки рождены специально для тяжелой работы; жизненный уровень в Польше должен быть низким; генерал-губернаторство является источником рабочей силы для неквалифицированных работ; нет предпосылок к тому, чтобы губернаторство стало самостоятельной хозяйственной областью; для поляков должен существовать только один господин — немец; должны быть уничтожены все представители польской интеллигенции; генерал-губернаторство является большим рабочим лагерем; будет правильным, если поляки останутся католиками; польские священники будут получать пищу, за это они станут направлять своих «овечек» по желательному для фюрера пути.

Исчерпывающая ясность этого документа делает ненужными какие-либо комментарии к нему.

---

[1] Очевидно, в последнюю минуту режиссеры глейвицкой провокации решили удовлетвориться только одной мнимой «жертвой».

За период немецко-фашистской оккупации в Польше были совершены страшные злодеяния. Вследствие агрессии и истребительной политики гитлеровцев погибло 6 028 000 человек: 644 тысячи — вследствие непосредственных военных действий и 5 миллионов 384 тысячи — в результате террора оккупантов. Среди жертв — 2 миллиона польских детей.

Международный военный трибунал в своем приговоре записал:

— Трибунал считает полностью доказанным, что война, начатая Германией против Польши 1 сентября 1939 года, была явно агрессивной войной, которая не могла впоследствии не превратиться в войну, охватившую почти весь мир, и обусловила совершение бесчисленных преступлений как против законов и обычаев войны, так и против человечности.

После Польши гитлеровской агрессии подверглись многие другие страны, среди них — Югославия. О нападении на нее говорил на Нюрнбергском процессе Главный обвинитель от СССР. Гитлеровское правительство, сказал он, неоднократно давало лживые заверения в том, что Германия не имеет агрессивных планов в отношении Югославии. Несмотря на это, нацистская армия 6 апреля 1941 года вторглась в Югославию и оккупировала ее.

Незадолго до этого, 27 марта 1941 года, как отмечалось на процессе, Гитлер провел специальное совещание о положении в Югославии. В тот же день им была подписана заранее заготовленная совершенно секретная директива, предназначенная только для высшего командного состава вооруженных сил рейха, в которой было сказано: «Мое намерение заключается в том, чтобы концентрированными ударами вторгнуться в Югославию из района Фиуме-Грац и Софии с общим направлением на Белград и южнее как с целью нанесения решающего поражения югославским войскам, так и с тем, чтобы отрезать южную часть Югославии от всей страны и превратить ее в плацдарм для продолжения германо-итальянских операций против Греции [1]... Как только закончится сосредоточение достаточных сил и позволят метеорологические условия, все югославские наземные сооружения и Белград должны быть уничтожены непрерывными дневными и ночными налетами авиации... Политически важно, чтобы удар по Юго-

[1] План захвата Греции и Югославии носил название «Операция Марита».

славии был нанесен со всем ожесточением, а военный разгром ее должен последовать молниеносно».

Королевская Югославия действительно не смогла противостоять агрессору. Но народ не смирился с поражением. По призыву Коммунистической партии Югославии он поднялся на борьбу против оккупантов и мужественно вел ее до победы. В Нюрнберге отмечалось, что гитлеровцы установили в стране жестокий террористический режим. Обычным явлением стали массовые расстрелы (по приказам за подписью Кейтеля и Йодля за каждого убитого на оккупированной территории немца подлежали казни 100 заложников), принудительные выселения, заключение в концентрационные лагеря, карательные экспедиции и сотни других актов планомерного уничтожения народов Югославии, что повлекло, как отметил советский обвинитель, смерть 1650 тысяч мужчин, женщин и детей.

Жестоко расправлялись гитлеровцы с населением и других оккупированных ими стран Европы — Греции и Нидерландов, Бельгии и Люксембурга, Норвегии и Франции...

КОМУ НУЖНА ГАЛЬВАНИЗАЦИЯ МИФА О «ПРЕВЕНТИВНОЙ» ВОЙНЕ?

Адольф Гитлер в книге «Майн кампф» писал: «Если мы хотим приобрести новую территорию в Европе, то это может быть сделано в основном за счет России, и опять новая германская империя должна следовать по стопам тевтонских рыцарей. Но на этот раз земли для германского плуга будут приобретены германским мечом...»

22 июня 1941 года фашистская Германия, вероломно нарушив договор о ненападении, внезапно, без объявления войны обрушила на нашу Родину удар огромной силы. Навязанная Советскому Союзу война была самым крупным вооруженным выступлением ударных сил мирового империализма против социализма. Она в отличие от предыдущих агрессивных актов фашизма преследовала особые, классовые интересы — уничтожить первое в мире государство рабочих и крестьян.

Мы, советские обвинители, располагали многими важными документальными доказательствами подготовки и осуществления фашистской Германией агрессии против нашей страны. В их числе был дневник бывшего началь-

ника генерального штаба сухопутных войск рейха генерал-полковника Франца Гальдера, принимавшего непосредственное участие в разработке планов нападения на Советский Союз. Из его записей ясно видно: германскому командованию было доподлинно известно, что СССР не питает никаких агрессивных замыслов в отношении Германии. 14 августа 1939 года он писал: «Россия не собирается таскать каштаны из огня, ожидать от войны ей нечего». Запись 15 октября 1940 года: «Невероятно, чтобы Россия выступила против нас». Некоторое время спустя Гальдер отмечает: «Россия. Ее поведение беспокойства не вызывает». Эти и другие представленные Международному военному трибуналу доказательства неоспоримо устанавливали, что Советский Союз не собирался нападать на Германию. Это же подтвердил на допросе и Ион Антонеску, бывший румынский диктатор. При встрече с ним Гитлер подчеркнул, что «находящаяся в его распоряжении информация свидетельствует о том, что Советский Союз не намерен воевать против Германии или Румынии». Такая же оценка содержалась в официальных донесениях германского посла в Москве, в которых сообщалось, что Советский Союз будет воевать только в том случае, если на него нападут.

Не менее убедительные документы свидетельствовали о том, что именно нацистская Германия готовилась напасть на СССР. В директиве верховного командования от 6 сентября 1940 года указывалось: «Деятельность на Востоке не должна создавать впечатления в Советском Союзе, что подготавливается наступление. В последующие недели количество войск на Востоке должно быть сильно увеличено». 12 ноября того же года в директиве Гитлера указывалось: «Подготовительные меры для ведения войны в ближайшем будущем должны... продолжаться. Дальнейшие указания будут даны, как только общие оперативные планы сухопутных войск будут представлены и утверждены мною». Через несколько недель на совещании начальник генерального штаба Гальдер доложил Гитлеру о готовности планов предстоящих операций против СССР. Отчет об этом совещании содержался в представленной трибуналу объемистой папке трофейных документов, названных приложениями к плану «Барбаросса». После доклада Гальдера фюрер заявил: «Самая главная цель — предотвратить отступление русских сомкнутым фронтом. Продвижение на Восток должно быть комбинированным до того, как русские военно-воздушные

силы потеряют возможность нападать на территорию Германии и когда германская авиация, наоборот, сможет производить налеты и уничтожать военную промышленность. Таким образом, мы достигнем уничтожения русской армии и предотвратим ее восстановление». 18 декабря 1940 года была подписана директива № 21 на развертывание военных действий против СССР, получившая условное наименование план «Барбаросса». Она начиналась словами: «Германские вооруженные силы должны быть подготовлены к тому, чтобы сокрушить Советскую Россию в быстротечной кампании еще до того, как будет окончена война против Англии».

Но вернемся к дневнику Гальдера, где содержатся любопытные высказывания о целях фашистского нападения на Советский Союз. 16 января 1941 года фиксируется принятое решение: «Как можно скорее свалить Россию». 17 марта он записывает: «В Великороссии необходимо применение жесточайшего насилия». 30 марта — еще одно откровение: «Борьба двух идеологий... Речь идет о борьбе на уничтожение... Уничтожение большевистских комиссаров и коммунистической интеллигенции. Не допускать, чтобы образовалась новая интеллигенция. Командиры частей и подразделений обязаны знать цели войны. Война будет резко отличаться от войны на Западе. На Востоке жестокость является благом будущего». Примечательно, что против этого абзаца Гальдер сделал на полях дневника надпись: «Главнокомандующему сухопутными войсками — в приказ».

Из дневника Гальдера можно было узнать немало важных сведений, например, о подготовке гитлеровцами химической войны против Польши и СССР. В записи от 4 сентября 1939 года можно прочесть: «Один химический минометный дивизион будет готов к концу сентября». 26 сентября появились такие строки: «Гелан» действует на легкие. Сказывается немедленный эффект. Вызывает страшные спазмы. С октября 1940 г. возможно массовое применение». 21 декабря сделана такая запись: «Новое ОВ. Производство начнется только с осени 1940 г. Применение только с весны 1941 г.» А это было написано 25 марта 1941 года: «К 1.6 мы будем иметь 2 млн. химических снарядов. Для ускорения подвоза в тылу каждой группы армий будет поставлено на запасные пути по три эшелона с химическими боеприпасами».

Подготовка в гитлеровской Германии к производству и применению химического оружия началась, естественно,

раньше. Еще 21 июля 1938 года был принят секретный план создания корпуса офицеров-химиков. В нем, в частности, говорилось: «С точки зрения применения химическое оружие является... типично немецким оружием, поскольку оно соответствует по духу особо одаренным в области естественных наук и техники немцам.

Из корпуса офицеров-химиков выйдут фюреры, которые, занимая военные командные посты, добьются необходимого понимания идеи о ценности и применении химического оружия».

Об этих замыслах гитлеровского командования (реализованных, к счастью, не полностью) нелишне напомнить сегодня, что и в наше время в США и некоторых других западных странах в широких масштабах ведется производство химического и биологического оружия. В печать просочились сведения о том, что на складах бундесвера до сих пор хранятся десятки тысяч тонн иприта — отравляющего вещества, изготовленного еще в гитлеровском рейхе под руководством военного преступника Альберта Шпеера.

Кроме того, как писали газеты, американцы создали на территории той же ФРГ свои склады с боевыми ОВ. Все это несет народам, и прежде всего европейским, страшную угрозу.

Исключительно важное значение имеет разоблачение на Нюрнбергском процессе легенды о якобы «превентивном» характере войны гитлеровского рейха против СССР. Этот геббельсовский миф широко использовался тогда всеми защитниками главных военных преступников и ныне продолжает находиться на вооружении тех, кто хотел бы реабилитировать в глазах мировой общественности германский фашизм. Десятки книг на эту тему изданы на Западе, и в каждой из них под различным соусом преподносится версия о «превентивном» нападении на нашу Родину. Так, в Бонне вышла в свое время книга нацистского военного преступника генерал-фельдмаршала Кессельринга «Мысли о второй мировой войне», в которой автор утверждал, что война против СССР носила предупредительный характер, поскольку Советский Союз якобы намеревался напасть на Германию в 1942 году. Эту же провокационную мысль распространял небезызвестный западногерманский деятель, лидер ХСС Франц Йозеф Штраус, заявляя, что Гитлер не несет ответственности за нападение на СССР, так как сам-де Советский Союз «хотел второй мировой войны».

Но о какой «превентивной» войне может идти речь, когда на западной границе СССР по плану «Барбаросса» было сосредоточено 190 дивизий фашистской Германии и ее союзников. Все эти войска, за исключением 24 немецких дивизий, которые находились в резерве главного командования сухопутных войск, ожидали лишь сигнала для нападения! Так, кстати говоря, считал и Гальдер, что нашло отражение в его дневнике. Однако впоследствии он пытался отречься от собственного мнения в своей брошюре «Гитлер как полководец». Но это была малоубедительная попытка. Фридрих Паулюс, отвечая Гальдеру, писал: «Рассуждения Гальдера об опасности, постоянно исходившей с Востока, являются неправильными... Не Восток угрожал Гитлеру и Германии, а Гитлер угрожал Востоку... Так утверждать — это значит ставить факты с ног на голову, то есть любым путем стремиться доказать, что Гитлер якобы был вынужден начать «превентивную» войну».

Угроза нацистского порабощения, нависшая над Европой, не могла не сплотить европейские народы, не могла не породить общность их интересов в борьбе с гитлеризмом. Вот почему по мере того, как нацистские агрессоры захватывали одну страну за другой, на континенте нарастало движение Сопротивления оккупантам. 6 октября 1941 года Коммунистическая партия Германии обратилась с воззванием к немецкому народу, в котором содержался глубокий анализ международной обстановки и был сделан вывод: «22 июня Гитлер своим коварным и вероломным нападением на Советский Союз совершил тягчайшее преступление против немецкого народа...»

На Нюрнбергском процессе в числе документальных доказательств фигурировала директива № 32 гитлеровского верховного командования вооруженных сил от 19 июня 1941 года, озаглавленная «Подготовка на период после осуществления операции «Барбаросса». Директива начиналась словами: «После разгрома вооруженных сил Советской России...» Далее шло изложение планов нацистских заговорщиков по захвату Гибралтара, Египта, Сирии, Ирана и Ирака. Осуществление этих замыслов зависело от исхода войны против СССР. Но именно наша страна была главной силой, преградившей путь германскому фашизму. Именно она сломала хребет фашистскому зверю, стремившемуся к закабалению народов Европы и других континентов. Об этом уместно напомнить сегодня всем тем, кто забыл уроки истории и, идя по стопам бесноватого

фюрера, вынашивает безрассудные планы установления мирового господства, вновь готовится к агрессивной войне против СССР, толкает мир к ядерной катастрофе.

Большое значение для разоблачения нацистского мифа о «превентивной» войне имело выступление в зале заседаний трибунала бывшего фельдмаршала Паулюса. Этот эпизод процесса довольно четко запечатлелся в моей памяти. Воспроизвожу его по моим воспоминаниям.

Появление Паулюса в качестве свидетеля имело свою небольшую предысторию. Когда советский обвинитель Н. Д. Зоря, излагая доказательства по разделу обвинения «Агрессия против СССР», представил трибуналу заявление Паулюса Советскому правительству, в котором тот счел за долг сообщить все известные ему факты, которые могли послужить на Нюрнбергском процессе материалом, доказывавшим виновность подсудимых, адвокат Нельте выступил с возражениями, заявив: «Учитывая личность свидетеля и важность вопросов, которые он может осветить, следовало бы доставить Паулюса в суд».

Со стороны защитников это был довольно хитроумный ход. Они рассчитывали так: может быть, Паулюса уже нет в живых; если Паулюс жив, то, может быть, советские обвинители не рискнут доставить его в американскую зону, в Нюрнберг; наконец, если Паулюс все-таки приедет, то он ведь не коммунист, можно будет повлиять на него с тем, чтобы он изменил свои показания. При всех вариантах главное для адвокатов (в особенности в том случае, если бывший фельдмаршал не явится в зал заседаний) состояло в том, чтобы подорвать доверие не только к протоколу допроса Паулюса, но и к доказательствам советских обвинителей вообще.

Заявление Нельте было сочувственно встречено председательствующим. Лоренс обращается к Руденко: «Генерал, как вы относитесь к ходатайству защиты?»

Следует диалог, который воспроизвожу (как и многие другие цитаты в этой книге) по моим записям.

Руденко. Если трибунал считает, что свидетеля нужно доставить сюда, он будет доставлен.

Лоренс. А вам известно, где свидетель в данное время находится?

Руденко. Да, господин председатель, известно.

Лоренс. Но вам потребуется много времени на доставку свидетеля в суд, а мы не можем долго ждать, ибо, как вам известно, Устав трибунала требует, чтобы суд был не только справедливый, но и скорый.

Руденко. Нам много времени не потребуется, всего минут 10—15, а если это много, то свидетель через 5 минут предстанет перед трибуналом.

Лоренс. Очень хорошо, очень хорошо.

И тут к пульту подбежал Нельте и поспешно заявил: «Защита не настаивает на личной явке Паулюса, она сознает трудности советского обвинения в доставке сюда свидетеля и готова ограничиться заверением советского обвинителя, что представленное заявление соответствует подлинному заявлению Паулюса».

Однако Р. А. Руденко сказал, что он предпочитает заслушать свидетеля в суде. Трибунал с ним согласился, и через несколько минут в зал вошел Паулюс.

Как сейчас вижу стройного, в темно-синем гражданском костюме, с выправкой кадрового военного Фридриха Паулюса, спокойно занявшего стул за свидетельским пультом. Для многих это было большой неожиданностью. Одна американская газета писала даже, что появление Паулюса произвело впечатление взрыва атомной бомбы. А ларчик открывался просто: мы предусмотрели возможный ход защиты и заранее доставили свидетеля в Нюрнберг.

Допрос вел Р. А. Руденко. Паулюс подтвердил свое заявление, адресованное Советскому правительству, детализировал его и рассказал, как готовилось нападение на Советский Союз.

Руденко. Как вы определяете цели нападения Германии на Советский Союз?

Паулюс. Конечная цель нападения, заключающаяся в наступлении до Волги, превышала силы и способности германской армии. И эта цель характеризует не знавшую пределов захватническую политику Гитлера и нацистского государства. Со стратегической точки зрения достижение этой цели означало бы уничтожение Вооруженных Сил Советского Союза. Захват этой линии означал бы захват и покорение главных областей Советской России, в том числе Москвы и, значит, политических и экономических центров.

В заключение я хотел бы сказать: указанные цели означали завоевание с целью колонизации русских территорий, эксплуатация и ресурсы которых должны были дать возможность завершить войну на Западе с той целью, чтобы окончательно установить господство Германии в Европе.

Руденко. Правильно ли я заключил из ваших показаний, что еще задолго до 22 июня гитлеровское прави-

тельство и верховное командование вооруженных сил планировали агрессивную войну против СССР с целью колонизации территорий Советского Союза?

Паулюс. В этом не может быть никаких сомнений после того, что я рассказал здесь, а также в связи со всеми теми директивами, которые содержатся в знаменитой «Зеленой папке».

На этом допрос был закончен. Сразу пять-шесть адвокатов бросились к пульту, но тотчас вернулись на свои места. У пульта остался один только Ганс Латернзер. Он в полной растерянности произнес, обращаясь к Лоренсу: «Ваша честь, прошу дать мне возможность задать вопросы свидетелю завтра. Он появился крайне неожиданно, и поэтому я считаю необходимым посоветоваться в отношении вопросов, которые могут быть поставлены свидетелю».

Председатель. Генерал Руденко, если обвинение не возражает, то трибунал считает, что следует удовлетворить это ходатайство защиты.

Руденко. Если это угодно трибуналу, обвинение не возражает.

На следующий день Паулюсу задавали вопросы адвокаты Нельте, Заутер, Экснер, Латернзер, Фриц, Серватиус, Кубушок, Хорн. Интересен такой факт: к генералам, сидевшим на скамье подсудимых, они обращались «господин генерал», а к Паулюсу — «господин свидетель», желая уязвить самолюбие последнего. О характере этих вопросов можно составить себе представление на конкретных примерах.

Экснер. Знаете ли вы, что вы пользовались особым доверием Гитлера?

Паулюс. Нет, это мне не было известно.

Экснер. Были ли вы преподавателем военной академии в Москве?

Паулюс. Нет, не был.

Экснер. Занимали ли вы какую-нибудь должность в Москве?

Паулюс. Я до войны никогда не был в России.

Экснер. А во время вашего плена?

Паулюс. Я так же, как и мои другие товарищи, находился в России в качестве военнопленного, и с нами обращались в соответствии с положениями Женевской и Гаагской конвенций.

Особенно непорядочно вел себя Хорн, часто задавал вопросы, не относящиеся к делу. А когда Лоренс делал

ему замечания, нагло отвечал: «Я хотел поставить эти вопросы, чтобы определить, в какой степени этот свидетель заслуживает доверия». Вот типичный для Хорна провокационный вопрос.

Хорн. Был ли во время вашего плена у вас случай каким-нибудь образом предоставить в распоряжение советских властей ваши военные знания и опыт?

Паулюс. Никаким образом и никому. Нам учить русских воевать нечему, а вот поучиться у них можно многому.

Показания Паулюса произвели большое впечатление.

Международный военный трибунал решительно отверг фальшивую версию о «превентивной» войне и записал в приговоре, что нападение гитлеровской Германии на Советский Союз было произведено «без тени законного оправдания. Это была явная агрессия».

Чего же добивается империалистическая реакция, усиленно возрождая миф о «превентивной» войне? Ответ на этот вопрос ясен. В идеологическом арсенале империализма по-прежнему значительное место занимает пропаганда агрессии против стран социалистического содружества. Вновь и вновь поднимается провокационная шумиха вокруг набившей оскомину так называемой «советской угрозы». Она особенно усилилась после того, как империалистические круги США и НАТО объявили «крестовый поход» против социализма, не считаясь с волей народов, начали размещение американских ракет средней дальности на европейском континенте, приступили к невиданной по масштабам гонке вооружений.

Нетрудно понять, что усердные попытки реакционеров всех мастей оправдать нацистскую агрессию против СССР, гальванизировать лживую легенду о «превентивной» войне направлены на то, чтобы оправдать агрессивную политику современного империализма в отношении Советского Союза и других социалистических государств.

КОНВЕЙЕР СМЕРТИ

Вторгшись на территорию Советского Союза, немецко-фашистские захватчики стремились создать здесь рабско-крепостнический режим, низвести советских людей до положения бесправных париев, искоренить государственность и национальную культуру. Высшие руководители рейха так формулировали свою политику в отношении

славянских народов: «Славяне должны на нас работать. Если они нам более не нужны, они могут умереть». Розенберг, выступая в ноябре 1942 года на заседании так называемого «Немецкого рабочего фронта», поучал своих сообщников: «Если подчинить себе эти народы, то произвол и тирания будут чрезвычайно подходящей формой управления».

Пулей и штыком, виселицами и «душегубками» гитлеровцы насаждали свой «новый порядок», но волю советских людей им сломить не удалось.

За месяц с небольшим до нападения на нашу Родину Кейтель подписал «Распоряжение о применении военной подсудности в районе «Барбаросса» и об особых мероприятиях войск». В этом документе он требовал расстреливать без следствия и суда любого человека, заподозренного гитлеровским офицером или солдатом в нелояльности к оккупантам. Убийства тысяч и тысяч невинных людей планировались и санкционировались, таким образом, заранее. И такие, с позволения сказать, «инструкции» рассылал не только Кейтель. Даже гитлеровский дипломат Ульрих фон Хассель в своем дневнике писал: «Волосы становятся дыбом, когда читаешь приказы, рассылаемые войскам за подписью Гальдера, о мерах, которые должны быть приняты в России».

Заранее планировались и убийства советских людей путем голодной смерти. Меморандум на этот счет, подготовленный в штабе генерала Томаса — начальника управления вооружения и военной экономики, ближайшего помощника Геринга, был представлен Международному военному трибуналу. Этот чудовищный документ состоит всего из двух коротких, сухих абзацев:

«1. Война может продолжаться только в том случае, если на третий год войны все вооруженные силы будут снабжаться продовольствием России.

2. Несомненно, что, если мы вывезем из этой страны все то, что для нас необходимо, многие миллионы людей России будут обречены на голодную смерть».

Голод был своего рода бесшумным оружием в руках фашистских палачей и рассматривался ими как наиболее действенный способ массового истребления населения. Так, в гитлеровском застенке в украинском городе Славуте погибли от голодной смерти десятки тысяч доставленных туда раненых и больных советских военнопленных. Всего в этом застенке было истреблено 150 тысяч бойцов и офицеров Красной Армии.

Трибунал с полным основанием констатировал: «Остается истиной, что военные преступления совершались в таком широком масштабе, которого не знала история войн... Военные преступления совершались тогда, когда и где это считали нужным фюрер и его ближайшие помощники для достижения своих планов. В большинстве случаев они являлись результатом холодного и преступного расчета».

Фашистские захватчики истребили и замучили более 6 миллионов мирных жителей нашей страны, угнали на каторжный труд в Германию свыше 4 миллионов советских граждан. Они разрушили и сожгли 1710 городов и более 70 тысяч сел и деревень, свыше 6 миллионов жилых зданий, уничтожили 31 850 предприятий, 65 тысяч километров железнодорожной колеи, 4100 железнодорожных станций, 40 тысяч больниц, 84 тысячи школ, техникумов, высших учебных заведений, 43 тысячи библиотек. Общий материальный ущерб, нанесенный народному хозяйству СССР, определен в размере 679 миллиардов рублей в государственных ценах 1941 года.

Захваченные немецкие документы (приказы и директивы верховного командования и ведомства Гиммлера), показания уцелевших узников фашистских застенков превратились на процессе в Нюрнберге в подлинную «летопись нацизма» — страшную по своему характеру, огромную по объему и потрясающую по своей разоблачительной силе.

С болью и гневом я слушал, как зачитывались обвинителями «боевой дневник» 15-го полицейского полка и отчеты его командиров об израсходованных при проведении карательных акций боеприпасах; рапорты палачей о трагедии в деревне Кузнецово Псковской области, где гитлеровцы загоняли жителей в дома и сараи, а затем сжигали и расстреливали пытавшихся бежать (на процессе об этом злодеянии рассказал колхозник Григорьев Яков Григорьевич, вся семья которого, включая грудного ребенка, погибла, а сам он был тяжело ранен; сообщение о деревне Хатынь, которую 22 марта 1943 года фашисты сожгли вместе с ее жителями — 26 дворов, 149 человек, в том числе 75 детей. А ведь таких Хатыней только на многострадальной белорусской земле было 618!

Обвиняли не только представители государств, учредивших Международный военный трибунал. Тревожно озирались по сторонам подсудимые, когда зачитывалось «Обращение к международной общественности» бывших узни-

ков Освенцима. От имени 4 тысяч уцелевших его подписали: профессор Мансфельд из Будапешта, профессор Лимузен из Клермон-Феррана, доцент Фишер из Праги, доцент Гроссман из Загреба, доктор Артур Мейер из Дортмунда, врач Бенедетти из Милана, механик Дюран из Барселоны, портной Штокклер из Брюсселя, студент Фейнберг из Осло и другие. «Мы, нижеподписавшиеся,— говорилось в обращении,— освобожденные великой Красной Армией от кровавого нацистского господства, обвиняем германское правительство Адольфа Гитлера в проведении величайших в истории человечества массовых убийствах, зверствах и уводах в немецкое рабство. Как оставшиеся в живых в страшном концентрационном лагере Освенцим, в величайшем лагере всех времен для уничтожения людей, мы даем краткий обзор известных нам зверств, убийств и калечения людей, проведенных эсэсовцами для уничтожения многих миллионов невинных мужчин и женщин, представителей всех народов...

Мы обвиняем гитлеровскую партию, всех ее руководителей в организации уничтожения миллионов людей всех возрастов — от новорожденного до старика.

Мы обращаемся к международной общественности воюющих и нейтральных государств и к их правительствам и во имя гуманности просим сделать все возможное, чтобы зверства и преступления нацистов в будущем не повторялись, чтобы кровь миллионов невинных жертв не была пролита напрасно.

Мы просим и вместе с нами просят тысячи спасенных заключенных всех национальностей, чтобы преступления и невероятные зверства гитлеровцев не остались безнаказанными».

Когда окончилось чтение этого потрясающего документа, я увидел, как подсудимые побледнели, в особенности Кейтель, Кальтенбруннер и Франк, и стали поспешно писать записки своим адвокатам.

Невозможно перечислить все рассматривавшиеся на процессе злодеяния фашистских оккупантов. Упомяну лишь некоторые.

Советский обвинитель Л. Н. Смирнов предъявил документы о зверствах гитлеровских захватчиков в Литве. В местечке Панеряй, вблизи Вильнюса, в июле 1941 года они организовали пункт массовых расстрелов, где истребили не менее 100 тысяч человек, преимущественно гражданских лиц; в форте № 9, который жители Каунаса назвали «фортом смерти» (он был расположен в шести

километрах от города), нацисты уничтожили более 70 тысяч мирных жителей разных национальностей: литовцев, поляков, русских, украинцев, белорусов, евреев. Кроме советских людей там погибли также граждане Франции, Австрии, Чехословакии. О последних бывший надзиратель «форта смерти» Ю. Ю. Науджюнас показал: «Первая группа иностранцев в количестве 4 тысяч поступила в форт в декабре 1941 года. Я разговаривал с одной женщиной, которая сказала, что их везли в Россию якобы на работу. 10 декабря началось уничтожение иностранцев. Их выводили из форта по 100 человек как бы для прививок. Вышедшие на «прививку» больше не возвращались: все 4 тысячи иностранцев были расстреляны. 15 декабря 1941 года прибыла еще одна группа численностью около 3 тысяч человек, которая также была уничтожена».

Во многих преступлениях «третьего рейха» есть черта, которая делает их еще более отвратительными, подчеркнул советский обвинитель. Уже лишив жизни жертву, нацисты продолжали глумиться над телом умерщвленного. Это было характерно для всех лагерей уничтожения: несгоревшие кости покойников дробились и продавались германской фирме «Штрем»; волосы женщин срезались, упаковывались в тюки и отправлялись в рейх; при Данцигском анатомическом институте было организовано производство мыла из человеческого жира и дубление в промышленных целях человеческой кожи.

Образцы нацистского «производства» были представлены трибуналу.

«Да, все это было,— писал во время Нюрнбергского процесса Всеволод Вишневский,— и пусть память не упустит ничего. Пусть она и здравый наш смысл и неумирающая вера наша в светлый мир... в общий прогресс помогут нам начисто и навсегда убрать из этого мира кошмар нацизма».

Кровь стыла в жилах, когда участники процесса в Нюрнберге слушали показания тестя Гиммлера штандартенфюрера СС Вольфрама Зиверса — директора «Аненэрбэ», института «по изучению наследственности». Это расистское учреждение непосредственно подчинялось Гиммлеру. Изобличенный многочисленными документами, подписанными им же самим, Зиверс должен был признать, что с целью пополнения коллекции черепов, служившей якобы для «научных изысканий», в Освенциме, Дахау, Натцвайлере убивали сотни людей, отделяли их головы, измеряли, фотографировали... Таким же способом создава-

ли коллекцию скелетов: отделяли мясо от костей, снова измеряли, фотографировали... Производились многочисленные и разнообразные опыты над живыми людьми с использованием отравляющих веществ, морской воды, изучались формы распространения инфекционных болезней, свертываемость крови, эффект замораживания живого человека... Надо ли говорить, что подобные «эксперименты» в большинстве случаев оканчивались смертью этих несчастных людей.

Поистине чудовищными были преступления, совершенные нацистами, но еще страшнее выглядели планы, подготовленные ими на случай победы. «Когда война будет выиграна,— зловеще говорил Гиммлер на совещании группенфюреров СС в Познани в 1943 году,— тогда начнется наша работа...»

Эти зловещие планы неминуемо осуществились бы, если бы на пути агрессора не встал советский народ, который на фронтах Великой Отечественной войны разгромил главные силы фашизма, а потом, выполняя свой интернациональный долг, принес свободу многим порабощенным странам Европы.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО, ИСПОЛНЕНИЕ ПРИГОВОРА

31 августа 1946 года каждому из подсудимых было предоставлено последнее слово.

В кулуарах трибунала американские и английские юристы не раз высказывали недоумение: зачем вообще понадобилось последнее слово? Этот процессуальный институт англосаксонскому праву неведом. Однако по предложению представителей СССР он был предусмотрен Уставом Международного военного трибунала. Эту необходимую, на наш взгляд, процессуальную форму надо было соблюсти, что и было сделано. Но если говорить по большому счету, то — независимо от различия во взглядах юристов — последнее слово на этом процессе во всех случаях принадлежало миллионам жертв фашизма, и именно оно решало судьбу главных нацистских преступников.

Не исключено было, что подсудимые захотят воспользоваться последним словом для пропаганды своих фашистских взглядов. В целях недопущения этого, а также пресечения попыток подсудимых затянуть окончание процесса, трибунал принял специальные решения: «Ввиду того, что как подсудимые, так и их защитники уже высту-

пали с соответствующими заявлениями, трибунал считает, что, если подсудимые пожелают выступить снова, их выступления должны ограничиваться вопросами, на которых они не останавливались ранее. Подсудимым не будет позволено произносить речей или повторять то, что уже было сказано ими самими или их защитниками. Их выступления могут быть ограничены регламентом в несколько минут на каждого для того, чтобы они имели возможность остановиться лишь на тех вопросах, на которых они не останавливались, давая свои показания, и которых не касались защитники».

«Подсудимые будут произносить свое последнее слово со скамьи подсудимых перед микрофоном, установленным перед каждым во время его выступления».

Геринг начал последнее слово с жалобы на обвинителей. Они-де в своих заключительных речах объявили защиту и ее доказательства совершенно несостоятельными; показания, данные подсудимыми под присягой, признавались ими абсолютно истинными лишь тогда, когда они служили для поддержания аргументов обвинения, и объявлялись ложными и нарушающими присягу, когда эти показания опровергали доводы обвинения.

Делая это демагогическое заявление, Геринг не привел и не мог привести ни одного факта. Дальше подсудимый, пытаясь уйти от ответственности, нагло лгал, утверждая, что он якобы самым строгим образом осуждал массовые убийства; самые тяжкие преступления были совершены тайно, и нацист № 2 о них будто бы не знал; он-де не хотел войны и не способствовал ее развязыванию.

Гесс продолжал притворяться, играть роль психически неполноценного субъекта.

Риббентроп уверял трибунал, что корни несчастья Германии коренятся в Версальском договоре, что он не несет ответственности за руководство внешней политикой,— ею руководил другой. Не удержался он и от провокации, заявив, что сегодня, мол, для Европы и мира осталась лишь одна основная проблема — овладеет ли Азия Европой, или западные державы смогут ликвидировать влияние Советов на Эльбе. Цель этого и ему подобных заявлений была более чем очевидна.

Кейтель сделал основную ставку на показное раскаяние, отрицал, что он «руководил вооруженными силами при осуществлении преступных намерений», хотя наверняка знал о таком, например, приказе, который направил в войска в 1942 году его ближайший помощник генерал

Адольф Хойзингер: «Если в этой борьбе против партизан как на Востоке, так и на Балканах не будут применены самые жесточайшие меры, то в недалеком будущем нам не хватит наличных сил, чтобы избавиться от этой чумы. Поэтому войска правомочны и обязаны без всяких ограничений использовать в этой борьбе любые средства, в том числе против женщин и детей».

Кальтенбруннер объяснял свои преступления «неправильным пониманием чувства долга». Гиммлер и другие его, видите ли, «обманывали».

Розенберг клялся, что его совесть чиста: у него даже мыслей не было о физическом уничтожении славян и евреев, и его действия никогда не были преступными; он даже считал, что истребление народов должно быть заклеймено международным соглашением как преступление и строжайшим образом наказываться.

Франк все преступления, включая собственные, валил на Гитлера, которому сам бы «вынес приговор» как главному подсудимому. А с него, Франка, взять нечего, во всем виновен только один Адольф Гитлер.

Фрик, оказалось, вообще ни в чем не виноват, он действовал, как патриот.

Штрейхер вслед за Франком и другими подсудимыми тоже винил во всем фюрера, который отдавал приказы о массовых убийствах. А осуществлял эти приказы «в совершенной секретности» Генрих Гиммлер — Штрейхер же не ведал о них ни сном ни духом.

Функ о кошмарных преступлениях, в которые были «частично втянуты» руководимые им учреждения, ровно ничего не знал; эти преступления «заставляют его краснеть»; его «обманул Гиммлер».

Шахт, оказалось, был фанатичным противником войн; просто он «недостаточно скоро разгадал размах преступной натуры Гитлера», но сам не замарал рук своих ни одним незаконным или безнравственным поступком.

Дениц представлял себя главой государства, «ответственным перед немецким народом», который действовал, «сообразуясь со своей совестью».

Редер отчасти признал свою вину, но «не перед судом, который проводится людьми, а перед богом».

Ширах признался, что воспитывал молодежь для человека (Гитлера), который погубил миллионы людей, однако, как и Редер, готов ответить только перед богом и перед своей совестью.

Заукель говорил со страданием в голосе, что бесчеловечные действия, выявленные на процессе, поразили его «в самое сердце» и он «с глубоким смирением склоняет свою голову перед жертвами»; что в душе и мыслях своих он всегда остался моряком и рабочим, глубоко верующим человеком и хорошим семьянином.

Йодль воспользовался последним словом, чтобы попытаться оправдать действия высших военных руководителей, а заодно и свои. Но, как и следовало ожидать, не преуспел в этом.

Папен, естественно, никаких преступлений не совершал. Этому заявлению никто не удивился — так говорили многие обвиняемые. Но слушая этого человека, так много сделавшего для нацистской партии и Гитлера, в ущерб интересам немецкого народа, я удивлялся его памяти (он точно называл даты и воспроизводил эпизоды 25-летней давности) и той ловкости, с которой он жонглировал фактами, чтобы убедить трибунал в том, что он, Папен, не преступник.

Зейсс-Инкварт высказал правильную мысль: «Германия в своих собственных интересах не должна желать войны, она должна следить за тем, чтобы никто не вложил в ее руки оружие. Другие народы также не хотят войны». Но слышать это из уст человека, который только тем и занимался, что разжигал преступные войны, который пролил потоки крови поляков и голландцев, отнюдь не было приятным занятием.

Шпеер в последнем слове явно преувеличивал значение техники в жизни людей и пугал всех ужасами будущей войны. Это имело для него определенный смысл: он, Шпеер, владеет, мол, многими исключительной важности секретами, а потому ему обязательно должна быть сохранена жизнь. (Он как бы говорил: «Я вам еще пригожусь, господа!») И не скупился на ругань в адрес Гитлера, которому служил всю свою жизнь.

Нейрат высказался очень кратко: он не виноват ни в чем.

Фриче заявил, что его вина заключается только в том, что он верил заверениям Гитлера о его стремлении к миру, верил во все германские опровержения иностранных сообщений о фашистских зверствах. «Если коллективная ответственность должна коснуться людей, доверчивостью которых злоупотребили,— говорил этот ханжа и лицемер,— тогда, господа судьи, привлекайте и меня к ответственности».

Итак, подсудимые сказали свое последнее слово. Председательствующий объявил перерыв до 23 сентября. Трибунал удалился на совещание для вынесения приговора.

Просматривая документы Нюрнбергского процесса, я обратил внимание на обращение исполняющего обязанности председателя технического подкомитета комитета корреспондентов Роя Портера, направленное им на имя лорда Лоренса от имени аккредитованных корреспондентов. Полагаю, что его стоит здесь воспроизвести:

«Ваша честь!

Так как суд над нацистской партией и военными руководителями подходит к завершающей стадии, международная пресса и радиокорреспонденты с чувством глубокого уважения обращаются к трибуналу: мы бы хотели получить некоторые разъяснения того, чего мы можем ожидать, когда придет соответствующее время.

Первое наше пожелание касается возможности одновременного оглашения сообщения о приговоре во всех четырех столицах стран, представленных в трибунале.

...Мы не идем так далеко, чтобы просить определения даты объявления приговора, но нам кажется справедливым было бы объявить, что приговор будет оглашен в течение какой-то определенной недели.

...Мы почтительно просим трибунал, если он сочтет это возможным, подготовить краткое изложение приговора, которое мы могли бы получить ко времени объявления приговора. Мы бы хотели, чтобы в этом кратком изложении были даны основные элементы приговора: наиболее важные юридические положения и решения относительно каждого подсудимого. Такой план, нам кажется, обеспечит реальную основу для точной информации мировой прессы и радио и предотвратит возможные технические ошибки и недоразумения. Тогда мы сможем, по мере зачтения приговора, дать более полную и широкую интерпретацию, не сомневаясь вместе с тем в точности отдельных деталей. Корреспонденты считают, что их просьба особенно важна с профессиональной и журналистской точки зрения, и просили меня представить указанные просьбы на рассмотрение трибунала.

...Я хочу подчеркнуть Вам еще раз желание корреспондентов работать в теснейшем содружестве с трибуналом и лично заверяю Вас и других членов суда, что мы сделаем все, что возможно в наших силах, для того, чтобы поддержать достоинство и традиции международной справедливости...»

Просьба корреспондентов была удовлетворена. В связи с этим обращением мне вспомнился эпизод, который произошел на другой день после того, как трибунал удалился на совещание.

Вечером представители прессы и переводчики устроили в честь обвинителей большой прием в «Пресскемпе». Он размещался во дворце карандашного «короля» Иоганна Фабера, в нем насчитывалось более 300 комнат. Прием уже начался, я беседовал с Романом Карменом и вдруг слышу знакомый голос: «Добрый вечер, генерал». Обернулся и глазам своим не поверил: это был лорд-судья Лоренс, рядом с ним стояла пожилая дама — его жена, которой он меня и представил. Я как-то растерялся: по нашим действовавшим в то время процессуальным законам судьи, удалившись в совещательную комнату, не вправе ни с кем общаться, сколько бы ни потребовалось времени для вынесения приговора. А в Нюрнберге все члены трибунала пришли на прием! И в общем-то он прошел очень оживленно, состоялся интересный концерт, в котором выступили с самодеятельностью наши переводчицы, и, конечно, не обошлось без песен «Катюша» и «Давай закурим».

30 сентября ровно в 10 часов при переполненном зале началось оглашение приговора. Читали поочередно все члены трибунала и их заместители. Оправданные Шахт, Папен и Фриче были тут же освобождены из-под стражи. А на следующий день, 1 октября, была оглашена резолютивная часть приговора — меры наказания в отношении каждого подсудимого. Но процедура на сей раз была иной. Подсудимых доставляли по одному, и Лоренс объявлял каждому: «Трибунал признал вас виновным по таким-то разделам обвинительного заключения и приговорил...» Одного уводили и доставляли следующего — в такой же очередности, как они сидели на скамье подсудимых.

Первым был Геринг. Лоренс объявил: «Подсудимый Геринг, трибунал признал вас виновным по всем четырем разделам обвинительного заключения и приговорил к смертной казни через повешение». Геринг сделал вид, что он не расслышал. Стоявший сзади охранник надел ему наушники, и Лоренсу пришлось повторить свои слова.

Я внимательно следил за тем, как вели себя Розенберг, Кейтель, Кальтенбруннер, Фрик, Франк, Йодль, Заукель, Штрейхер и Зейсс-Инкварт, приговоренные к смертной казни. За исключением Зейсс-Инкварта, они, убийцы миллионов людей, не могли скрыть свой страх. Риббентропа, Розенберга и Йодля охранники вынуждены были под-

держивать с двух сторон, так как они не держались на ногах. Зейсс-Инкварт внешне спокойно выслушал приговор, снял наушники и, поклонившись судьям, пошел к лифту.

После оглашения приговора Лоренс сделал следующее объявление:

— Член трибунала от Союза Советских Социалистических Республик желает занести в протокол свое несогласие с решением трибунала по делам подсудимых Шахта, фон Папена и Фриче. Он придерживается мнения, что они должны быть осуждены, а не оправданы. Он также не согласен с решением в отношении имперского кабинета, генерального штаба и верховного командования, придерживаясь мнения, что они должны быть объявлены преступными организациями. Он также не согласен с решением о мере наказания в отношении Гесса и считает, что Гесс должен быть приговорен к смертной казни, а не к пожизненному заключению... Это особое мнение будет изложено в письменном виде и приобщено к приговору.

Двенадцать подсудимых (Борман заочно) были приговорены к смертной казни, семь — к длительным срокам тюремного заключения. Таков финал исторического Нюрнбергского процесса.

После приведенного выше объявления Лоренса ко мне подходили многие коллеги-юристы, представители прессы, говорили: «Мы согласны с вашим судьей, они все виноваты, и их всех надо было строго осудить».

Несколько слов о преступных организациях. Трибунал признал таковыми руководящий состав нацистской партии, СС, гестапо и СД и в то же время указал в приговоре, что не следует принимать какого-либо решения о признании преступными организациями нацистское правительство и высшее военное командование «третьего рейха». Мотивы: правительственный кабинет — малочисленная группа, насчитывает всего 48 человек, из которых восемь нет в живых, а 17 находятся под судом. Таким образом, остается 23 человека, для которых такое решение могло бы иметь значение. Любые виновные члены правительственного кабинета должны предстать индивидуально перед судом, но если признать правительственный кабинет преступной организацией, то этим судебные процессы над ними не будут ни ускорены, ни облегчены. Тот же аргумент был приведен и в отношении второй организации, которую все обвинители просили признать преступной. «Хотя количество лиц, которым предъявлено обвинение,— говорит-

ся в приговоре,— больше, чем в имперском кабинете, оно все же настолько мало, что путем индивидуальных судов над этими офицерами можно будет достигнуть лучшего результата...» Вместе с тем трибунал в приговоре записал в отношении гитлеровских генералов: «Они были ответственны в большой степени за несчастья, которые обрушились на миллионы мужчин, женщин и детей. Они опозорили почетную профессию воина. Без их военного руководства агрессивные устремления Гитлера и его нацистских сообщников были бы отвлеченными и бесплодными... Они безусловно представляли собой безжалостную военную касту... Истина состоит в том, что они активно участвовали в совершении всех этих преступлений... Об этом должно быть сказано».

Но сказав все это, трибунал тем не менее не принял решения о признании генерального штаба и верховного военного командования преступной организацией. Мимо такого несоответствия фактов и выводов не мог пройти советский судья. А факты свидетельствовали, что олицетворением мощной политической и военной машины «третьего рейха» был именно союз нацистской партии и германской военщины. В достаточно откровенной форме это обстоятельство выразил в свое время нацистский генерал Рейнеке, который заявил, что «двумя опорами третьей империи были нацистская партия и вооруженные силы». Военный министр Бломберг столь же откровенно признал, что нацистский генералитет рассматривал подготовку к реваншистской агрессивной войне как свою святую обязанность. «Таким образом,— справедливо говорилось в Особом мнении советского судьи,— в ходе представления доказательств в полной мере установлено, что генеральный штаб и верховное командование гитлеровской армии представляли собою очень опасную преступную организацию».

Трибунал не вынес решения в отношении СА (штурмовые отряды), организации, которую обвинители назвали преступной. В приговоре было записано, что члены СА использовались для уличных боев против политических противников, для распространения нацистской пропаганды; после выборов 5 марта 1933 года СА играли важную роль в установлении режима террора в Германии, использовались для охраны концентрационных лагерей, где члены СА зверски обращались с заключенными; отдельные части СА были причастны к действиям, которые привели к агрессивной войне и к совершению военных преступлений и преступлений против человечности; части СА были в числе

первых при оккупации Австрии в марте 1938 года; после оккупации Польши судетская группа СА использовалась для транспортировки военнопленных; части СА использовались и для охраны пленных.

Какой же вывод из всего этого сделал трибунал? Он зафиксировал в своем приговоре, что СА представляли собой группу, состоявшую большей частью из негодяев и головорезов, но... не являющуюся организацией «в том смысле, как это предусмотрено ст. 9 Устава». И тут нетрудно увидеть явные противоречия, на что и обратил внимание член трибунала от СССР.

Вернемся к осужденным. Все они надеялись: авось помилуют, хотя по всем законам — человеческим и юридическим — эпилогом их позорной жизни могла быть лишь смерть на виселице.

Для подачи ходатайств о помиловании был установлен четырехдневный срок после оглашения приговора.

О помиловании просили все, за исключением Кальтенбруннера, Шпеера и Шираха. Первый — ввиду явной безнадежности предприятия, Шпеер и Ширах радовались и тому, что их миновала петля, которую они вполне заслужили. Адвокат Бергольд подал ходатайство о помиловании Бормана, а защитники преступных организаций — о пересмотре приговора.

Осужденные, кроме того, высказали ряд просьб: Редер, например, о замене пожизненного заключения смертной казнью; Геринг, Йодль, Кейтель — о замене казни через повешение расстрелом, если их просьбы о помиловании будут отклонены.

9 и 10 октября 1946 года в Берлине состоялось заседание Контрольного совета по Германии, который рассмотрел поступившие ходатайства и решил:

1) ходатайства, представленные организациями СС, гестапо, СД и руководящим составом нацистской партии, неприемлемы, поскольку Контрольный совет не уполномочен пересматривать приговоры Международного военного трибунала и может только осуществлять право помилования;

2) ходатайство Редера неприемлемо, потому что Контрольный совет может осуществлять только право помилования по уже принятым приговорам, но не усиливать меру наказания;

3) отклонить просьбы о помиловании Геринга, Гесса, Риббентропа, Кейтеля, Розенберга, Франка, Фрика, Штрейхера, Заукеля, Йодля, Зейсс-Инкварта, Функа, Деница и фон Нейрата;

4) отклонить ходатайства Геринга, Йодля и Кейтеля, поданные на случай, если их просьбы о помиловании будут отклонены, о замене казни через повешение расстрелом;

5) просьба о помиловании, поданная от имени Бормана, отклоняется как преждевременная. Однако Борману предоставляется право обратиться с такой просьбой в течение четырех дней после его ареста, когда таковой будет иметь место.

В конце заседания член Контрольного совета по Германии Маршал Советского Союза В. Д. Соколовский сделал следующее заявление: «Международный военный трибунал в Нюрнберге заслушал дело, имеющее совершенно исключительное значение. Трибуналом рассмотрено дело о преступной агрессии, вовлекшей человечество в катастрофу мировой войны, о военных преступлениях, беспрецедентных по масштабам и жестокости, и об организованных гитлеровским государством убийствах миллионов мирных граждан.

Как член Контрольного совета я должен констатировать, что трибунал, в течение десяти месяцев тщательно рассматривавший все предъявленные доказательства, вынес приговор, который дает полную картину преступлений гитлеровцев.

Я твердо убежден в том, что осужденные трибуналом главные военные преступники, с приговором которым мы только что согласились, заслужили определенное им трибуналом наказание.

Одновременно я считаю своим долгом заявить, что я в полной мере разделяю мнение члена трибунала от СССР генерала Никитченко и полагаю, что имелись вполне достаточные основания также для осуждения Шахта, Папена и Фриче и применения смертной казни в отношении Гесса и для признания преступными организациями гитлеровского правительства, генерального штаба и верховного военного командования.

Во время разбора дела на суде было ясно установлено, что Папен и Шахт активно помогали Гитлеру прийти к власти. Шахт обеспечил затем экономическую и финансовую подготовку агрессии. Фриче вместе с Геббельсом в течение ряда лет вели отравляющую германский народ нацистскую пропаганду. Гесс — заместитель Гитлера по партии, третий по значению человек в гитлеровской Германии — ответствен за все преступления гитлеровского режима.

Отношение мирового общественного мнения к приговору трибунала и Особому мнению представителя от СССР убеждает делегацию от Советского Союза в Контрольном совете в справедливости как рассмотренных нами решений Международного военного трибунала, так и особого мнения члена Международного военного трибунала от СССР».

На следующий день Контрольный совет назначил дату исполнения приговоров о смертной казни — 16 октября. Было решено, что при казни будут присутствовать члены четырехдержавной комиссии, состоящей из четырех генералов. В нее войдут также по два представителя прессы от каждой из четырех держав и один официальный фотограф. Другим фотографирование было запрещено. Советскую прессу представляли корреспондент ТАСС Б. Афанасьев и корреспондент «Правды» В. Темин.

Виктор Темин настойчиво упрашивал меня получить для него разрешение на фотографирование, но встретил категорический отказ. Как впоследствии выяснилось, корреспондент все же сумел обойти все запреты. Снаряженный тщательно спрятанной портативной фотоаппаратурой, он прошел через все кордоны МП и пополнил свой архив уникальными снимками казни главных нацистских преступников.

Вечером 15 октября полковник Эндрюс, ведавший охраной тюрьмы, посетил каждого из осужденных и сообщил им об отклонении Контрольным советом просьб о помиловании. А ровно в полночь он вбежал в комнату журналистов и растерянно сообщил: Геринг умер! Несколько успокоившись, Эндрюс рассказал, что солдат охраны, дежуривший у двери камеры Геринга, услышал странный хрип. Он сейчас же вызвал дежурного офицера и врача. Когда они вошли в камеру, Геринг был в предсмертной агонии. Врач обнаружил у него во рту мелкие кусочки стекла и констатировал смерть от отравления цианистым калием.

В качестве официальных свидетелей от немецкого народа на казни присутствовали министр-президент Баварии д-р Вильгельм Хогнер и обер-прокурор г. Нюрнберга д-р Фридрих Лейснер. Им были показаны камеры осужденных, в том числе камера Геринга, труп которого лежал на койке.

В 00 часов 55 минут журналистов, Хогнера, Лейснера, медиков повели в самый конец тюремного двора, где находился гимнастический зал. Там были установлены три механизированные виселицы, сооруженные на деревянных помостах.

Вошли полковник Эндрюс, затем тюремные священники — католик и протестант, американские офицеры охраны, члены комиссии Контрольного совета — американский, советский, английский и французский генералы.

Первым для исполнения приговора был введен Риббентроп. Он находился в состоянии полной прострации. Пастор прочел краткую молитву, на голову Риббентропа сержант армии США Джон Вуд быстро накинул черный колпак и петлю, нажал на рычаг механизированной виселицы — и осужденный упал в люк... Так один за другим были казнены приговоренные к смерти главные военные преступники.

Затем тела казненных и труп покончившего самоубийством Геринга были положены в ряд, сфотографированы официальным фотографом, сожжены, а прах их с самолета был развеян по ветру.

Приговоренные к лишению свободы отбывали наказание в каторжной тюрьме в Шпандау в Западном Берлине. Об их судьбе было сказано выше.

...Наблюдая, с каким страхом слушали нацистские главари приговор трибунала, как трусили они, я невольно вспомнил о мужестве советских людей, патриотов других стран, встречавших смерть с гордо поднятой головой, с уверенностью в правоте дела, за которое они бесстрашно боролись. Об этом свидетельствуют бесчисленные документы и рассказы очевидцев, а также сохранившиеся надписи на стенах гитлеровских темниц. С такими надписями я имел возможность ознакомиться непосредственно после процесса в Нюрнберге в одном из помещений Панкраца (Прага), где нацистские садисты установили во время оккупации гильотину. Они клали очередную свою жертву лицом вверх (чтобы человек видел падающий нож) и обезглавили таким способом около 2 тысяч человек. Панкрац, Лидице, Орадур, Бабий Яр, Освенцим, Майданек... Главари «третьего рейха» повинны в гибели миллионов людей. Тени убитых взывали к справедливости. И она восторжествовала в Нюрнберге: правосудие свершилось.

УРОКИ ИСТОРИИ

В Нюрнберге судили не просто военных преступников. Пусть даже главных. И суд не закончился в тот момент, когда палач накинул петлю на шею последнего из подсудимых, приговоренных Международным военным три-

буналом к смертной казни. В Нюрнберге судили фашизм — политическую систему открытой террористической диктатуры империалистической буржуазии; идеологию, выражающую интересы наиболее шовинистических, агрессивных кругов монополистического капитала.

Опыт истории учит: при появлении нестабильности экономической и политической системы, возникновении внутренних или международных кризисов в буржуазных государствах может произойти изменение формы классового господства, буржуазная демократия уступает место открытой террористической диктатуре. Так было в Германии в начале 30-х годов, и мы теперь хорошо знаем катастрофические последствия прихода Гитлера к власти.

Германский фашизм был вызван к жизни потребностями германского империализма. Деньги магнатов тяжелой промышленности стали источником существования нацистской партии, к которой еще в 1923 году примкнул Тиссен, в 1927 году — Кирдорф, а в 1930 году — такие влиятельные представители финансового капитала, как Ялмар Шахт и Эмиль Георг фон Штраус, глава «Дойче банк» — самого крупного банка Германии.

В октябре 1931 года Шахт участвовал в конференции в Гарцбурге (Брауншвейг), где присутствовали крупные промышленники и финансисты, помещики и нацистские главари, руководители «стального шлема» [1] и генералы. Это сборище реакционеров провозгласило своей практической задачей установление открытой диктатуры финансового капитала, предрешило вопрос о передаче государственной власти нацистам.

Президент наблюдательного совета крупнейшего концерна «Ферейнигте штальверке» Фриц Тиссен, настаивая на назначении Гитлера рейхсканцлером, писал: «Национал-социализм знает только одного фюрера, мысли которого являются фундаментом движения... Если по кандидатуре Гитлера на пост канцлера будет достигнуто согласие... можно было бы договориться о целях его политики».

Национал-социалистская немецкая рабочая партия (НСДАП), как ее для обмана масс именовали гитлеровцы

[1] Немецкая шовинистическая полувоенная организация, созданная фабрикантом Зельдте для борьбы с революционным движением в Германии. «Стальной шлем» в 1933 году полностью влился в штурмовые отряды (СА) и «гитлерюгенд», а Зельдте вступил в гитлеровское правительство в качестве министра труда.

(Геббельс цинично заявлял: «Социализм в нашей программе есть лишь клетка для того, чтобы поймать птичку»), была выпестована монополистическим капиталом и милитаристскими кругами, рассматривавшими ее как свою организацию, которая должна была завоевать мелкобуржуазные и деклассированные слои населения и двинуть их в желательном для них направлении. Фашистская идеология растлевала умы людей, возводила в высшую государственную добродетель самые низменные чувства и инстинкты.

С самого начала национал-социалистская партия выступала, по существу, как партия крупного капитала, находилась в теснейшей связи с военщиной. Джефри Нокс, который в качестве председателя Международной комиссии в Сааре хорошо изучил положение дел на месте, говорил: «Мы должны прежде всего понять, что... нацистская партия до тех пор, пока ее не подобрали руководители прусской военщины, была всего лишь шайкой сводников и бродяг, не имевшей ни малейшего значения». Гитлеровская партия нужна была монополистам и генералитету как орудие одурманивания населения, воплощения в жизнь их планов создания крупной военной промышленности в качестве базы агрессии, возрождения германской военной мощи в целях развязывания и ведения войн за мировое господство.

С первых же дней прихода к власти нацисты стали оплачивать монополиям выданные Гитлером векселя, начав с немедленного лишения рабочих тех прав, которые они имели. На Нюрнбергском процессе было установлено, что, когда при содействии Шахта магнаты Рура собрали 3 миллиона марок в фонд нацистской партии, Геринг от имени Гитлера пообещал: «Промышленности будет, безусловно, намного легче принести те жертвы, которые требуются, если поймут, что выборы 5 марта (1933 г.) будут наверняка последними выборами в течение последующих десяти или, по-видимому, даже ста лет». Как констатируется в приговоре Международного военного трибунала, «руководители НСДАП не делали никаких серьезных попыток для того, чтобы скрыть тот факт, что единственной целью их участия в политической жизни Германии являлась ликвидация демократического строя...»

Три миллиона марок в фонд фюрера — отнюдь не первая финансовая инъекция нацистам. И до этого Стиннес, Тиссен, Крупп, Флик, Шмиц и другие германские промышленные и финансовые магнаты пополняли кассу фа-

шистской партии. Да и не только германские, американский банкир Сидней Уорбург в 1929 году передал Гитлеру 10 миллионов долларов, а в 1931 году — 15 миллионов. В августе 1933 года состоялась встреча фюрера с американскими банкирами У. Олдричем и Г. Манном. Они пожелали непосредственно от Гитлера получить заверения, что американский «большой бизнес» не понесет в «новой Германии» никакого ущерба. Вот что со слов Манна записал в дневнике, выдержки из которого оглашались на Нюрнбергском процессе, американский посол Уильям Додд: «Гитлер чрезвычайно плохо разбирается в международных делах и к тому же мнит себя кем-то вроде немецкого мессии. Несмотря на все это, оба банкира считают, что с Гитлером можно вести дела».

Нацисты обеспечили капиталистам высокие дивиденды, уменьшили налог на прибыль, повысили интенсификацию труда, снизили заработную плату в среднем на 20 процентов по сравнению с 1932 годом и т. д. В 1959 году вышла книга западногерманского экономиста Курта Притцколейта, озаглавленная «Чудо по приказу». Автор прямо указывает, что период нацистского правления был «золотым временем» для германских монополий.

Нацисты утверждали, что они положили начало новой эры в германской истории, создали тысячелетнюю «третью империю» [1]. В действительности же национал-социализм служил лишь ширмой господства монополистического капитала в период его заката, являлся выражением неспособности господствующего класса управлять страной «традиционными» методами. Для подавления собственного народа и порабощения других стран им нужна была ничем не ограниченная, открыто террористическая диктатура. Поэтому, когда гитлеровская партия путем обмана, социальной и националистической демагогии добилась влияния на массы, хозяева промышленных концернов и банков, земельные бароны и генералы рейхсвера передали ей власть.

[1] Нацисты подразделяли историю Германии на три периода, в которые она выступала как могущественное государство. «Первой империей» они считали «Священную Римскую империю» — германское государство, существовавшее с 962 до 1806 года и распавшееся в результате наполеоновских завоеваний; «второй империей» — государство, созданное Бисмарком в 1871 году после победы над Францией и просуществовавшее до 1918 года. Началом «третьей империи» нацисты считали 30 января 1933 года — день захвата ими власти. Эта «периодизация» носит явно антинаучный характер.

Германские монополии, как уже отмечалось, сыграли решающую роль в становлении фашистского режима в Германии, в формировании и осуществлении нацистской агрессивной политики, охотно финансировали не только разбойничьи планы Гитлера, но и «особые мероприятия» Гиммлера.

Обеспечив установление в Германии режима террора и бесправия, монополии стали готовить страну к агрессивной войне. Собственно, еще в период Веймарской республики в тайне от мировой общественности они закладывали основы военно-экономического потенциала агрессии, переводя экономику Германии на военные рельсы, претворяя в жизнь лозунг «пушки вместо масла».

Германский империализм стремился к коренному переделу мира, уничтожению СССР, сокрушению американских, английских и французских конкурентов, завоеванию мирового господства.

Непреходящая актуальность Нюрнбергского процесса заключается в том, что он признал уголовным деянием саму идеологию расизма как средства подготовки войны. Фашистские главари стали международными преступниками еще до захвата власти в Германии. Они воспитали тысячи палачей, делавших свое кровавое дело с фанатизмом профессиональных убийц, с тупой убежденностью в расовом превосходстве над остальными людьми.

Борьба с германским фашизмом стала делом народов всех стран и континентов, осознавшими тот факт, что его человеко-ненавистническая идеология и политика являлись прямой угрозой всеобщему миру и социальному прогрессу. Понятен поэтому тот неослабный интерес, с которым следили народы за ходом процесса в Нюрнберге. Показательно отношение к нему и немецкого населения. Американское управление информации опубликовало обзор произведенных им опросов под характерным заголовком: «Большинство немцев считает Нюрнбергский процесс справедливым. Виновность подсудимых и организаций неоспорима. Отношение населения к процессу благожелательное». На вопрос: «Кто из подсудимых, по вашему мнению, не виновен?» — только 1 процент опрошенных ответили, что никто не виновен, 70 процентов сказали, что все виновны, 9 процентов признали вину лишь за некоторыми, а 20 процентов не высказали никакого мнения. Из опроса неоспоримо следовало, что подавляющее число немцев (около 80 процентов) считали Нюрнбергский процесс справедливым, около половины всех опрошенных за-

явили, что подсудимым должен быть вынесен смертный приговор, и только 4 процента высказались об итогах процесса отрицательно.

В форме суда над главными военными преступниками в Нюрнберге была осуществлена величайшая победа права над беззаконием.

И еще одну особенность процесса следует отметить. На нем были представлены исключительные по безупречности и силе доказательства обвинения. «Мы,— подчеркивал Джексон в своем докладе президенту США,— задокументировали нацистскую агрессию, преследования и жестокости немецкими источниками с такой подлинностью и с такими подробностями, что невозможно в будущем ответственно отрицать эти преступления и нет опасности, что среди неосведомленных людей может возникнуть легенда о мученичестве нацистов».

На Нюрнбергском процессе были представлены убедительные доказательства неслыханной жестокости, садизма, моральной деградации многих немецких генералов и дипломатов всяких рангов, «идеологов» и «практиков» расизма и милитаризма, многочисленных фашистских организаций «третьего рейха». Были разоблачены как преступники те, кто разбой и грубейшее насилие сделал средствами международной дипломатии и политики. Материалы процесса, приговор трибунала являются грозным предостережением для реакционных сил, вынашивающих агрессивные, авантюристические планы.

Нюрнбергский процесс вошел в историю как процесс антифашистский, антиимпериалистический и антимилитаристский. Он способствовал раскрытию подлинных движущих сил агрессии. Международный трибунал вынес приговор не только фашистским главарям, но и всем тем силам, которые стремились и ныне стремятся к войне. В этом его огромное значение для современности.

Очень актуально звучат сегодня слова американского обвинителя ученого-правоведа Роберта Кемпнера, подчеркнувшего в своем выступлении на процессе, что ссылка на «коммунистическую опасность», избранная нацистами в качестве предлога для террора против антифашистов, против всех прогрессивных сил немецкого народа, «была вымыслом, который в числе прочих вещей привел в конечном счете ко второй мировой войне».

Нюрнбергский процесс разоблачил разбойничий характер германской военщины, ее роль в подготовке, развязывании и ведении второй мировой войны, в преступлениях

против человечности, совершении тягчайших военных преступлений. Но эти разоблачения оказались совсем некстати для определенных кругов Запада. Именно по этой причине реакционная буржуазная историческая и юридическая наука подвергла нападкам Нюрнбергский процесс, пытаясь подорвать доверие к его материалам и выводам, в частности к тем, которые касаются преступного союза монополий и военщины. Не боясь повториться, напомним в этой связи некоторые исторические факты.

В условиях напряженной политической борьбы в 1932—1933 годах, когда решался вопрос, быть или не быть нацистам у власти, в ход событий активно вмешался генералитет. Когда Гитлер в Фюрстенберге на военном плацу встретился с командующим рейхсвером генералом фон Шлейхером, то быстро нашел в нем союзника. Генерал обещал употребить все свое влияние, чтобы провести нациста № 1 в рейхсканцлеры. Гитлер был так доволен этим обещанием, что сказал генералу: «Нужно на перекрестке прибить доску: «Здесь произошла достопримечательная беседа Адольфа Гитлера с генералом фон Шлейхером» (это не помешало Гитлеру через год дать указание о «ликвидации» ставшего неугодным генерала).

В изданной уже после войны книге «Дорогу правде» Папен писал: «Вермахт был решающим фактором в этом случае... не только определенная группа генералов была ответственна за события, приведшие к 30 января 1933 г., но и офицерский корпус в целом требовал правительства во главе с сильным человеком».

Документы процесса неоспоримо установили тот факт, что программа вооружения для агрессивных войн стала осуществляться военщиной вкупе с монополиями еще до прихода нацистов к власти, а после того, как это произошло, приобрела поистине грандиозные масштабы. Для чего? Вот что сказал по этому поводу гитлеровский адмирал Рольф Карлс: «Германия должна занять положение мировой державы... Решение превратить Германию в мировую державу требует от нас соответствующей подготовки к войне». По этому и по другим вопросам генералы и нацисты рейха были едины. Международный трибунал имел все основания записать в приговоре: «Современный германский милитаризм расцвел при содействии своего последнего союзника — национал-социализма так же или еще лучше, чем в истории прошлых поколений».

Милитаристы вступили в кровавый союз с нацистами, вместе с ними создавали «третью империю», вместе с ними бросили мир в пучину войны, принесли смерть и разрушения многим народам и странам европейского континента.

Американский обвинитель Телфорд Тэйлор, выражая согласованную позицию четырех Главных обвинителей, сказал:

— В течение девяти месяцев в этом зале суда звучала страшная повесть о камерах удушения, горах трупов, абажурах из человеческой кожи, раздавленных черепах, опытах по замораживанию, банковских подвалах, наполненных золотыми зубами. Для совести всего мира жизненно важно, чтобы все участники этих чудовищных преступлений ответили за них перед правосудием. Но эти вещественные доказательства, даже будучи такими ужасными, какими они являются, не представляют собой фундамент этого дела. Если сбить с дерева отравленные плоды, то этим будет достигнуто немногое. Гораздо труднее выкорчевать это дерево со всеми его корнями, однако только это в конечном счете приведет к добру.

Деревом, которое принесло эти плоды, продолжал обвинитель, является германский милитаризм. Милитаризм был сердцевиной нацистской партии настолько же, как и сердцевиной вооруженных сил... Милитаризм неизбежно ведет к циничному и злому игнорированию прав других, основ цивилизации. Милитаризм разрушает моральные устои народа, практикующего его... Центральной пружиной германского милитаризма в течение многих лет являлась группа профессиональных военных руководителей, которая стала известна всему миру как «германский генеральный штаб».

Тысячу раз был прав Т. Тэйлор. Но, как мы знаем, западные державы, представленные в трибунале, исходя из интересов собственной политики, не вынесли решения о признании германского генерального штаба преступной организацией. Ко всему прочему надо добавить, что тем самым они игнорировали решения Ялтинской и Потсдамской конференций: «Нашей непреклонной целью,— говорилось в одном из документов,— является уничтожение германского милитаризма и нацизма и создание гарантии в том, что Германия никогда больше не будет в состоянии нарушить мир всего мира. Мы полны решимости разоружить и распустить все германские вооруженные силы, раз и навсегда уничтожить германский генеральный штаб,

который неоднократно содействовал возрождению германского милитаризма...»

Международный военный трибунал признал агрессию тягчайшим преступлением международного характера. «Война,— подчеркивается в приговоре,— по самому своему существу — зло. Ее последствия не ограничены одними только воюющими странами, но затрагивают весь мир. Поэтому развязывание агрессивной войны является не просто преступлением международного характера — оно является тягчайшим международным преступлением, которое отличается от других военных преступлений только тем, что содержит в себе в сконцентрированном виде зло, содержащееся в каждом из остальных». Это положение имеет огромное значение для современности.

Впервые в истории человечества были наказаны как уголовные преступники государственные правители, виновные в подготовке, развязывании и ведении агрессивных войн. Претворен в жизнь принцип Устава трибунала: положение в качестве глав государства или ответственных чиновников различных правительственных ведомств не должно рассматриваться как основание к освобождению от ответственности или смягчению наказания.

В этой связи мне вспоминаются первые дни Нюрнбергского процесса. В одном из репортажей Д. Заславский тогда писал: «У него (Гитлера.— *Авт.*) есть политические родители и весьма обширная семья родственников. Очень многие находятся на свободе. Некоторые даже находятся у власти в своих странах. Они убеждены, что их нельзя назвать преступниками, потому что они государственные деятели. Так думали и нынешние подсудимые. Они были убеждены, что их звания и титулы дают им неприкосновенность...»

Приговор трибунала развеял их надежды. Равным образом были начисто опровергнуты их попытки прикрыться положением, что за международные преступления отвечают государства, а не отдельные лица, действовавшие от его имени. А ведь именно с помощью такого аргумента адвокат Яррайс попытался выгородить подсудимых: «Если германская империя начала наступления вопреки еще действовавшему договору о ненападении, то она совершила международный деликт и должна отвечать за него по нормам международного права... Только империя, а не отдельное лицо». Эту «аргументацию» целиком опроверг в заключительной речи Главный обвинитель от СССР. Он, в частности, подчеркнул: «Нельзя, прежде всего, не отметить, что

приведенная точка зрения не блещет новизной: до выступления официальной защиты на настоящем процессе некоторые неофициальные защитники военных преступников охотно пропагандировали версию, что не физические лица, а германское государство и германский народ должны нести ответственность за преступную агрессию и военные преступления». Международный военный трибунал записал в своем приговоре: «Преступление против международного права совершается людьми, а не абстрактными категориями, и только путем наказания отдельных лиц, совершающих такие преступления, могут быть соблюдены установления международного права».

На Нюрнбергском процессе была решена и проблема ответственности за совершенные злодеяния во исполнение приказа: наличие преступного приказа не освобождает исполнителя от ответственности, но может рассматриваться судом как довод для смягчения наказания. Такое решение явилось результатом учета международно-правовых норм, национального уголовного законодательства большинства государств, анализа судебной практики.

Понятно, что когда речь идет о дисциплине, без которой не может существовать армия, или о служебной дисциплине чиновника, то имеется в виду воинская дисциплина, исполнение служебных предписаний, не противоречащих явно закону, не являющихся преступлениями. Приказ бросать в огонь детей и женщин, истреблять их в «душегубках», закапывать в землю живыми, совершать другие зверства — это не воинский приказ и не требование служебной дисциплины, а подстрекательство к злодеяниям, за что исполнители несут полную ответственность, как и их начальники.

Нюрнбергский процесс сыграл большую роль в прогрессивном развитии международного права. Материалы процесса, приговор трибунала, принципы Нюрнберга имеют в этом отношении неоценимое значение. Но надо не только признать данный факт, но и добиваться неуклонного и полного претворения указанных принципов в жизнь, чему, кстати, в немалой степени способствует признание их в декабре 1946 года Генеральной Ассамблеей ООН в качестве норм действующего международного права. В августе 1979 года эти принципы получили одобрение на XI Всемирном конгрессе Международной ассоциации политических наук, объединявшей ученых-политологов 60 стран. На этом конгрессе мне была предоставлена возмож-

ность выступить на заседании одной из секций конгресса и изложить позицию советских ученых по данному вопросу. Несмотря на отдельные расхождения во взглядах, все участники обсуждения были единодушны в том, что соблюдение принципов Нюрнбергского процесса может эффективно способствовать сохранению мира на планете.

Впервые в истории зачинщики и организаторы второй мировой войны, повинные в гибели миллионов людей, понесли суровое наказание. Агрессор не только потерпел поражение, но и был заклеймен как военный преступник международным правосудием.

Для тех, кто и по сей день не расстался с планами подготовки агрессивных войн, суровым предостережением должна служить судьба главарей гитлеровского фашизма и японского милитаризма. Именем народов преступники были осуждены. Зловещие зачинщики второй мировой войны, те, кто повинен в чудовищных злодеяниях, получили заслуженное возмездие.

Уроки второй мировой войны свидетельствуют о том большом значении, которое имели совместные действия великих держав в борьбе против общего врага — фашистской Германии. В этом же убеждают и уроки Нюрнбергского процесса: единство действий необходимо для достижения благородной цели — исключения несправедливых войн из жизни человечества.

Послевоенное развитие сложилось так, что проблема ответственности и наказания за военные преступления не потеряла свою актуальность и по сей день. Реабилитация нацистских преступников стала в ФРГ обычным явлением. Акулы, как правило, остаются безнаказанными, а перед судом предстают мелкие рыбешки, судебные разбирательства тянутся годами. Чаще всего под разного рода псевдоюридическими аргументами дела прекращаются или по ним выносятся оправдательные приговоры. Характерный пример: в 1980 году осуждено семь преступников, а в отношении 1033 дела были прекращены.

Явное укрывательство военных преступников происходит не только в ФРГ, но и в ряде других капиталистических стран. Так, Соединенные Штаты предоставили убежище тысячам нацистов, совершивших злодеяния в годы второй мировой войны.

Укрывательство нацистских преступников в США возведено в ранг государственной политики.

Мировая общественность гневно осуждает такую практику и требует наказания военных преступников. Такое требование, в частности, прозвучало в апреле 1983 года в Варшаве на Международной конференции «Гитлеровский геноцид в Польше и других европейских странах в 1935—1945 гг.», на которой присутствовали представители более 20 государств, в том числе и СССР. В состав советской делегации входил и автор этих строк.

В ряде западных стран возводят на пьедестал Гитлера и других главарей «третьего рейха». Путем подтасовки фактов, использования грязных фальшивок пытаются снять с них ответственность за массовое уничтожение населения в оккупированных странах, реабилитировать тех, кто планировал истребление целых народов, кто замучил миллионы невинных, кто хладнокровно убивал военнопленных, кто превращал цветущие области в зоны пустыни. Правда обо всем этом скрывается, зато во многих странах Запада издается библия фашизма — «Майн кампф».

Реваншистские организации в ФРГ при попустительстве власть имущих требуют восстановления Германии в границах 1937 года. Это находит отражение в школьных учебниках, изображается на учебных картах.

...В те дни, когда в Нюрнберге петля затягивалась на шее главарей «третьего рейха», миллионы людей искренне надеялись, что с фашизмом покончено. Могилы от Волги до Ла-Манша должны были служить вечным напоминанием для живых. Однако и сегодня с Запада приходят вести об «акциях» идейных последователей Гитлера. Опять, как и много лет назад, звучат призывы к «новому порядку», к уничтожению коммунистов, к перекройке государственных границ. Неофашисты действуют на Западе открыто и нагло, под защитой полиции и законов.

Трудно было предположить, что приговоренный судом народов фашизм вновь попытается поднять голову. Но он оказался живуч. Его извлек из петли, поставил на ноги и пытается вдохнуть в него жизнь все тот же империализм, который призвал к власти Гитлера и его свору, помог им окрепнуть.

В последние годы неофашизм распоясывается все больше. И это не случайно. Авантюристическая политика правящих кругов США, объявивших «крестовый поход» против коммунизма, грозит миру ядерной катастрофой. Милитаристская политика Вашингтона и НАТО явилась той почвой, на которой буйно растут грибы неофашизма.

Однако у человечества не короткая память. Те, кто более полувека назад привел к власти шайку гитлеровских преступников, вместе с ними отвечали перед судом народов в Нюрнберге. Нынешние покровители и вдохновители неофашистов должны об этом помнить. В этом состоит один из важнейших уроков Нюрнбергского процесса.

Неофашизм, какое бы обличье он ни принимал, ныне не менее опасен, чем десятилетия назад. Он несет угрозу человечеству, будущему цивилизации. Народы должны быть бдительны. Об этом властно напоминают уроки истории, суд в Нюрнберге.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОДГОТОВКА К СУДЕБНОМУ ПРОЦЕССУ НАД ГЛАВНЫМИ НАЦИСТСКИМИ ВОЕННЫМИ ПРЕСТУПНИКАМИ
3

ПОПЫТКИ РЕАКЦИИ СОРВАТЬ НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС
11

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА
17

ТАКТИКА АДВОКАТОВ И СТРАТЕГИЯ ЗАПАДНЫХ ДЕРЖАВ
29

НЮРНБЕРГ, ДВОРЕЦ ЮСТИЦИИ: ВСЕ ГОТОВО К НАЧАЛУ ПРОЦЕССА
32

СУДЬИ И ОБВИНИТЕЛИ
46

ПОДСУДИМЫЕ: СТАРТ И ФИНИШ
70

ПОКАЗАНИЯ КЕМПКА О БОРМАНЕ И ГИТЛЕРЕ
139

ЕЩЕ РАЗ ОБ АДВОКАТАХ
144

ГАНС ГИЗЕВИУС И ДРУГИЕ СВИДЕТЕЛИ
152

НА ПЕРВЫХ СТАДИЯХ ЗАГОВОРА
161

ФАШИЗМ В ДЕЙСТВИИ
164

КОМУ НУЖНА ГАЛЬВАНИЗАЦИЯ МИФА
О «ПРЕВЕНТИВНОЙ» ВОЙНЕ?
169

КОНВЕЙЕР СМЕРТИ
177

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО, ИСПОЛНЕНИЕ ПРИГОВОРА
182

УРОКИ ИСТОРИИ
193

Марк
Юрьевич
Рагинский

Нюрнберг:
ПЕРЕД СУДОМ ИСТОРИИ

Воспоминания участника
Нюрнбергского процесса

На 2-ой сторонке обложки:
Вход во Дворец юстиции

На 3-ей сторонке обложки:
Тюрьма, где содержались
главные нацистские преступники

Заведующий редакцией *А. В. Никольский*
Редактор *К. О. Меликян*
Младший редактор *Т. В. Гуничева*
Художник *В. Г. Фескин*
Художественный редактор *Е. А. Андрусенко*
Технический редактор *Ю. А. Мухин*

ИБ № 4932

Сдано в набор 23.07.85.
Подписано в печать 22.11.85. А00213.
Формат $84\times108^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 2.
Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая.
Усл. печ. л. 11,13. Усл. кр.-отт. 11,97. Уч.-изд. л. 12,60.
Тираж 300 000 (150 001—300 000) экз. Заказ 1302.
Цена 90 коп.

Политиздат.
125811, ГСП, Москва, А-47,
Миусская пл., 7.

Ордена Ленина
типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473,
Краснопролетарская, 16.

